

отправились гуськомъ между грядями старыхъ моренъ Му-стагъ-аты.

Часа черезъ два мы спустились въ долину Сары-коль. Отсюда дорога вилась вверхъ, черезъ долину Мусъ-куру, къ перевалу того-же имени, находящемуся въ Сары-кольскомъ хребтѣ, ограничивающемъ Памирское плато съ востока. Какъ разъ тутъ-то внизу, въ долинѣ, намъ и предстояло миновать

Мальчики-киргизы.
(Съ рисунка автора).

опаснѣйшее мѣсто; здѣсь расположенъ китайскій караулъ оберегающій русско-китайскую границу.

Мы ѣхали тихо и медленно и проѣхали такъ близко отъ караула, что киргизы своими соколиными глазами видѣли юрты, но никто не окликнулъ насъ, даже собаки не залаяли, хотя съ нами былъ Джолдашъ. Люди мои сильно трусили и ободрились только, когда мы оставили караулъ далеко позади, — они знали, что если-бы насъ захватили, имъ пришлось-бы отвѣдать китайскихъ бамбуковыхъ палокъ.

Около 4 ч. утра 20 августа мы счастливо достигли перевала Мусъ-куру, гдѣ были сдѣланы нѣкоторыя наблюденія, во время которыхъ насъ захватила вьюга. Отсюда мѣстность медленно понижается къ западу. Мы ѣхали по широкой доли нѣ Нагара-кумъ (барабанный песокъ). Дно ея усыпано большей частью мелкимъ желтымъ летучимъ пескомъ, который около склоновъ горъ образуетъ красивыя дюны. Песокъ наносится сюда западными и югозападными вѣтрами, которые почти постоянно бушуютъ надъ Памиромъ. Но они не могутъ переступить порога, образуемаго хребтомъ Сары-коль, и поэтому песокъ накапливается у подошвы хребта.

Область эта совершенно безводна и поэтому необитаема лѣтомъ, но зимою, когда снѣгъ доставляетъ достаточное количество воды, киргизы заходятъ и сюда. Лишь около Сары-булака (желтый источникъ) изъ почвы просачивалось немного воды, благодаря которой здѣсь и образовалась лужайка съ довольно хорошимъ подножнымъ кормомъ. Мы и сдѣлали тутъ привалъ съ 10 до 1 часу.

Къ вечеру добрались до обширныхъ равнинъ Кошъ-агыла, гдѣ почва ровная и твердая, какъ полъ. Росли здѣсь только рѣдкіе кусты терескена, бросавшіе при лучахъ заходящаго солнца длинныя черныя тѣни. Здѣсь мы вступили въ область характернаго плато восточнаго Памира съ его широкими, ровными безводными долинами и низкими, округленными, сильно вывѣтрѣлыми хребтами и кряжами.

Въ сумерки достигли Мургаба, который въ эту пору являлся величественной рѣкой; привалъ сдѣлали на маленькой лужайкѣ на правомъ берегу рѣки, гдѣ и провели ночь прямо подъ открытымъ небомъ.

Нѣсколько словъ о моемъ вѣрномъ Джолдашѣ! Онъ былъ моимъ дорожнымъ товарищемъ и въ этомъ путешествіи по Памиру, переносилъ самыя тяжелыя лишенія безъ ропота, неуклонно несъ при насъ ночную сторожевую службу и при этомъ всегда былъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа. Когда мы, бывало, по пути приближались къ какому-нибудь аулу, онъ стрѣлой мчался впередъ и тотчасъ заводилъ драку съ собаками аула. Не смотря на всю его ловкость и увертливость, ему, разумѣется всегда задавали трепку, и тѣмъ не менѣе онъ никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго страха

передъ непріятелемъ, хотъ-бы послѣдній и былъ въдесятеро сильнѣе его.

Во время этого форсированнаго марша на Памирскій постъ Джолдашъ стеръ себѣ заднія лапы. Люди и сшили ему кожаные чулки, въ которыхъ онъ сталъ похожъ на „Кота въ сапогахъ“. Презабавно было смотрѣть, съ какою осторожностью онъ испытывалъ это диковинное приспособленіе. Сначала онъ перебиралъ только передними лапами, тащась на обѣихъ заднихъ въ присѣсть. Потомъ заковылялъ на трехъ ногахъ, попеременно пуская въ ходъ то ту, то другую изъ заднихъ лапъ, и въ концѣ концовъ вполнѣ убѣдился въ цѣлесообразности обуви, защищавшей заднія лапы отъ новыхъ пораненій.

На слѣдующее утро мы перебрались на лѣвый берегъ Мургаба и продолжали путь вдоль по рѣкѣ къ западу. Наконецъ, мы перешли кулисообразныя скалистыя высоты, которыя выступаютъ въ долину, и тутъ передъ нами вдругъ открылось расширеніе долины, гдѣ впадаетъ въ Мургабъ Акъ-байталъ и гдѣ расположенъ Памирскій постъ.

Мы ѣхали цѣлый день форсированной рысью. Около 5 ч. дня на фонѣ темныхъ горъ обрисовался голубоватый дымокъ, а, спустя часъ, мы вѣзжали во дворъ укрѣпленія.

Все было тихо и безмолвно; не было видно ни одного офицера; только часовой крикнулъ: „кто идетъ?“ Оказалось, что вчера пріѣхалъ въ крѣпость молодой офицеръ изъ Петербурга, и крѣпостные офицеры устроили сегодня въ честь его пикникъ гдѣ-то неподалеку.

Общество, впрочемъ, скоро вернулось съ моимъ старымъ другомъ капитаномъ Зайцевымъ во главѣ. Зато изъ молодыхъ офицеровъ, служившихъ прошлою зимою подъ его начальствомъ, не осталось никого; все ушли съ генераломъ Ионовымъ въ походъ въ Шугнанъ на афганцевъ. Ихъ смѣнили другіе, которымъ предстояло служить подъ командой капитана генеральнаго штаба Скерскаго. Еще, со времени моего пребыванія, въ укрѣпленіи произошли двѣ перемѣны. Въ этомъ глухомъ мѣстечкѣ, которое одинъ изъ моихъ ферганскихъ друзей назвалъ райскимъ уголкомъ, потому что тутъ нѣтъ женщинъ, появилась теперь молодая супруга новаго коменданта, нѣмка по происхожденію, очень симпатичная дама, самымъ любезнымъ образомъ исполнявшая роль хозяйки за столомъ. Конечно, у

всякаго свой вкусъ, но, по моему, теперь крѣпость болѣе заслуживала названія рая, чѣмъ прежде. Затасканные военные сюртуки и нечищенные сапоги уступили мѣсто болѣе тщательному туалету. Смягчающее облагораживающее вліяніе женщины сказывалось во всемъ.

Затѣмъ, въ крѣпости появился оркестръ изъ 12 человекъ, который игралъ ежедневно во время обѣда подъ окномъ „офицерскаго собранія“, или „клуба“, какъ называлась теперь зала казино, стѣны котораго были увѣшаны картами Памира и планами крѣпости.

Къ югу отъ Памирскаго поста тянется въ широтномъ направленіи горная цѣпь, отдѣляющая долину Мургаба отъ Аличуръ-Памира и называющаяся Базаръ-дере. Какъ разъ здѣсь горы дѣлаютъ изгибъ къ югу, и Мургабъ жметъ къ скаламъ, также образуя почти правильную дугу; теченіе его здѣсь очень быстрое.

Однажды мы съ капитаномъ Зайцевымъ совершили по рѣкѣ прогулку въ лодкѣ, сдѣланной казаками изъ пропитанной масломъ парусины и деревянныхъ планокъ. Мы сѣли въ нее, пройдя предварительно порядочный конецъ вверхъ по рѣкѣ, и тихонько поплыли внизъ, причемъ приходилось стараться держаться середины теченія, чтобы избѣгнуть предательскихъ мелей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ вода сжата въ узкій глубокій протокъ, лодка неслась съ страшной быстротой.

Множество излучинъ, которыя дѣлаетъ рѣка, обуславливаютъ постоянную смѣну панорамъ. То и дѣло впадаешь въ комическое заблужденіе: кажется, что лодка скользитъ прямохонько, а горизонтъ извивается изъ стороны въ сторону. Крѣпость то видна съ правой стороны, то оказывается на лѣвой; въ концѣ концовъ голова идетъ кругомъ.

Вода течетъ около береговъ съ еле слышнымъ журчаньемъ; вообще водная масса течетъ по руслу словно масло, и увлекаетъ лодку, точно скорлупку. Послѣ часовой веселой прогулки мы пристали къ берегу мокрые, какъ лягушки, проплывъ порядочный конецъ внизъ по рѣкѣ, до того мѣста, гдѣ рѣка снова расширяется на небольшомъ протяженіи.

Недалеко отъ Ша-джана, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было возведено первое русское укрѣпленіе, и въ четырехъ

верстахъ отъ нынѣшней крѣпости, долина Мургаба суживается, рѣка также, становясь зато глубже и быстрѣе. Здѣсь расположенъ киргизскій аулъ изъ шести юртъ. Здѣсь-же находится послѣдній безопасный бродъ черезъ рѣку, которымъ пользуются всѣ, кому нужно въ западный Памиръ.

27 августа я отправился на Япиль-куль; меня любезно сопровождали весь первый день (40 верстъ) капитанъ Зайцевъ и молодой поручикъ. Къ несчастью, киргизы около Ша-джана дали намъ дурной совѣтъ перейти черезъ рѣку въ 10 верстахъ ниже, такъ какъ, по ихъ словамъ, тамъ правый берегъ былъ удобнѣе для ѣзды, и воды въ рѣкѣ было значительно меньше. Когда мы добрались до указаннаго мѣста, одинъ изъ киргизовъ отправился впередъ показать самый бродъ. Посреди рѣки вода, однако, дошла до 120 сантим. глубины; лошадь потеряла опору подъ ногами, и теченіемъ ее понесло внизъ по рѣкѣ. Къ счастью, ей опять удалось попасть на мелкое мѣсто, и она вышла на другой берегъ съ мокрымъ до пояса всадникомъ.

Послѣ того, какъ бродъ перешли еще двое киргизовъ, капитанъ Зайцевъ тоже бросился съ лошадыю въ воду и достигъ другого берега, но до того вымокъ при этомъ, что счелъ за лучшее стащить съ себя полные воды сапоги и высушить ихъ и нижнее платье на солнышкѣ. У меня не было никакой охоты искупаться, поэтому я дождался трехъ верблюдовъ, навьюченныхъ нашими пожитками, взобрался на самага высокаго изъ нихъ и перебрался сухимъ.

Затѣмъ, мы продолжали путь и въ сумерки достигли устья долины Агалхаръ, гдѣ разбили лагерь въ защитѣ торчащей изъ земли скалы. Зайцевъ захватилъ съ собою полный обѣдъ и пару бутылокъ краснаго вина, и мы весело поужинали при свѣтѣ пестрыхъ китайскихъ фонарей и ярко горящаго костра. Было произнесено много болѣе или менѣе подходящихъ къ случаю рѣчей, спѣто, хоть не совсѣмъ вѣрно, множество пѣсенъ и даже цѣлыхъ оперъ, будившихъ, однако, крайне негармоничное эхо между скалъ. Къ счастью, другихъ слушателей, кромѣ насъ самихъ, да киргизовъ, не было; послѣдніе стояли вокругъ и глядѣли на насъ съ изумленіемъ, вѣроятно, опасаясь — не повыскачили-ли у насъ въ пути изъ головъ кое-какіе винтики. Лишь далеко за полночь пѣніе уступило мѣсто пріятнымъ сновидѣніямъ.

На слѣдующій день мы остановились въ Агалхарѣ, гдѣ капитанъ Зайцевъ съ успѣхомъ сѣялъ ячмень, пшеницу и сажалъ рѣпу и редиску, не смотря на то, что мѣсто это находится на высотѣ 11,000 ф. Въ теченіе дня я нанесъ на карту часть теченія рѣки къ западу. Проведя вмѣстѣ еще одинъ веселый вечеръ, мы разстались рано утромъ 2 августа; мои русскіе друзья вернулись на Памирскій постъ, а я съ моими людьми продолжалъ путь по долинѣ Агалхаръ.

Въ теченіе двухъ дней мы перевалили черезъ хребетъ Базаръ-дере, въ которомъ открыли новый перевалъ на высотѣ 4,869 м. и назвали его переваломъ Зайцева. Значенія большого онъ не имѣетъ, такъ какъ труднопроходимъ: подъемъ очень крутъ, и оба склона покрыты мелкимъ сланцевымъ щебнемъ, по которому лошадямъ трудно ѣхать. Едва замѣтная тропинка черезъ перевалъ свидѣтельствовала, что имъ пользуются только дикія козы, да архары.

По южную сторону хребта мѣстность медленно понижается, переходитъ въ Мусъ-джилгу и затѣмъ въ широкую продольную долину Аличуръ, лежащую почти на 2,000 ф. выше долины Мургаба. Въ ней разбросано 120 киргизскихъ кибитокъ. Еще два дня пути, и мы были въ Сюме на восточномъ берегу Яшилъ-куля. По дорогѣ перешли черезъ р. Акъ-балыкъ (бѣлая рыба), иначе называемую Балыкъ-мазаръ (рыбная святыня); около сѣвернаго берега долины изъ земли бьютъ ключи, образующіе бассейнъ въ три метра глубины и едва въ 20 м. въ діаметрѣ; въ темно-синей, прозрачной водѣ, имѣющей температуру 4° С, водится множество большихъ (1 ф. длиною) жирныхъ рыбъ съ черной спиной.

Онѣ живо заинтересовали насъ съ кулинарной точки зрѣнія, и мы сдѣлали долгій привалъ у бассейна, чтобы наловить ихъ. То обстоятельство, что у насъ не было съ собою никакихъ рыболовныхъ снарядовъ, разумѣется, мало смущало насъ. Съ помощью бичевки, крючка отъ часовой цѣпочки и кусочка баранины мы скоро выловили три рыбы. На ночевкѣ въ Босалѣ киргизы поджарили ихъ на яковомъ маслѣ, и у насъ заранѣе текли слюнки. Но рыбы оказались несъѣдобными, имѣли противный терпкій вкусъ. Одному Джолдашу онѣ пришлось по вкусу, но ему пришлось раскаяться въ своей жадности, — должно быть, разстроилъ себѣ желудокъ и вылъ всю ночь.

На лѣвомъ берегу р. Аличуръ намъ попалась одинокая могила, обнесенная каменной оградой. Здѣсь погребены семь афганскихъ солдатъ, павшихъ два года тому назадъ въ бою съ русскими. Тутъ-же валялись лохмотья кошмъ и шести отъ кибитокъ, въ которыхъ они жили. Шести пополнили нашъ запасъ топлива, хотя Іехимъ и протестовалъ противъ ограбленія могилы.

Ночь на 2 сентября мы провели въ рабатѣ Сюме, который представляетъ три гумбеза (башенки ульеобразной формы), возведенные ханомъ Абдуллахомъ, а на слѣдующее утро мы побывали на бившемъ неподалеку горячемъ сѣрномъ источникѣ температуры 60.6° , а также прошли взглянуть на „тамга-ташъ“ (камень-печать), говорившій, что было время, когда китайцы считали себя господами Памира. На верхней сторонѣ камня есть углубленіе, въ которое была прежде вставлена каменная плита съ надписью, увезенная въ Петербургъ.

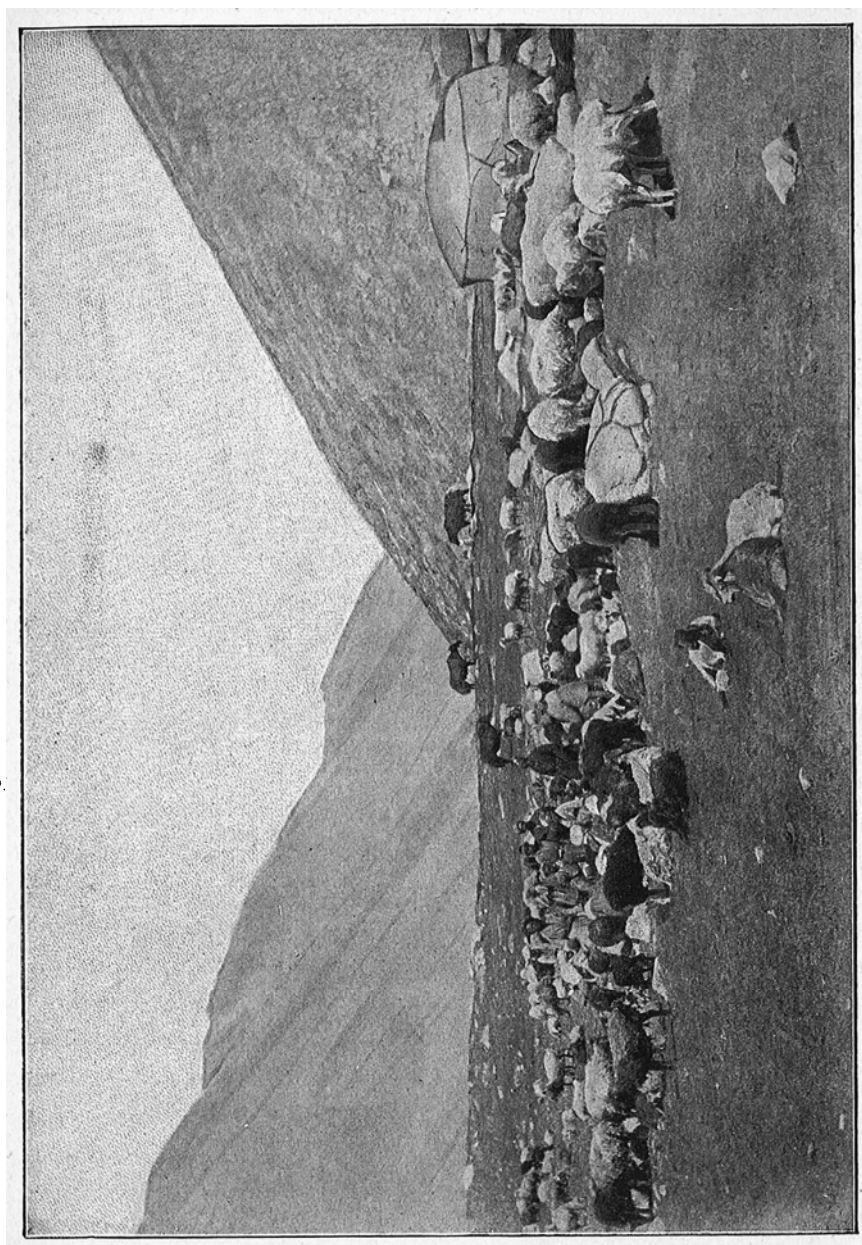
Затѣмъ мы отправились на западъ по сѣверному берегу Яшилъ-куля, расположенному на высотѣ 3,799 м. Долина Аличуръ суживается здѣсь такъ, что ширина озера не превышаетъ 3 килом., длина-же его равняется 23 килом. Вода въ немъ голубовато-зеленая, но не такая прозрачная, какъ въ Маломъ Кара-кулѣ; температура ея равнялась 18° . Мы ѣхали по самому берегу, сложенному изъ сильно вывѣтрѣлаго гранита; изъ осыпающагося щебня образовался около озера мощный уваль, уголъ паденія котораго равнялся 33° .

По обѣимъ берегамъ идутъ поперечныя долины съ рѣками. Самая большая долина Чонъ-Марджанай съ рѣкой того-же имени, притокъ воды въ которой равнялся 3 куб. м. въ секунду; впадала она въ озеро нѣсколькими рукавами, образующими дельту.

На небольшой низкой косѣ Кемпиръ-чокъ мы сдѣлали привалъ. Разостлавъ кошмы на землѣ между густыми, но уже высохшими и потерявшими листву кустами, мы сварили себѣ чаю и принялись за свой простой ужинъ. Громадный костеръ изъ вѣтвей кустарника далеко освѣщалъ окрестность. Я занесъ въ дневникъ событія дня, огонь сталъ потухать, и мы, завернувшись въ тулупы, заснули подъ монотонный плескъ озера.

3 и 4 сентября былъ изслѣдованъ западный берегъ Яшилъ-куля, въ высшей степени интересная мѣстность. На южномъ

берегу возвышался отрогъ мощной горной цѣпи, отдѣляющей Яшилъ-куль отъ Шугнана и носящей здѣсь общее названіе

Киргизское кочевье въ долину Сары-когы.
(Съ фотографіи автора)

Кара-корума. Гребень хребта на западномъ берегу озера, гдѣ вытекаетъ изъ него рѣка Гунтъ, покрытъ снѣгомъ. Здѣсь

замѣтны слѣды бывшаго тутъ нѣкогда мощнаго ледника, который и загородилъ долину своими моренами.

Яшилъ-куль оказывается, слѣдовательно, одинаковаго происхожденія съ Малымъ Кара-кулемъ. Воды долины Аличуръ собираются въ этотъ водоемъ прежде, чѣмъ перейти черезъ порогъ моренъ, и затѣмъ подъ именемъ Гунта прорѣзываютъ узкую крутую и дикую долину и впадаютъ въ р. Пянджъ. Морены состоятъ изъ мощныхъ глыбъ гранита, и переходъ черезъ нихъ очень труденъ.

Я сначала очень удивился увидавъ, что притокъ воды въ Гунтѣ, слышущемъ такой-же большой рѣчкой, какъ Мургабъ, равняется всего 8 куб. м. въ секунду, но скоро нашелъ объясненіе этому явленію. Главная часть водной массы просачивается подъ самой мореной, подъ которой ясно и слышно ея журчанье.

Черезъ Аличурскій Памиръ и перевалъ Найза-ташъ (4,155 м.) я вернулся еще разъ на Памирскій постъ. Сюда дошелъ слухъ, что бекъ Тогдасынъ получилъ 300 ударовъ за то, что не донесъ Джанъ-дарыну о моемъ переходѣ черезъ границу, и что бекъ лежитъ теперь при смерти. Опасаясь, что китайцы секвеструютъ оставленные мною вещи и коллекціи, я поспѣшилъ, сердечно распростившись съ гостепріимными русскими офицерами, черезъ перевалъ Сары-ташъ (4,434 м.) къ Мустагъ-атѣ, и 16 сентября мы благополучно достигли ея западнаго склона.

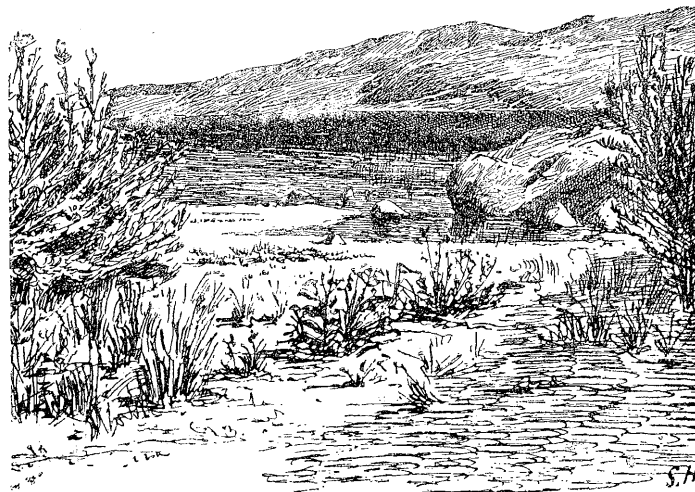
Тутъ мы узнали, что слухъ насчетъ бека Тогдасына былъ невѣренъ. Старикъ былъ здоровъ и веселъ и въ тотъ же вечеръ навѣстилъ насъ. Насчетъ моихъ вещей китайцы такъ ничего и не узнали, несмотря на всѣ свои развѣдки у киргизовъ, бывшихъ у меня въ услуженіи; вещи были хорошо припрятаны въ скалахъ подъ глыбами.

За время нашего отсутствія зима подвинулась гигантскими шагами. Снѣговой покровъ горъ значительно спустился внизъ; весь Сарыкольскій хребетъ былъ покрытъ тонкой бѣлой пеленой; горныя рѣчки сузились въ крохотные ручейки, и вся природа точно готовилась погрузиться въ долгій зимній сонъ. Мустагъ-ата вздымалась надъ нами ледяная, холодная, грозная, и у насъ пропала уже всякая охота атаковать великана.

Вмѣсто того, мы направились на югъ, вдоль подошвы горы, съ цѣлью закончить лѣтнія картографическія работы.

20 сентября мы предприняли новую экскурсію по леднику Чумъ-каръ-кашка, чтобы отыскать жерди, водруженные нами 13 августа. Измѣненіе ихъ положенія указывало на крайне незначительное поступательное движеніе ледника. Наиболѣе замѣтно сказывалось оно посрединѣ ледяного потока (0,043 м. въ день). Вѣроятно, такая медленность есть общее свойство ледниковъ Мустагъ-аты и зависитъ главнымъ образомъ отъ долгой зимы, значительной инсоляціи и сильнаго испаренія.

Ледникъ Чумъ-каръ-кашка является характернымъ пунктомъ границы. Питаемая имъ рѣка течетъ въ озеро М. Кара-куль и въ Кашгаръ, тогда какъ всѣ воды, вытекающія южнѣе, на-

Западная часть о. Яшилъ-куль.

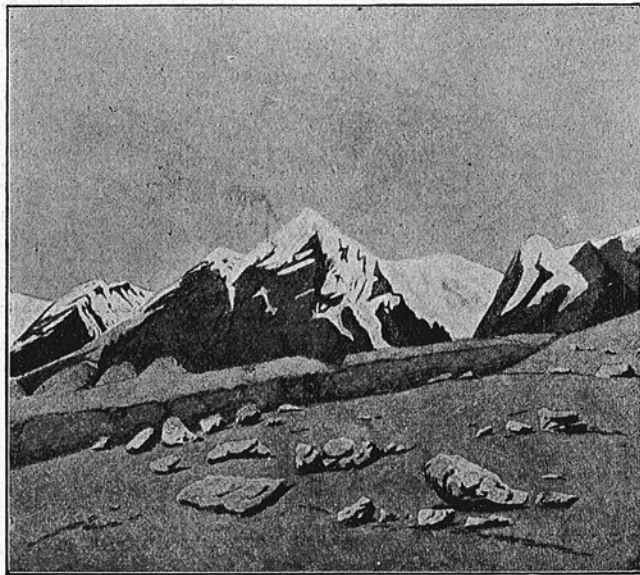
(Съ рисунка автора).

правляются въ Яркендъ-дарью. Всѣ эти рѣчки и ручьи, которые мы переѣзжали во время нашего дальнѣйшаго движенія, вырыли себѣ довольно глубокия русла въ нижнихъ округленныхъ склонахъ группы Мустагъ-аты, покрытыхъ продуктами процесса вывѣтриванья и старыми моренами, и усѣянныхъ отдѣльными гнейсовыми глыбами; лужайки же здѣсь встрѣчаются лишь изрѣдка.

На западѣ изъ подъ щебня во многихъ мѣстахъ выступаютъ острые верхушки скалъ и изъ огромнаго ущелья выходитъ ледникъ Кокъ-сель. Конечная морена его громаднхъ размѣровъ, и вытекающая изъ него рѣка принимаетъ притоки со всѣхъ сторонъ. Мы замѣтили, что чѣмъ дальше мы подвиг-

гаемся къ югу, тѣмъ меньше становятся самые ледники и тѣмъ больше старыя морены, что могло зависѣть отъ того, что идущіе къ югу ледяные потоки проявляли прежде болѣе усиленную дѣятельность, нежели идущіе къ сѣверу.

21 сентября мы описали большой кругъ вдоль подошвы группы Мустагъ-аты къ OSO и на востокъ къ леднику Саръ-агылъ, а 22 сентября дальше мимо ледниковъ Шиверъ-агылъ и Гердумбашъ; оба они недоступны вслѣдствіе непроходимости окружающихъ ихъ моренныхъ грядъ, по которымъ не перебраться даже якамъ. Массивъ горы съ этой стороны предста-

Кара-корумъ, южная часть группы Мустагъ-аты.

(Съ рисунка автора).

вляется какъ-бы разорваннымъ, — весь въ зубцахъ, скалы и выступы на каждомъ шагу. Ледники здѣсь имѣютъ короткое протяженіе, часто обрываясь еще раньше, чѣмъ успѣютъ выступить изъ ущелья; нижніе склоны Мустагъ-аты носятъ характеръ давняго мореннаго ландшафта, съ цирками, уступами, валунами и озерками. Еще ниже они мало-по-малу переходятъ въ равнину Тагарма.

Два слѣдующихъ ущелья называются Кара-корумъ. Въ нихъ нѣтъ ледниковъ, но у подошвы много старыхъ моренъ, сильно изрытыхъ водами; вся мѣстность усѣяна гигантскими

валунами прекраснаго сѣраго гнейса и небольшими камнями кристаллическаго сланца; между ними держится множество зайцевъ. Вся эта мѣстность носитъ названіе Кара-корума и оправдываетъ свое прозвище.

Подъ конецъ мы направились къ NO, вступили въ долину р. Тегермень-су и сдѣлали привалъ на берегу рѣки, гдѣ нашлось прекрасное мѣстечко на травѣ, между кустами. Здѣсь мы пробыли до 23 сентября. Минимальный термометръ далъ за ночь $+5^{\circ}$, показывая, что мы спустились въ нижніе пояса. Притокъ воды въ рѣкѣ равнялся въ 4 ч. дня 2 куб. метр. въ секунду; температура воды $+8.3^{\circ}$; самая вода была прозрачна, чиста и свѣтла.

Моимъ намѣреніемъ было обойти вокругъ Мустагъ-аты, слѣдуя около самой ея подошвы, а затѣмъ отъ Тегермень-су продолжать путь къ сѣверу и сѣверо-западу, назадъ къ озеру М. Кара-куль. Къ сожалѣнію, по словамъ киргизовъ, это было невозможно, такъ какъ восточные склоны, представляющіе хаосъ крутыхъ и зубчатыхъ гребней, были непроходимыми даже для пѣшеходовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я предпринялъ развѣдочную экскурсію до истоковъ рѣки и убѣдился, что киргизы правы.

Оставалось поэтому одно — обогнуть горную группу по старому пути черезъ Гыджакъ и Улугъ-рабатъ. 30 сентября мы и очутились снова на хорошо знакомомъ восточномъ берегу Малаго Кара-куля.

XVII.

На Маломъ Кара-кулѣ.

На этотъ разъ мы пробыли на Маломъ Кара-кулѣ съ конца сентября до 9 октября. Намъ нужно было отдохнуть, да и нечего было снѣшить съ этой значительной высоты въ долины; кромѣ того, я хотѣлъ путемъ промѣра глубины провѣрить свои выводы относительно образованія озера, сдѣланные мной въ первое посѣщеніе этой мѣстности.

Неподалеку находился аулъ изъ 6 кибитокъ. Я и привлекъ къ совѣщанію относительно способа промѣра глубины озера всѣхъ мужскихъ обитателей аула, бека Тогдасына и еще нѣсколькихъ изъ нашихъ киргизскихъ друзей. Лодки, разумѣется, негдѣ было достать; да и понятіе-то о лодкѣ вообще имѣлъ только одинъ изъ всѣхъ киргизовъ, видѣвшій таковую на верховьяхъ Аму-дарьи. Другіе-же и не знали вовсе, что это за штука такая и какъ ее сдѣлать. Матеріала для лодки также негдѣ было взять, — во всей долинѣ Сарыколъ растутъ только шесть тощихъ березокъ около Каиндымазара, да и тѣхъ нельзя было трогать, не совершивъ святотатства. До ближайшей-же роци было около 15 миль пути.

Единственнымъ матеріаломъ подъ рукой являлись слегка выгнутыя жерди, служащія для остова юртъ, да шкуры животныхъ. Но какъ смастерить изъ этого лодку, не могъ придумать и умнѣйшій изъ киргизовъ. Тогда я сдѣлалъ изъ палочекъ и промасленнаго холста небольшую модель лодки съ парусомъ, рулемъ и килемъ; модель эта, къ большому удовольствію киргизовъ, отлично плавала по озеру.

Но бекъ Тогдасынъ заявилъ, что если смастерить такую лодку въ большихъ размѣрахъ, то прогулка въ ней навѣрняка будетъ стоить мнѣ жизни, и совѣтовалъ лучше подождать заморозковъ, когда озеро станетъ, чего надо было ожидать, по его словамъ, негдѣль черезъ шесть. Уже теперь температура падала ночью до -10° , и маленькія береговыя лагуны каждое утро подергивались тонкимъ ледкомъ, который таялъ къ полудню. На Кара-кулѣ же сильное волненіе не давало водѣ застыть, и кромѣ того въ теченіе всѣхъ девяти дней нашего пребыванія на озерѣ съ утра до вечера дулъ по направленію къ Булюнъ-кулю сильный южный вѣтеръ. Но мы не унывали: я уже слыхалъ и раньше шумъ волнъ и предпочиталъ потягаться съ богомъ вѣтровъ, чѣмъ дожидаться, пока озеро замерзнетъ.

Я велѣлъ разбить юрту всего въ 2 метрахъ разстоянія отъ самаго берега, чтобы поближе слышать музыку волнъ, а рядомъ съ юртой устроилъ и верфь, на которой мы стали сооружать лодку. Гибкія жерди связывались и переплетались крѣпкими бичевками, и черезъ нѣсколько часовъ остовъ

лодки былъ готовъ; въ длину онъ равнялся всего двумъ метрамъ, а въ ширину 1 метру.

Лошадь, околѣвшая наканунѣ, да одна овца ссудили насъ шкурами для обтяжки остова. Воздвигнута была и мачта съ краснымъ, какъ огонь, парусомъ; затѣмъ съ каждой стороны около бортовъ прикрѣпили по два надутыхъ козьихъ бурдюка, да около кормы одинъ, — корма уже начала было подозрительно погружаться. Весла соорудили тоже изъ жердей, расщепленныхъ на одномъ концѣ на подобіе двузубыхъ вилъ; между зубьями-же натянули козью кожу.

Рулемъ служила попросту укрѣпленная на кормѣ лопата.

3 октября эта своеобразная лодка была спущена. По правдѣ сказать, она не дѣлала чести шведскому судостроительству; судну нашему совершенно не доставало правильной округленности формъ, чѣмъ такъ славятся наши катера. Своими кривыми, косыми боками оно напоминало скорѣе поломанную коробку изъ подъ сардинокъ; когда-же его спустили на воду, и оно закачалось около берега на своихъ надутыхъ бурдюкахъ, то походило на какое-то допотопное животное.

Бекъ Тогдасынъ прибылъ раннимъ утромъ поглядѣть на чудовище. Остановившись въ почтительномъ разстояніи, онъ скорчилъ невыразимо комичную гримасу, обозначавшую, должно быть: „Такъ вотъ какія бываютъ лодки! Не ожидалъ!“ Ироническая-же улыбка, смѣнившая затѣмъ удивленное выраженіе, выражала, вѣроятно, слѣдующую мысль: „А, по моему, такъ это прескверный паромъ!“ Но онъ тактично промолчалъ, а я кусалъ губы, чтобы не разсмѣяться. Позже я пригласилъ его прокатиться вмѣстѣ, онъ согласился послѣ нѣсколькихъ отговорокъ, и на дѣлѣ оказалось, что онъ далеко не такъ боялся воды, какъ всѣ его сородичи.

Въ день спуска судна къ намъ съѣхались и ближніе и дальніе киргизы, а за мореннымъ уваломъ укрылось съ десятокъ киргизокъ въ большихъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ. Я спросилъ стариковъ, какъ они думаютъ, удержался ли бы отъ смѣху самъ Джанъ-дарынъ, если бы мы погрузили его на наше судно и покатали по озеру, и старики чуть не лопнули со смѣху.

Однимъ словомъ, событіе это явилось поистинѣ сенса-

ціоннымъ, самымъ необычайнымъ „тамаша“, и слухъ о немъ быстро распространился по всему восточному Памиру. На обратномъ пути, далеко отъ Кара-куля, насъ не разъ спрашивали въ киргизскихъ аулахъ, гдѣ мы останавливались ночевать, правда-ли, что одинъ чужеземецъ, у котораго были крылья, взлеталъ на самую Мустагъ-ату и потомъ леталъ черезъ озеро. Молла Исламъ понемногу сложилъ по этимъ рассказамъ цѣлую пѣсню и распѣвалъ ее по вечерамъ подъ аккомпаниментъ „гыджека“ (скрипки), и, пожалуй, пѣснѣ этой суждено по правамъ легенды, перейти въ грядущія поколѣнія.

„Бываютъ въ жизни минуты“ — увѣряютъ нѣкоторые остроумные писатели; и мнѣ представился случай убѣдиться въ этомъ: для меня дѣйствительно „настала минута“, когда наше судно было спущено на воду. Киргизы слѣдили, затаивъ дыханье, за всѣми его движеніями и не мало дивились моею храбрости, когда я сѣлъ въ лодку и прокатился по озеру, несмотря на сильный вѣтеръ. Но опасности не было никакой, судно прочно держалось на бурдюкахъ, и бекъ Тогдасынъ такъ разошелся, глядя на меня, что составилъ мнѣ компанію на слѣдующій пробный рейсъ.

Никогда чистыя, голубыя волны не плескались о борта болѣе жалкаго судна, которое чувствовало себя на водѣ въ своей стихіи не больше кошки или курицы. Оно нисколько не гордилось тѣмъ, что было первымъ судномъ на Кара-кулѣ и на такой значительной высотѣ надъ уровнемъ моря. Напротивъ, оно боязливо качалось на рѣзвыхъ волнахъ, которыя словно играли съ нимъ, и, хотя остовъ его былъ обтянутъ лошадиной, овечьей и козьей шкурами, дѣлало самыя неуклюжіе повороты, притомъ именно тогда, когда меньше всего ожидали этого.

Да, это былъ настоящій „Свенъ Дуффа*“) между лодками, „бравшій и направо и налево, но всегда наперекорь командѣ“ и совершенно невѣдавшій, что такое лавировать.

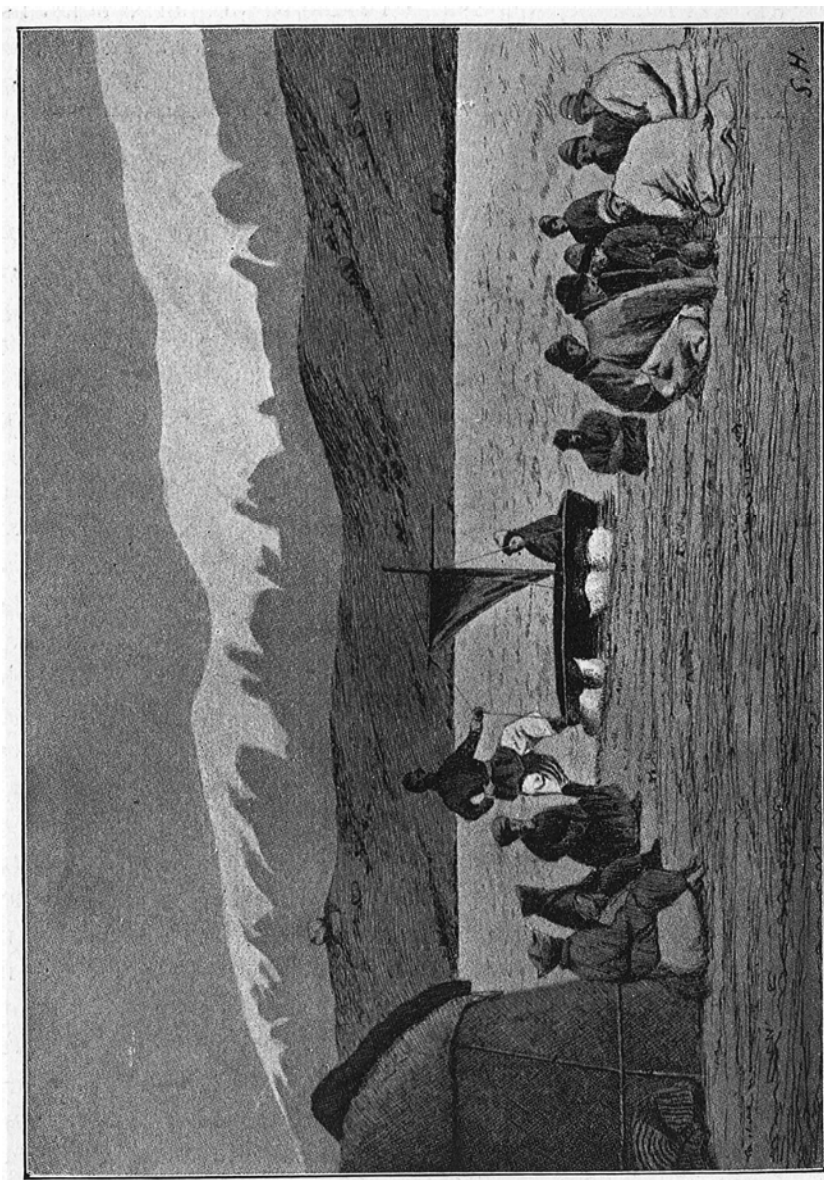
Лодка наша соглашалась идти и на сѣверъ и на югъ, но только съ попутнымъ вѣтромъ, иначе преспокойно поверты-

---

*) Герой одной изъ пѣсень Рунеберга.

вала туда, куда дулъ вѣтеръ, словомъ, была настоящимъ якомъ по упрямству.

И такъ какъ все время дулъ южный вѣтеръ, то намъ

Нашъ лагерь и лодка на берегу Малаго Кара-куля.
(Съ рисунка автора).

оставалось только каждый разъ перетаскивать лодку на южный берегъ и затѣмъ уже, плывя по вѣтру, производить промѣръ. Впервые этотъ способъ былъ примѣненъ 4 октября;

лодку на лошади перевезли по мелкой водѣ на южный берегъ; тамъ я усѣлся въ нее съ Магометомъ Турды. Вѣтеръ былъ не сильный, но холодный, и я поэтому надѣлъ тулупъ.

Мы были еще не особенно далеко отъ берега, какъ налетѣлъ шквалъ и развелъ сильное волненіе. Мы убрали парусъ и крѣпко схватились за борта, такъ какъ лодка прыгала, словно взбѣсившаяся лошадь. Положеніе было критическое, лодка быстро очутилась на серединѣ озера, и до обоихъ береговъ было далеко.

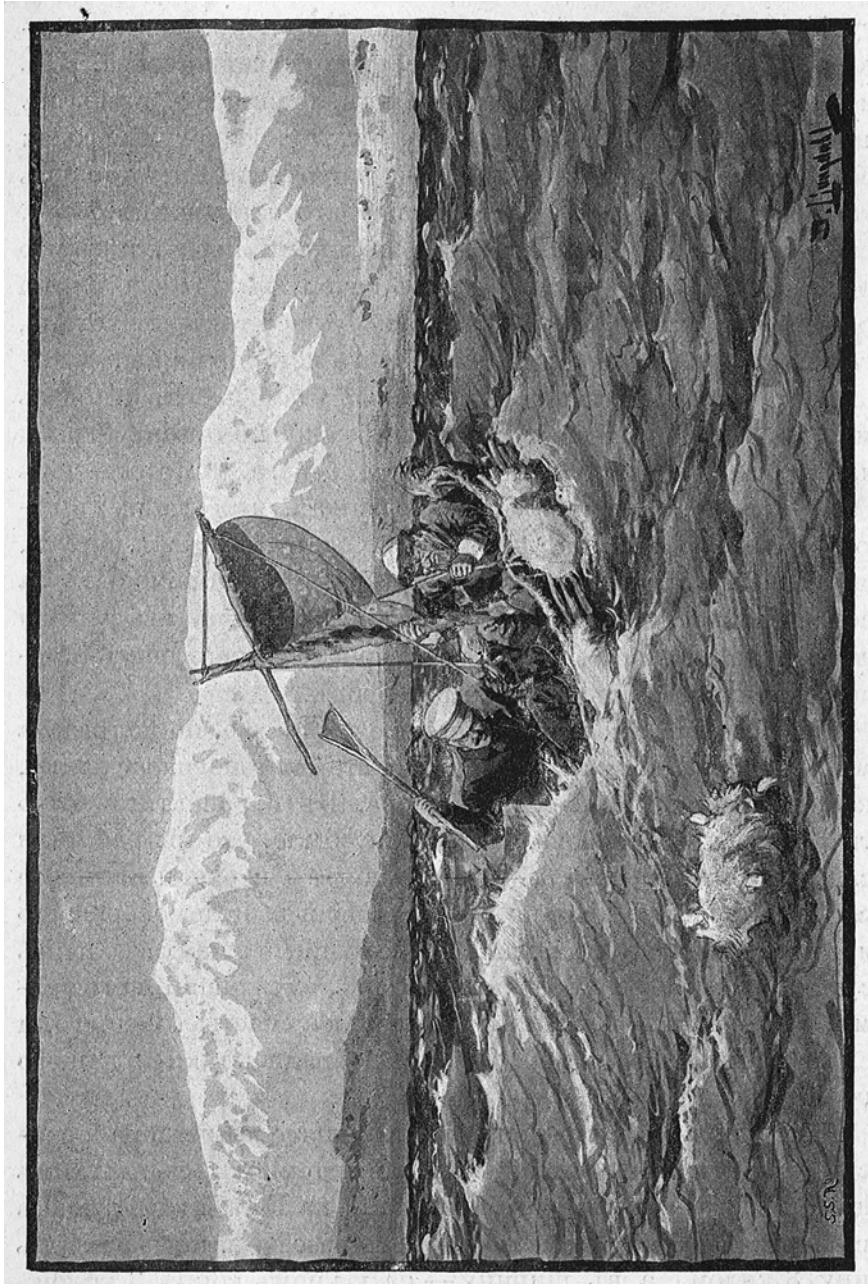
Я правилъ „рулемъ“; вдругъ корма нырнула въ волны, вода наполовину наполнила лодку и основательно вымочила насъ. Оказалось, что бурдюкъ, поддерживавшій корму, оторвался и поплылъ себѣ по волнамъ одинъ. Каждая новая волна, настигавшая насъ, обдавала насъ новымъ душемъ, хотя я и старался лопатой разрѣзать волны, а киргизъ изо всѣхъ силъ вычерпывалъ воду.

Положеніе становилось серьезнымъ, особенно въ виду того, что оба остальные бурдюка быстро худѣли, — воздухъ выходилъ изъ нихъ со свистомъ. Лодка накренилась на бокъ. Волны лѣзли въ нее со всѣхъ сторонъ, словно бѣшенныя морскія тролли въ бѣлыхъ шапкахъ.

Я сильно опасался, какъ-бы и остальные четыре бурдюка не оторвались и не уплыли, или какъ-бы изъ нихъ не вышелъ весь воздухъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ добраться до берега, и я уже измѣрялъ глазами разстояніе, соображая, смогу-ли я проплыть его.

Настроеніе наше, конечно, не выигрывало отъ того, что Магометъ Турды началъ испытывать приступы морской болѣзни. Онъ былъ блѣденъ, я бы сказалъ, какъ полотно, не будь онъ такъ желтъ отъ загара. Бѣднякъ раньше понятія не имѣлъ о томъ, что такое кататься въ лодкѣ и что такое морская болѣзнь, и поэтому не въ шутку воображалъ теперь, что пришелъ его послѣдній часъ.

Киргизы, и пѣшіе и конные, собрались на ближайшемъ къ намъ берегу и ждали съ минуты на минуту, что лодка потонетъ. Намъ, однако, посчастливилось продержаться съ нею на водѣ и добраться до мелкаго мѣста у берега. Тутъ у насъ гора свалилась съ плечъ. Промокшіе насквозь, но здоровые и невредимые мы, наконецъ, очутились на берегу, поспѣшили

Опасное плаваніе по Малому Кара-кулю.
(Съ рисунка Д. Лонгала).

въ лагерь и велѣли развести большой костеръ, чтобы высу-
шиться.

Итакъ, первая-же научная экскурсія на лодкѣ потерпѣла
Сведъ Гединъ.

Фіаско. Единственнымъ ея результатомъ было открытіе, что летучій песокъ, пожалуй, въ меньшей степени, нежели ледниковый илъ, способствуетъ обмеленію бассейна озера. Илъ наносится ручьями, вытекающими изъ ледниковъ, лишь въ теченіе лѣта, а вѣтры, наносящіе песокъ, дуютъ круглый годъ; песокъ, наносимый зимою на ледъ, впрочемъ, сметается съ него безслѣдно. Во время нашего перваго плаванія по озеру, насъ окутывало иногда цѣлыми облаками песку, такъ что береговъ почти не было видно. Къ вечеру вѣтеръ улегся, но вода все еще была мутная, и на зубахъ у насъ такъ и хрустѣло, когда мы ѣли за ужиномъ вѣчный супъ изъ баранины.

Въ теченіе слѣдующихъ дней, намъ удалось безъ особыхъ приключеній провести три хорошія промѣрныя линіи. 8-го мы отплыли отъ западной части южнаго берега. Въ этотъ день мы нарочно выѣхали попозднѣе, выжидая, чтобы вѣтеръ немного утихъ, и медленно поплыли по озеру, не ставя паруса, чтобы не помѣшать точности промѣра. Часъ проходилъ за часомъ, стало смеркаться и уже стемнѣло, пока мы успѣли выгрести на мелкое мѣсто; до сѣвернаго берега намъ оставалось какихъ нибудь сотни двѣ метровъ.

На мгновеніе наступило полное безвѣтріе, но вслѣдъ за тѣмъ съ силой задулъ сѣверный вѣтеръ и погналъ лодку, какъ скорлупку, на середину озера. Въ перспективѣ было цѣлое озеро и цѣлая ночь. Мало толку было, что мы работали веслами изо всѣхъ силъ, — вѣтеръ бралъ верхъ и насъ все несло на середину. Пока не взошелъ мѣсяцъ, было совершенно темно; на берегу Исламъ-бай, обезпокоенный нашимъ долгимъ отсутствіемъ, развелъ большой костеръ, служившій намъ маякомъ. Сѣверный вѣтеръ продолжался, къ счастью, недолго, и къ полуночи мы съ помощью веселъ добрались таки до нашего лагеря.

Большимъ преимуществомъ здѣшняго фарватера являлась невозможность столкновенія въ темнотѣ съ другимъ судномъ. Мы были полными хозяевами на Кара-куль, и лодкѣ нашей открывался полный просторъ на озерѣ, имѣвшемъ въ длину 3 килом., а въ ширину — на южномъ концѣ 3 килом., на сѣверномъ 1 кил. и на серединѣ 1½ килом.

Посмѣявшись надъ нашимъ славнымъ судномъ, надо всетаки и похвалить его. Меня очень огорчило, что, по окон-

чаніи навигаціи за выполненіемъ всѣхъ работъ и наступленіемъ неблагоприятной погоды, пришлось разобрать нашу увеселительную яхту на части и вернуть матеріалы по принадлежности вмѣсто того, чтобы цѣликомъ доставить ее въ Сѣверный музей, гдѣ она, безъ сомнѣнія, привлекла-бы общее вниманіе. Какъ-бы то ни было, наша лодка научила киргизовъ, что за штука такая лодка, хотя и не внушила особенно высокаго понятія о шведскомъ навигаторскомъ искусствѣ.

Итакъ, мы составили себѣ полное представленіе о глубинѣ Кара-куля, произведя 103 промѣра; кривыя глубинъ и были нанесены на карту. Максимумъ глубины оказался въ южной половинѣ бассейна, а именно 24 м.; въ средней части глубина колебалась между 15—20 м. Вдоль всего южнаго берега, гдѣ впадаютъ въ озеро ледниковыя ручьи, послѣдними нанесенъ круто спускающійся въ озеро конусъ изъ ила, тогда какъ гряды моренъ сѣвернаго берега имѣютъ пологій скатъ.

Въ сѣверо-западномъ углу озера, гдѣ находится верховье рѣчки Кара-куля, изъ воды высовываются небольшія эрратическія гнейсовыя глыбы. Линія, соответствующая глубинѣ 1 метра, вьется всего въ двухъ метрахъ разстоянія отъ юго-западнаго берега, хотя на немъ высятся крутыя скалы, тогда какъ вдоль всего сѣвернаго берега линія эта убѣгаетъ на 200—400 метр. въ озеро. Близехонько отъ середины западнаго берега лежитъ островокъ Киндикъ-мазаръ, гдѣ высиживаются весной яйца массы дикихъ гусей. Тутъ мы нашли также двѣ небольшія мелководныя бухты и нѣсколько подводныхъ песчаныхъ мелей, образовавшихся съ завѣтреной стороны выступающихъ въ озеро группъ скалъ.

Что-же до цвѣта озера, то мы замѣтили, что въ глубокихъ мѣстахъ оно отливаетъ темносинимъ цвѣтомъ, въ мелкихъ свѣтло-зеленымъ, а въ мѣстахъ, покрытыхъ водорослями, темно-фіолетовымъ.

Киргизы увѣряли, что въ озерѣ не водится никакой рыбы, и въ самомъ дѣлѣ я нашелъ всего одну маленькую мертвую, плававшую поверхъ воды. Рыбка принадлежала къ той-же породѣ, какъ и сохраненный мною экземпляръ изъ близъ лежащаго Басыкъ-куля, и была, вѣроятно, занесена сюда какой нибудь птицей.

Вода въ Кара-кулѣ прѣсная и годится для питья; темпе-

ратура ея во время нашего пребыванія колебалась около берега между 12—13 градусами тепла, а на серединѣ озера, на днѣ, имѣла 8°.

Въ озеро впадаетъ множество прозрачныхъ ручейковъ, и вблизи ихъ устьевъ на льду озера почти всю зиму бываютъ полыньи. Кара-куль замерзаетъ въ серединѣ ноября, а трогается ледъ въ серединѣ апрѣля.

Киргизы говорили, что ледъ на озерѣ бываетъ гладкій, блестящій, какъ зеркало, — вѣтеръ сметаетъ съ него каждую порошинку снѣга. Кромѣ того они увѣряли, что сквозь ледъ видны „лѣса и луга“ (водоросли) на днѣ озера и что отраженія звѣздъ горятъ зимними ночами во льду такъ-же ярко, какъ сами звѣзды на сводѣ небесномъ.

За работой жизнь наша текла мирно, спокойно, какъ и въ предыдущее наше посѣщеніе. По окончаніи трудового дня, я иногда въ бурную погоду ходилъ на берегъ, садился на камень и старался вообразить себѣ, что это родныя волны ударяютъ о родные берега, и во мнѣ пробуждались тысячи воспоминаній о родинѣ. Я, словно пилигримъ, сидѣлъ тогда въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ храмовъ, воздвигнутыхъ самой природой; у порога этого храма стояли на стражѣ одѣтые снѣгами горные великаны. У ногъ ихъ лежало дивное озеро, заключенное въ оправу горъ, какъ драгоценный камень чистѣйшей воды.

Несправедливо было-бы назвать Кара-куль безжизненнымъ озеромъ. Во время моихъ топографическихъ работъ на берегахъ, я часто вспугивалъ цѣлыя семейства почтенныхъ дикихъ гусей или утокъ, которые мирно побрякивали въ прибрежномъ тростникѣ, а при нашемъ приближеніи подымались и улетали на озеро. По ночамъ мы часто слышали крикъ дикихъ гусей, сзывавшихъ гусенятъ, или летавшихъ надъ нашей юртой. Нѣкоторымъ семействамъ приходилось дѣлиться съ нами своими членами, чтобы внести нѣкоторую перемѣну въ наше черезчуръ однообразное меню.

Самыя-же красивыя картины представляло отраженіе въ волнахъ Кара-куля перемѣнъ, происходившихъ въ атмосферѣ. Картины эти приковывали взоръ, были такъ богаты красками и столь разнообразны, что можно было воображать себя переносимымъ изъ одной части свѣта въ другую въ теченіе ка-

кихъ нибудь двухъ-трехъ минутъ. Встанетъ, напримѣръ, солнце на чистѣйшемъ лазурномъ небѣ, въ воздухѣ стоитъ тишина, Мустагъ-ата вырисовывается ясно и отчетливо всѣми

Хазатъ-Гюль, молодая замужняя женщина-киргизка.
(Съ рисунка автора).

своими контурами, голубые тона снѣжнаго покрова выступаютъ съ неподражаемой красотой, темные склоны прибрежныхъ горъ отражаются въ прозрачной зеркальной поверх-

ности озера, и на всей природѣ лежитъ отпечатокъ праздничнаго, торжественнаго спокойствія. Вдругъ съ сѣвера приносятся сначала бѣлыя, потомъ темныя облака, небо Памира пріобрѣтаетъ стальной зимній цвѣтъ, и въ одно мгновеніе весь небесный сводъ заволакивается; подымается вѣтеръ, сначала дующій порывами, потомъ непрерывно, бѣшенно; озеро у береговъ становится зеленаго морского цвѣта, а дальше темно-фіолетоваго, по краямъ же окаймляется бѣлыми полосами пѣны, и волны яростно бьются о берега.

Черезъ часъ буря унимается, но за ней слѣдуетъ градъ, а затѣмъ ливень; вѣтеръ стихаетъ совсѣмъ, озеро становится сѣрымъ отъ дождевыхъ брызгъ, теряя свои свѣжіе яркіе цвѣта; дождь тяжело барабанитъ по туго натянутой крышѣ юрты. Обыкновенно, такая буря проходитъ быстро и безслѣдно, но почти регулярно каждый вечеръ черезъ переваль Кара-ташъ и долину рѣки Ики-бель-су проносится восточный вѣтеръ и окутываетъ ландшафтъ густымъ туманомъ, въ которомъ скрывается изъ глазъ все, кромѣ самыхъ ближайшихъ предметовъ.

Разъ мы возвращались съ экскурсіи на Ики-бель-су, и вдругъ рѣчная долина стала наполняться густымъ туманомъ. Мустагъ-ата мало-по-малу заволакивалась и, наконецъ, исчезла совсѣмъ. Туманъ стоялъ сначала низко, и конусъ Мустагъ-аты сіялъ надъ верхнимъ слоемъ тумана ослѣпительнымъ блескомъ, словно облитый электрическимъ свѣтомъ. Солнце сѣло, стало смеркаться, туманъ расплывался все шире и шире, но верхніе пояса горной группы, обыкновенно сіяющіе серебромъ, еще горѣли пурпурными и желто-огненными тонами.

Мало-по-малу освѣщенные солнцемъ мѣста все уменьшались, тѣни съ завидной легкостью взбирались по крутизнамъ; одно мгновеніе горѣла надъ темнымъ моремъ тумана одна послѣдняя вершина, затѣмъ погасла и она; еще нѣсколько минутъ конусъ горы рисовался на темномъ фонѣ свѣтлымъ силуэтомъ, потомъ тоже погрузился во мракъ.

Ночь рисовала новыя картины. Когда туманъ снова рѣдѣлъ, на темно-синемъ небѣ, усѣянномъ блестящими звѣздами, всплывалъ блѣдный холодный мѣсяцъ и отбрасывалъ отъ склоновъ горъ длинныя тѣни, выступавшія тѣмъ рѣзче, что съ ними чередовались ярко свѣтлыя мѣста и выступы. Могильная

тишина овладѣвала окрестностью; прислушаться, такъ можно было, кажется, различить бѣненіе собственнаго сердца.

Не безъ грусти покинулъ я это маленькое прекрасное горное озеро, на которое привыкъ смотрѣть почти, какъ на свою собственность, за время своего пребыванія на его гостепріимныхъ берегахъ; мы провели здѣсь много мирныхъ, обильныхъ наблюденіями дней! Покинули мы его 9 октября. Вылъ бѣшенный южный вѣтеръ; волны пѣли свою обычную грустную, убаюкивающую пѣсню, которую никогда не устанешь слушать, но скоро она замерла вдали, а мы еще разъ направили свой путь къ ледяному царству Мустагъ-аты.

ХVІІІ.

Среди киргизовъ. Возвращеніе въ Кашгаръ.

Прежде, чѣмъ повѣствовать о возвращеніи съ Памирскаго нагорья въ Кашгаръ, позволю себѣ посвятить нѣсколько словъ киргизамъ, среди которыхъ я прожилъ столько времени.

Я уже далъ описаніе „байгъ“, играющихъ такую важную роль въ ихъ однообразной жизни. Вообще же интересы жизни киргизовъ сосредоточиваются на скотоводствѣ, да на связанныхъ съ этимъ перекочевкахъ съ мѣста на мѣсто. Лѣто киргизы проводятъ въ яйлакахъ (лѣтнія кочевья), расположенныхъ на склонахъ Мустагъ-аты и горъ Памира; въ кышлаки-же, или зимнія стоянки, расположенныя въ долинахъ, они возвращаются, когда въ горахъ выпадаетъ снѣгъ и становится холодно.

Каждый аулъ состоитъ большею частью изъ семействъ, принадлежащихъ къ одному роду, и у каждаго аула есть свои опредѣленные яйлаки и кышлаки, на которые никакой другой аулъ уже не имѣетъ права посягнуть безъ общаго на то согласія.

На другой день послѣ рожденія ребенка всѣ родственники являются съ поздравленіемъ. Закалываютъ барана, сзываютъ

гостей и совершаютъ моленіе. На третій день мулла даетъ ребенку соответствующее дню его рожденія имя, беря его изъ книги, въ которой каждый день отмѣченъ особымъ именемъ. Къ этому имени прибавляется имя отца ребенка и слово „оглы“, т. е. сынъ, напр. Кенче-Сатовалды-оглы.

Когда молодой киргизъ захочетъ жениться, родители всматриваютъ ему подходящую невѣсту, которую онъ и долженъ волей-неволей взять. Послѣдняя, напротивъ, можетъ отказаться отъ брака, если женихъ ей не понравился, хотя и тутъ въ большинствѣ случаевъ дѣло вполне въ рукахъ родителей. Если-же женихъ сирота, онъ самъ выбираетъ себѣ невѣсту. Каждый женихъ обязанъ внести родителямъ невѣсты „калымъ“, или выкупъ. Богатые киргизы платятъ до 10—12 ямбъ (1 кит. ямба стоитъ 80—90 рублей), бѣдные пару лошадей, или яковъ. Родители поэтому всегда ищутъ для дочерей „баевъ“, т. е. богатыхъ жениховъ, а для сыновей некрасивыхъ и бѣдныхъ невѣстъ, за которыхъ не потребуютъ большого калыма. За красивыхъ, молодыхъ дѣвушекъ берется всегда очень большой калымъ.

Въ области Мустагъ-аты проживала въ 1894 г. одна замѣчательная красавица киргизка Невра Ханъ, къ которой сваталось множество жениховъ изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ. Но отецъ ея требовалъ такой несообразный калымъ, что она все еще сидѣла въ дѣвкахъ, хотя ей и было уже 25 лѣтъ. Одинъ молодой киргизъ, смертельно влюбленный въ нее, просилъ меня ссудить его требуемой суммой, родители жениха и невѣсты тоже пытались склонить меня къ этому, но, конечно, напрасно.

Когда дѣло слажено, самая помолвка можетъ быть отложена на неопредѣленное время, пока не будетъ выплаченъ весь калымъ сполна. Какъ только это сдѣлано, сооружаютъ новую юрту и сзываютъ гостей на свадьбу. Гостей угощаютъ бараниной, рисомъ и чаемъ; мулла читаетъ жениху и невѣстѣ наставленіе о ихъ взаимныхъ обязанностяхъ, устраивается байга, всѣ надѣваютъ лучшіе свои халаты, невѣсту тоже наряжаютъ въ пухъ и прахъ. Если женихъ изъ другого аула, свадьбу играютъ въ аулѣ невѣсты, откуда затѣмъ всѣ гости провожаютъ новобрачныхъ въ ихъ новое жилище.

Когда киргизъ умираетъ, тѣло его омываютъ, облакаютъ

въ чистыя бѣлыя одежды, обвертываютъ холстомъ и войлоками и, какъ можно скорѣе, относятъ на кладбище. Яма выкапывается въ метръ глубины; отъ нея идетъ въ бокъ горизонтальный ходъ, въ который тѣло и всовывается. Затѣмъ могила закапывается и прикрывается камнемъ, или небольшимъ куполомъ на четырехугольной подставкѣ, если погребенный былъ „баемъ“, т. е. богатымъ человѣкомъ. Родственники навѣщаютъ могилу до сороковаго дня.

Имущество киргизской семьи обыкновенно не велико, и при перекочевкахъ для перенесенія его достаточно нѣсколькихъ яковъ. Наболѣе громоздкой частью его является самая юрта—деревянный остовъ ея и толстыя кошмы — сѣдла и попоны, постельныя принадлежности и ковры. Затѣмъ идетъ хозяйственная утварь: главнѣйшій предметъ — „казанъ“, т. е. большой желѣзный котелъ, фарфоровыя чашки (чине и піале), плоскія деревянныя блюда (табакъ), желѣзные или мѣдные кувшины и котелки съ ручками и крышками (кунганы и чугуны), деревянныя чашки (чечукъ) и крынки (челекъ). Кромѣ того, въ зажиточной юртѣ нѣтъ недостатка и въ прочихъ предметахъ домашняго обихода, какъ-то ткацкихъ станкахъ, корытахъ, ситахъ, топорахъ, мѣшкахъ для зерна и муки, колыбеляхъ, музыкальныхъ инструментахъ, треножникахъ для котла, щипцахъ и проч.

Большая часть этихъ предметовъ покупается въ Кашгарѣ, Янги-гиссарѣ, или Яркендѣ; кромѣ того, среди киргизовъ водятся и свои кузнецы и столяры. Древесный матеріалъ для юрты привозятъ изъ долинъ, граничащихъ съ восточными склонами Мустагъ-аты, такъ какъ въ самой сарыкольской области нѣтъ деревьевъ.

Въ каждой кибиткѣ существуетъ особое отгороженное отдѣленіе, „ашъ-хана“ (кладовая), гдѣ хранятся молоко, сливки и другіе съѣстные припасы. Любимый напитокъ киргизовъ — „айранъ“ вскипяченное молоко съ водой, которому даютъ скиснуть; питье это, особенно лѣтомъ, дѣйствуетъ освежающе. „Каймакъ“ густыя прѣсныя яковыя сливки превосходнаго качества, желтаго цвѣта и миндальнаго вкуса; „сюгъ“ — обыкновенное молоко. Всѣ молочные продукты сохраняются въ козыхъ бурдюкахъ.

Питаются киргизы главнымъ образомъ яковымъ моло-

комъ и бараниной. Разъ или два въ недѣлю закалываютъ барана, и все населеніе аула плотно наѣдается. Всѣ собираются въ юрту и усаживаются вокругъ огня, надъ которымъ варится въ котлѣ мясо; затѣмъ куски дѣлятся между присутствующими. Каждый вынимаетъ ножъ и срѣзаетъ съ своей порціи куски мяса до самой кости. Последнюю затѣмъ раздробляютъ, чтобы добраться до мозга, считающагося самымъ лучшимъ лакомствомъ. Какъ передъ трапезой, такъ и послѣ происходитъ омовеніе рукъ. По окончаніи ея всѣ проводятъ рукой по бородамъ и въ одинъ голосъ восклицаютъ: „Аллаху экберъ!“ (Господь великъ!) Пять установленныхъ кораномъ ежедневныхъ молитвъ аккуратно читаются старшиною въ каждомъ аулѣ.

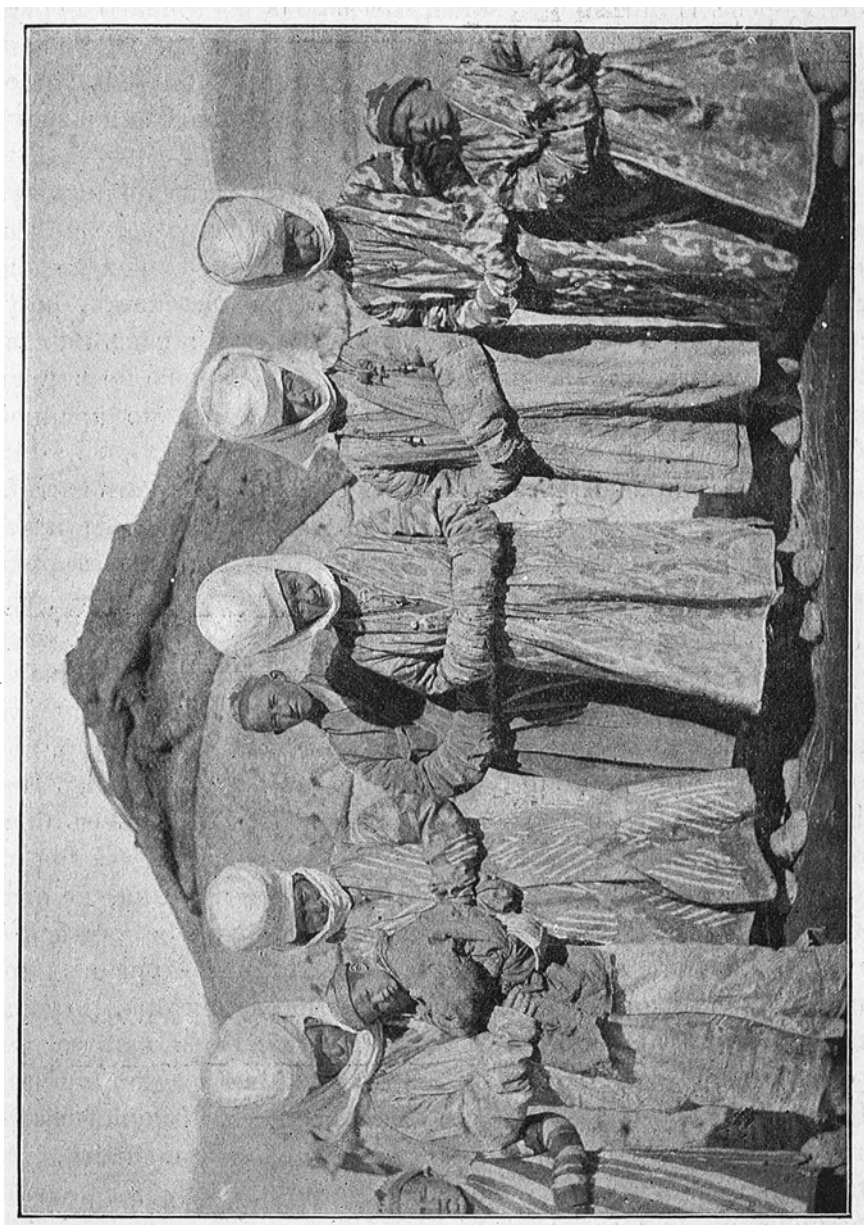
Въ ежедневномъ обиходѣ самый тяжелый трудъ выпадаетъ на долю женщинъ. Онѣ ставятъ и снимаютъ кибитку, ткуютъ ковры и ленты, вяжутъ веревки, сучатъ нитки, доятъ коровъ-яковъ и козъ, ходятъ за овцами, за дѣтьми и ведутъ все хозяйство. Стада стерегутъ необыкновенно большія, злыя собаки, питающіяся отбросами.

Мужчины въ сущности ничего не дѣлаютъ; сидятъ большею частью день деньскойъ вокругъ огня, или много, много пригоняютъ яковъ съ горныхъ пастбищъ; часто ѣздятъ въ гости къ сосѣдямъ, покупать и мѣнять скотъ. Зимой-же почти съ утра до вечера сидятъ и бесѣдуютъ вокругъ костра изъ яковаго навоза въ то время, какъ снаружи снѣгъ крутитъ вокругъ юрты и воетъ буря.

Такъ мирно и однообразно протекаетъ жизнь киргизовъ; одинъ годъ похожъ на другой, проходитъ въ тѣхъ же занятіяхъ и перекочевкахъ. Старится киргизъ только подъ бременемъ годовъ, видитъ, какъ дѣти его уходятъ и основываютъ свои семьи, видитъ, какъ сѣдѣетъ его борода, и, наконецъ, отправляется на вѣчный покой возлѣ ближайшей могилы святого, у подножія покрытыхъ снѣгами горъ, въ области которыхъ онъ и его родичи прожили свою бѣдную радостями, но и безпечальную жизнь.

Мое долгое пребываніе въ ихъ средѣ было поэтому интереснымъ перерывомъ однообразія ихъ жизни. Имъ еще никогда не случалось раньше видѣть такъ близко „ференги“ (европейца), сопутствовать ему, наблюдать за всѣми его не-

понятными работами. Они въ толкъ не могли взять, зачѣмъ мнѣ непремѣнно нужно было посѣтить каждый ледникъ, за-

Замужнія женщины-киргизки изъ Мургабскаго аула.
(Съ фотографіи автора).

чѣмъ я все срисовывалъ, а иногда даже выламывалъ камни изъ горъ и пряталъ себѣ въ ящики; имъ все окружающее казалось такимъ простымъ, естественнымъ и неинтереснымъ!

Понятія ихъ о внѣшнемъ мірѣ очень скудны. Они знаютъ только, зато превосходно, область, въ которой кочуютъ, дороги черезъ Памиръ и въ западные города восточнаго Туркестана; весь остальной міръ для нихъ — хаосъ. О Россіи, Англіи, Китаѣ, Персіи, Канджутѣ, Кашмирѣ, Тибетѣ, Индостанѣ, Большомъ Кара-кулѣ, Лобъ-норѣ и Пекинѣ они знаютъ по наслышкѣ.

Только отъ странствующихъ купцовъ или изъ ближнихъ городовъ доходятъ до нихъ иногда новости шумнаго свѣта, но мало интересуютъ ихъ, не затрагивая непосредственно ихъ самихъ и ихъ жизни. Для нихъ земля — плоскость, окруженная водой, и солнце ходитъ вокругъ земли; какъ ни старайся внушить имъ истинныя понятія, они ничего не могутъ взять въ толкъ и преспокойно отвѣчаютъ, что, по крайней мѣрѣ, ихъ область стоитъ неподвижно.

Старые киргизы часто рассказывали мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ, и рассказы ихъ всегда были очень интересны и поучительны, даже по самому языку. Жизнь одного старика киргиза бека Булата изъ области Рангъ-куль, является, на примѣръ, настоящею эпопеею.

Во время правленія Якубъ-бека онъ 12 лѣтъ занималъ въ Тагармѣ должность юзъ-баши (сотникъ). Послѣ смерти Якубъ-бека въ 1878 г. Кашгаромъ овладѣли китайцы, а, два года спустя, пришелъ изъ Маргелана въ Ташъ-курганъ Хакимъ-ханъ-Тюря съ тысячею людей, и бекъ Булатъ съ братомъ и 500 сарыкольцами примкнули къ нему. Несмотря на недѣльную осаду, таджики, обитатели Ташъ-кургана, не сдались. На подавленіе возстанія двинулось большое китайское войско, и Хакимъ-ханъ-Тюря послалъ въ Ташъ-курганъ киргиза Абдуррахмана-датху въ качествѣ парламентаря, но таджики умертвили его. Тогда Хакимъ-ханъ-Тюря направился со своими людьми къ Чакыръ-агылу у начала долины Гезъ. Пока они стояли тамъ, къ брату бека Булата, Куруши-датхѣ былъ присланъ гонецъ отъ китайцевъ съ извѣщеніемъ, что всѣ киргизы, участвовавшіе въ возстаніи, будутъ преданы казни, если не выдадутъ Хакима. Тогда Куруши покинулъ своего предводителя и ушелъ на Малый Кара-куль. Здѣсь онъ получилъ приказъ присоединиться къ китайцамъ и напасть на Хакима около Мужи. Послѣдній, преслѣдуемый

китайцами, бѣжалъ черезъ Кызылъ-артъ, потерявъ много людей.

Предводителемъ уцѣлѣвшихъ киргизовъ сталъ бекъ Булатъ; когда-же и эти остатки были разсѣяны, онъ отправился къ Рангъ-кулю, братъ-же его былъ взятъ китайцами въ плѣнъ и обезглавленъ въ Кашгарѣ. Опасаясь такой-же участи, бекъ Булатъ бѣжалъ къ Акъ-байталу, гдѣ его нагнали и взяли въ плѣнъ 50 преслѣдовавшихъ его китайцевъ, которые затѣмъ отправили его съ семействомъ въ Турфанъ. Тамъ онъ жилъ въ изгнаніи 9 лѣтъ.

Бекъ Турфанскій, магометанинъ, предоставилъ ему, однако, свободу и возможность безпрепятственно заниматься торговлей. Затѣмъ, въ виду того, что онъ все время велъ себя смирно, китайскія власти разрѣшили ему вернуться на родину. Кромѣ того, китайцы, оцѣнившіе его дѣловитость, предложили ему бекство въ восточномъ Памирѣ, но онъ отказался, говоря, что не хочетъ служить людямъ, убившимъ его брата. Послѣ того, въ Памиръ вступили русскіе, и старый бекъ Булатъ живетъ теперь въ бѣдности и не у дѣлъ около Рангъ-куля.

Мы часто бесѣдовали съ нимъ далеко за полночь, при свѣтѣ голубыхъ огоньковъ, перебѣгавшихъ по углямъ костра, слабо освѣщавшаго внутренность юрты, едва позволяя различать рѣзкія черты сидящихъ на кошмахъ киргизовъ.

Не знаю, скучали-ли обо мнѣ киргизы, когда мы разстались; сердца у нихъ жесткія, невоспріимчивыя къ сердечнымъ чувствамъ. Суровая, бѣдная, скупая природа, окружающая ихъ и доставляющая имъ впечатлѣнія, не способна воспитать въ нихъ подобныя чувства. Но вслѣдъ мнѣ раздавалось много дружескихъ „хошъ“ (прощай), „худа іолъ версунъ“ (съ Богомъ!) и „Аллаху экберъ“, и долго стояли киргизы на берегу Кара-куля, провожая удивленными взглядами мой караванъ. Пожалуй, многіе задавали себѣ вопросы: „Откуда онъ явился къ намъ, куда отправился и чтò ему нужно было здѣсь?“

9 октября мы отправились въ аулъ Тюя-курукъ (3,884 м.), а на слѣдующій день черезъ долину Ики-бель-су, притокъ воды въ которой упалъ до 2 куб. м. и которая мало напоминала теперь пѣнящуюся рѣку, видѣнную нами лѣтомъ.

Около мощнаго ледника Кокъ-сель мы направились къ

западу; дорога пошла зигзагами въ гору по правой сторонѣ долины. Вечеромъ мы остановились въ аулѣ Турбулюнѣ, жители котораго собирались въ скоромъ времени отправиться на зимовку къ Малому Кара-кулю. Около Турбулюна зима бываетъ очень суровая, бураны обычное явленіе, и постоян-

Дѣвочка-киргизка изъ Сары-кола.

(Съ рисунка автора).

ными обитателями являются здѣсь только волки, лисицы да медвѣди.

11 октября, когда мы были въ аулѣ, разбушевался страшный вѣтеръ, и киргизы жгли факелъ за факеломъ, подымая ихъ къ дымовому отверстию и восклицая „Аллаху экберъ!“, чтобы отвратить вѣтеръ. При особенно сильныхъ порывахъ вѣтра они все вскакивали и крѣпко схватывались за юрту, которая была кромѣ того укрѣплена веревками и шестами.

Мы всетаки сдѣлали экскурсію на Кара-джилгу, гдѣ разстилались сочныя пастбища и гдѣ водились горныя козы, и архары. Исламъ-бай застрѣлилъ на ледникѣ одного архара, но, къ сожалѣнію, животное упало въ трещину и достать его не удалось.

12 октября мы перебрались черезъ пользующійся дурной славой переваль Мерки-бель. Западный склонъ, по которому мы подымались, былъ не особенно крутъ, но снѣговой покровъ достигалъ 40 сантим. глубины. Это очень своеобразный переваль. Самый гребень его очень широкъ, куполообразенъ и покрытъ тонкимъ ледянымъ покровомъ, по которому мы проѣхали 2 километра. Примыкающія къ нему горы относительно низки; по правую сторону (на югъ) сплошь покрыты льдомъ, по лѣвую же (на сѣверъ) вздымаются оголенные, или покрытыя рѣдкими клоками снѣга, черныя кристаллическія породы.

Восточный склонъ перевала необычайно крутъ, и покрытъ мореной, состоящей изъ громадныхъ отторженцевъ и сланцевыхъ плитъ съ острыми углами и краями. Лошади тутъ безпрестанно спотыкались, и мы предпочли идти пѣшкомъ. Къ счастью, у насъ были на этотъ разъ наняты вьючныя яки. Мало-по-малу склонъ сталъ болѣе отлогимъ, и мы благополучно достигли долины Мерки, гдѣ расположились въ одинокой юртѣ на высотѣ 3,593 метровъ.

Въ теченіи слѣдующихъ дней мы быстро подвигались къ равнинамъ Туркестана. Въ долинахъ восточныхъ склоновъ шелъ снѣгъ, а 13-го дулъ также сильный вѣтеръ, и мы весь день ѣхали въ облакахъ крутящагося снѣга. Рѣка долины Мерке, принимающая цѣлую серію притоковъ изъ маленькихъ боковыхъ долинъ, энергично пролагаетъ себѣ путь въ конгломератахъ, по которымъ намъ часто приходилось ѣхать. Самое дно рѣки загромождено гнейсовыми и сланцевыми глыбами. Около Сугета (3,015 м.), гдѣ мы разбили лагерь, растутъ ивы; отсюда и названіе мѣстности (сугеть—ива). Тутъ, среди снѣжнаго моря, разбито нѣсколько юртъ; старшина аула, Тогда-Магометъ-бай, принялъ насъ очень любезно.

14-го мы двинулись въ аулъ бека Магомета-Тогда около Чата; бекъ — старшина восточныхъ киргизовъ. По пути мы миновали Кара-ташъ-джилгу съ рѣкой, текущей съ перевала Кара-ташъ. На слѣдующій день мы перевалили черезъ

незначительный перевалъ Гыджакъ-бель (3,975 м.) съ округленными мягкими формами, сложенный изъ желтой скользящей глины, или мелкаго сланцеваго щебня. Мѣсто нашей дневной стоянки носило оригинальное названіе Сарыкъ-кызъ (желтая дѣвушка).

Оставивъ 16-го устье долины Кинколъ направо, мы снова очутились на знакомомъ трактѣ и вечеромъ остановились въ Игизъ-ярѣ въ томъ-же караванъ-сараѣ, въ которомъ останавливались въ первый разъ. То-то славно было освободиться отъ всѣхъ своихъ неудобныхъ, тяжелыхъ зимнихъ одѣяній, ставшихъ излишними въ этомъ тепломъ воздухѣ, и отвѣдать за обѣдомъ плодовъ, кашгарскаго хлѣба и яицъ.

19 октября я опять сидѣлъ въ своей комнатѣ въ домѣ консула Петровскаго въ Кашгарѣ, гдѣ накопились для меня за лѣто цѣлыя горы писемъ и газетъ.

Наступило время желаннаго отдыха, которому я и отдался, пользуясь обществомъ моего благороднаго друга, консула. Долгими осенними вечерами мы бесѣдовали съ нимъ, какъ и прежде, обсуждая различные важные азіатскіе вопросы и задачи.

Я не стану долго задерживать вниманіе читателя на моихъ Кашгарскихъ воспоминаніяхъ, хочу только привести нѣсколько изъ нихъ. Первой моей работой было разобрать собранные мною на Мустагъ-атѣ образцы горныхъ породъ и снабдить ихъ ярлычками, а также привести въ порядокъ фотографическіе снимки. Затѣмъ, я написалъ нѣсколько научныхъ сообщеній о лѣтнихъ работахъ.

Въ началѣ ноября мы получили новости изъ Европы. Тайный совѣтникъ Кобеко, инспектировавшій русскій Туркестанъ, продолжилъ свой маршрутъ къ намъ. Это былъ очень симпатичный и начитанный человѣкъ, и недѣля, проведенная въ его обществѣ, промелькнула незамѣтно.

Я никогда не забуду вечера 6 ноября, когда мы сидѣли за чаемъ вокругъ большого стола, бесѣдуя подъ аккомпаниментъ шумящаго самовара о политикѣ и о будущемъ восточнаго Туркестана. Вдругъ вбѣжалъ безъ доклада запыхавшійся курьеръ-казакъ и подалъ Кобеко телеграмму съ послѣдней телеграфной станціи Гульча. Телеграмма принесла вѣсть о смерти государя Александра III.

Всѣ встали и перекрестились; на глазахъ выступили слезы, и могильная тишина долго не нарушалась никѣмъ. Конечно, было извѣстно, что здоровье Государя въ послѣднее время было неудовлетворительно, но никто не подозрѣвалъ, чтобы положеніе его было такъ серьезно и кончина такъ близка. Поэтому горестная вѣсть поразила всѣхъ, какъ громомъ. Въ какіе нибудь 5 дней она проникла въ сердце Азіи.

По закону солдаты тотчасъ-же должны были принести присягу новому Государю, но въ Кашгарѣ не было православнаго священника, и потому сочли за лучшее дожидаться приказа отъ ближайшихъ властей. Кобеко только прочелъ вслухъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ передъ 58 казаками самую телеграмму; казаки выслушали ее съ опущенными, обнаженными головами. На слѣдующій день къ консулу явились даотай и цзянь-далой засвидѣтельствовать свое соболѣзнованіе. Ихъ пестрыя парадныя одѣянія, гонгонги, барабаны, зонтики и флаги — вся пышность ихъ шумнаго появленія составила такой рѣзкій контрастъ съ царствовавшей въ консульствѣ тихой скорбью.

Рѣзкіе, климатическіе переходы, которымъ я подвергался въ этой кочевой жизни, наградили меня лихорадкой, разывравшейся въ ноябрѣ мѣсяцѣ настолько серьезно, что я слегъ на мѣсяцъ въ постель. Другую бѣду навлекло на меня посѣщеніе русской бани, куда меня проводили двое казаковъ и Исламъ-бай.

Я уже пробылъ тамъ довольно долго, когда казаки рѣшили, что будетъ съ меня, вошли и нашли меня безъ чувствъ. Въ печкѣ лопнула какая-то труба, и я угорѣлъ. Меня немедленно перенесли въ мою комнату, гдѣ я понемногу пришелъ въ себя, но голова болѣла страшно еще дня два.

Вотъ и Рождество пришло. Рождество! сколько грусти, воспоминаній, тоски и надеждъ связано съ однимъ этимъ словомъ! Въ сочельникъ шелъ легкій снѣгъ, тотчасъ-же таявшій и испарявшійся въ сухомъ воздухѣ, не успѣвая даже выбѣлить землю. На улицахъ и площадяхъ слышался звукъ колокольчиковъ, но это были караванные колокольчики, которые звонятъ тутъ круглый годъ. И здѣсь на небѣ горѣли звѣзды, но не тѣмъ волшебнымъ блескомъ, какимъ горятъ на нашемъ

сѣверномъ зимнемъ небѣ. Въ окнахъ жилищъ виднѣлись кое-гдѣ огоньки, но это были не елочные свѣчки, а свѣтильники съ кунжутнымъ масломъ, столь-же примитивные, какъ и во времена Спасителя.

Можно-ли было выбрать болѣе подходящее время для визита шведскому миссіонеру Гѣгбергу, прибывшему съ семьей въ Кашгаръ этимъ лѣтомъ? Я и отправился къ нему послѣ обѣда въ сопровожденіи англійскаго агента Мэкэртнея и патера Гендрикса, захвативъ съ собою маленькіе подарки дочкѣ хозяина. Были прочитаны тексты изъ евангелія, пропѣты рождественскіе псалмы подѣ аккомпаниментъ органа, а вечеромъ я и Гендриксъ отправились къ Мэкэртнею, гдѣ ждалъ насъ пуншъ и другое рождественское угощеніе. Незадолго до полночи патеръ ушелъ: онъ спѣшилъ въ свое одинокое жилище, чтобы встрѣтить полночь за обѣдней, служимой въ одиночествѣ. Вѣчно, вѣчно одинокъ!

5 января 1895 г. въ Кашгаръ прибылъ англичанинъ Георгъ Литледэль въ сопровожденіи своей отважной супруги и родственника г. Флетчера. Мы провели въ ихъ обществѣ много пріятныхъ часовъ. Литледэль необычайно симпатичный человѣкъ, мужественный, но безъ всякой претенціозности; меня особенно радовало, что въ лицѣ его я познакомился съ однимъ изъ отважнѣйшихъ и умнѣйшихъ путешественниковъ по Азіи. Самъ онъ смотрѣлъ на свои путешествія весьма критически, отличаясь большой скромностью. Онъ чистосердечно признавался, что путешествуетъ ради удовольствія, охоты, спорта, предпочитая богатую разнообразіемъ жизнь путешественника лондонскимъ обѣдамъ и ужинамъ. Тѣмъ не менѣе путешествіемъ своимъ, начатымъ въ 1895 г. онъ неизгладимыми буквами вписалъ свое имя въ списокъ путешественниковъ-піонеровъ, рядомъ съ именами своихъ знаменитыхъ соотечественниковъ Юнгусбэнда и Боуэра.

Въ серединѣ января, англичане покинули Кашгаръ; поѣздъ ихъ, состоявшій изъ четырехъ большихъ, убранныхъ коврами арбъ, представлялъ очень живописную картину. Въ Черченѣ Литледэль снарядилъ большой караванъ, съ которымъ и прошелъ Тибетъ съ сѣвера на югъ.

Въ это-же время узнали мы о печальной судьбѣ Дютрейля де Рина, убитаго минувшимъ лѣтомъ около Тамъ-будды.

Четверо изъ его людей вернулись въ Кашгаръ и привезли вѣсть о его смерти.

Наступило и русское Рождество, 12 днями позже нашего, и консульство снова ожило. Казаки утромъ въ первый день

Дѣвочка-киргизка изъ Турбулона.

(Съ рисунка автора).

праздника разбудили меня заунывнымъ пѣніемъ, а у консула состоялся большой вечеръ.

Для меня было большой радостью найти въ этотъ пріѣздъ въ Кашгаръ земляковъ. Миссіонеръ Гёгбергъ прибылъ сюда съ женой, маленькой дочкой, одной шведской миссіонерш ей и крещенымъ персомъ, мирзой Жозефомъ. Со стороны миссіо нера

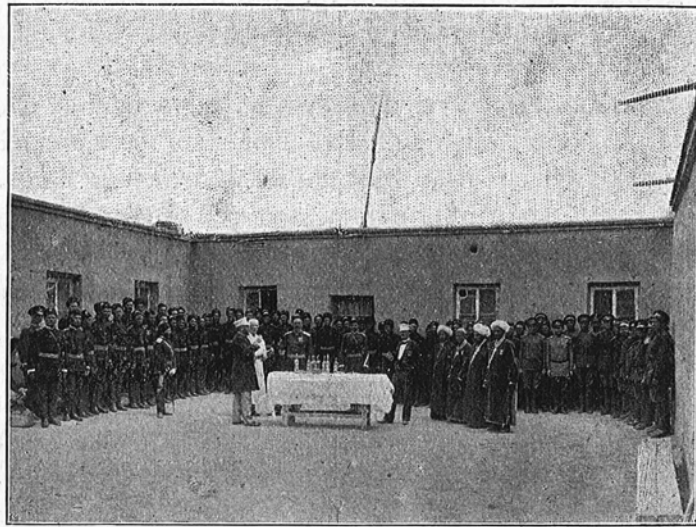
было рисковано пріѣхать съ двумя дамами, такъ какъ магометане приняли ихъ за его женъ, и то обстоятельство, что мирза Жозефъ женился затѣмъ на шведкѣ-миссіонершѣ, сильно и надолго повредило успѣху миссіи Гѣгберга. Въ глазахъ кашгарцевъ мирза Жозефъ все оставался магометаниномъ, а магометанамъ, по закону пророка, запрещается жениться на невѣрныхъ.

Я охотно обошелъ-бы молчаніемъ всѣ толки и неудовольствіе, возбужденныя этимъ бракомъ, если-бы случай этотъ не служилъ печальнымъ примѣромъ того, какъ легко представители миссіонерскаго общества иногда относятся къ возложенной на нихъ отвѣтственности. Въ заключеніе, нѣсколько словъ о самомъ миссіонерствѣ. Репрессалии европейскихъ государствъ въ отвѣтъ на убійство въ Китаѣ миссіонеровъ, по моему, большая несправедливость, потому что разъ миссіонеры отваживаются на такое рискованное дѣло, они сами и должны нести за то отвѣтственность и быть готовыми на всѣ случайности. И развѣ возможно распространять христіанство съ помощью казней и кровопролитія? Враги христіанства, еще со временъ Нерона, старались подобными средствами противиться распространенію христіанства и то тщетно, само-же христіанство никогда не нуждалось въ помощи насилія. Правда, что за смерть миссіонеровъ мстятъ не какъ за смерть христіанъ, а только какъ за смерть европейцевъ, но насиліе и кровопролитіе во всякомъ случаѣ отзовутся неблагоприятно на результатахъ дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ въ Китаѣ. Народы, стоящіе на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, имѣютъ и различныя религіозныя потребности, и кто-же можетъ утверждать, что китайцы или магометане созрѣли теперь для христіанства?

А вотъ этого-то обстоятельства многіе изъ современныхъ, часто мало образованныхъ миссіонеровъ и не могутъ понять. Не имѣя серьезной научной подготовки, не ознакомившись съ сущностью религіи народа, среди котораго хотятъ дѣйствовать, не сообразивъ, что народъ этотъ, какъ часто бываетъ, старше по происхожденію ихъ собственнаго и болѣе успѣлъ закоренѣть въ своихъ обычаяхъ и нравахъ, такіе миссіонеры легкомысленно бросаются въ неизвѣстную страну, берутся за дѣло, о трудностяхъ котораго не имѣютъ и понятія. Между

тѣмъ, если не взвѣситъ предварительно всѣхъ трудностей и препятствій, то никакое благочестіе и никакая вѣра въ дѣло не спасутъ отъ бѣды.

Беря за образецъ перваго миссіонера, апостола Павла, они не раздумываютъ, что онъ трудился на почвѣ, богато воздѣланной наукой и искусствомъ, гдѣ человѣческій духъ уже созрѣлъ для воспринятія высшей религіи, такъ какъ наиболѣе развитые классы общества уже стали сомнѣваться въ старыхъ богахъ. И, если посравнить съ результатами дѣятельности Павла результаты дѣятельности сотни тысячъ миссіонеровъ

Консуль Петровскій, Адамъ Игнатьевичъ, казаки и ихъ офицеры, авторъ и туземецъ-переводчикъ при консульствѣ.

(Съ фотографіи г. Люча, секретари консульства).

на протяженіи новѣйшаго времени, то первая возсіяетъ еще бѣльшимъ блескомъ.

Причина громадной разницы между дѣятельностью Павла и современныхъ миссіонеровъ лежитъ, конечно, и въ самомъ образѣ дѣйствій апостола. Онъ странствовалъ съ мѣста на мѣсто, подобно дервишамъ востока, жилъ своимъ трудомъ, оставался неимущимъ и неженатымъ, что облегчало ему непосредственныя сношенія съ народомъ и изученіе чужихъ языковъ, а также дѣлало его независимымъ отъ всякихъ миссіонерскихъ обществъ, отъ добротныхъ пожертвованій и проч.

Кромѣ того, онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ репрессаліямъ противъ гонителей христіанства.

Я еще ни разу не слыхалъ ни объ одномъ миссіонерѣ, который-бы въ наше время слѣдовалъ принципамъ жизни апостола Павла. Для этого нужна большая любовь къ дѣлу, истинное безкорыстіе, готовность пожертвовать всѣми благами цивилизаціи и комфорта.

Но, даже если-бы они и шли по стопамъ апостола, дѣло ихъ не могло-бы увѣнчаться такимъ-же успѣхомъ, по причинѣ упомянутыхъ религіозныхъ и соціальныхъ препятствій, которые не должны никого удивлять. Для правовѣрнаго мусульманина посягательство на его вѣру со стороны самодовольнаго чужеземца представляется несправедливымъ, какъ посягательство на самое дорогое наслѣдство, перешедшее къ нему, мусульманину, отъ родителей. Главныя азіатскія религіозныя ученія не поддаются уничтоженію. Духовныя и соціальныя теченія имѣютъ въ исторіи свое время и мѣсто, и отклонить ихъ, или остановить нельзя, какъ нельзя остановить приливъ въ морѣ. Худы, или хороши они, они непремѣнно возьмутъ свое.

Миссіонерство слишкомъ отвѣтственное и важное дѣло, чтобы закрывать глаза на его слабыя стороны. Со всѣмъ уваженіемъ къ миссіонерамъ, которые безъ страха дѣйствуютъ въ простотѣ душевной, какъ христіане временъ Павла, каждую минуту ожидавшіе пришествія Христова, нельзя не замѣтить непрактичности и неустойчивости ихъ дѣятельности, разъ она не основывается на благоразуміи.

Что до нашихъ шведскихъ миссіонеровъ въ Кашгарѣ, я скажу, что всѣ они необычайно солидные и достойные люди, съ которыми очень пріятно встрѣчаться, что, къ сожалѣнію, бывало не часто, такъ какъ они жили за городомъ въ жилищахъ, практически устроенныхъ по азіатскому образцу. Гёгбергъ умно разсудилъ, что было-бы опасно немедленно начатъ миссіонерскую проповѣдь, и вмѣсто того занялся изготовленіемъ разныхъ полезныхъ предметовъ домашняго обихода и ремеслами, полезными для кашгарцевъ. Такъ онъ сдѣлалъ чудесную машину для обработки сырца, изготовлялъ прялки, мѣхи и т. д. къ большому удивленію и восхищенію населенія.

Встрѣчи съ Гёгбергомъ и его женою всегда были мнѣ

пріятны, такъ какъ и они, подобно другимъ миссіонерамъ, съ которыми я сталкивался, были очень любезны и гостепріимны и смотрѣли въ будущее свѣтлымъ взоромъ. Нельзя не питать уваженія къ людямъ, которые убѣжденно борются за торжество своей вѣры.

ХІХ.

Въ Мараль-баши и Лайлыкъ.

Въ 11 час. утра, 17 февраля, я въ сопровожденіи Исламъ-бая, миссіонера Иоганна и Хашимъ-ахуна, выступилъ изъ Кашгара и направился на востокъ, въ Мараль-баши. Караванъ нашъ состоялъ изъ двухъ большихъ арбъ, на высокихъ колесахъ съ желѣзными шинами; каждую арбу тащила четверка лошадей. Первая арба, въ которой ѣхалъ я съ Иоганномъ, имѣла соломенный верхъ, а внутри была выложена кошмами; заднее отверстіе тунелеобразнаго кузова мы также завѣсили кошмой, чтобы, по возможности, уберечься отъ дорожной пыли. На дно арбы мы набросали ковровъ, подушекъ и тулуповъ, такъ что сидѣть было мягко и удобно, хотя экипажъ нашъ и кидало по неровной дорогѣ изъ стороны въ сторону, точно лодку въ бурю, а грохотъ раздавался такой, что вѣпору было оглохнуть.

Владѣльцы арбъ также ѣхали съ нами, и каждый экипажъ имѣлъ такимъ образомъ своего возницу, который то шель пѣшкомъ рядомъ съ лошадьми, то примащивался на передкѣ съ своимъ длиннымъ кнутомъ въ рукахъ и посвистывалъ. Въ другой арбѣ ѣхали Исламъ-бай и Хашимъ; въ ней-же помѣщался весь мой багажъ. Обѣ собаки наши, Джолдашъ и Хамра, были привязаны сзади моей арбы.

Съ грохотомъ и скрипомъ повлекли насъ арбы по большой дорогѣ, вдоль лѣвой стѣны города, къ „Песочнымъ воротамъ“ — Кумъ-дервазе, откуда намъ осталось еще почти два часа пути до Янги-шара, китайскаго Кашгара. Тамъ приключился съ нами комическій эпизодъ. Какой-то китайскій

солдатъ кинулся къ намъ и остановилъ лошадей утверждая, что Хамра его собака. Насъ вмигъ окружила цѣлая толпа зѣвакъ. Я велѣлъ возницѣ ѣхать дальше, но китаецъ кричалъ, жестикулировалъ и бросался плашмя передъ колесами арбы, требуя свою собаку.

Пришлось пойти на компромисъ. Порѣшили, что, если Хамра пойдетъ за китаецемъ, значитъ она его, а если за нами — наша. Едва собаку отвязали, она стрѣлой кинулась по дорогѣ впередъ и исчезла въ облакъ пыли. Храбрый китаецъ остался съ носомъ, и наградой за хлопоты былъ ему только всеобщій смѣхъ.

День выдался сѣрый, пасмурный, небо хмурилось, вѣтра не было, но въ воздухѣ висѣла туманная мгла, застилавшая видъ. Между ивами, окаймлявшими дорогу, кромѣ того клубилась пыль, поднимаемая конными и пѣшими; трактъ этотъ очень бойкій.

Въ Кызыль-су почти не было воды, да и та, что была, замерзла. Мы свернули на востокъ, и рѣка оказалась у насъ по лѣвую руку. Лишь къ 9 часамъ вечера, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды въ потьмахъ, достигли мы селенія Яманъ-іеръ (дурное мѣсто). Мы четверо помѣстились на постояломъ дворѣ, а возницамъ предоставили ночевать въ арбахъ, чтобы стеречь багажъ отъ воровъ.

18 февраля, миновавъ нѣсколько мѣстечекъ, достигли мы Файзабада (обитель благодати), самаго значительнаго пункта на трактѣ между Кашгаромъ и Мараль-баши. День пришелся какъ разъ базарный, и узкія улицы, наполненные пестрой, светливой толпой, отличались необычайнымъ оживленіемъ.

Сюда стекались жители всѣхъ окрестныхъ селеній, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ на цѣлую недѣлю.

По дорогѣ мы также встрѣчали и нагоняли множество пѣшихъ и конныхъ людей съ разными продуктами сельскаго хозяйства, съ овцами, козами, курами, плодами, сѣномъ, топливомъ, разной утварью и проч. На длинной базарной улицѣ стоялъ шумъ и гамъ, толкотня и брань, слышались громкіе выкрики торговцевъ. Тамъ и сямъ мелькали женщины въ большихъ бѣлыхъ тюрбанахъ съ бѣлыми чадрами, виднѣлись китаицы въ голубыхъ кофтахъ, пробивались сквозь толпу караваны ословъ, — настоящій муравейникъ.

Файзабадскій базаръ замыкается на обоихъ концахъ деревянными воротами, но самое мѣстечко стѣнами не обнесено. Всего въ немъ, если считать и разбросанные кругомъ дворы, дворовъ 700 — 800. Большая часть населенія принадлежитъ къ сартскому племени (джагатай-тюркскому); кромѣ того здѣсь много дунганъ и небольшое число китайскихъ поселенцевъ. Мѣстечко производитъ хлопокъ, рисъ, пшеницу и проч., яблоки, груши, виноградъ, дыни, огурцы и разные другіе овощи.

19 февраля. Вокругъ насъ разстилается ровная сѣровато-желтая безконечная равнина, покрытая толстымъ слоемъ сухой, мелкой пыли (лѣса), которая взвивается столбомъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка и набивается повсюду, даже въ шубы, въ мѣшки, находящіеся внутри арбъ, и слоями осѣдаетъ на ихъ крышахъ. Чтобы защититься отъ нея, мы накрыли арбу парусиною отъ палатки; полы ея были спущены спереди настолько, чтобы не закрывать намъ вида. Ѣхать по этой мягкой настилкѣ мягко, точно по перинѣ; колеса арбъ такъ и тонутъ въ ней. Поэтому подвигаемся въ нашихъ тяжело нагруженныхъ экипажахъ очень медленно.

Если идти пѣшкомъ, ноги тоже тонутъ въ пыли, и только кучки ея отмѣчаютъ слѣды. Бѣдныя лошади выбивались изъ силъ; бока ихъ лоснились отъ пота. Пыль выкрасила ихъ всѣхъ подъ одну масть — грязно-сѣрую. Одна лошадь впрягается въ оглобли, а три остальные бѣгутъ впереди въ длинныхъ постромкахъ. Первая лошадь поддерживаетъ равновѣсіе арбы, и, чтобы не слишкомъ обременять животное, арба должна быть хорошо уравновѣшена кладью. Случись лошади упасть — дѣло будетъ плохо.

Вскорѣ послѣ полудня, мы сдѣлали четырехчасовой привалъ въ караванъ-сараѣ Янги-абада (новое мѣсто). Во дворѣ стояло множество арбъ, нагруженныхъ топливомъ, нарубленнымъ въ ближайшемъ дженгелѣ (лѣсу). Затѣмъ, мы ѣхали въ потьмахъ всю ночь отъ 5 ч. вечера до 5 ч. утра. Качка арбы скоро убаякиваетъ, и мы спали себѣ, зарывшись въ подушки, тулупы и войлока.

20 февраля. Ночью мы сбились съ пути, такъ какъ и возницы ухитрялись временами вздремнуть. Послѣ шумныхъ поисковъ дороги, гиканья, тпруканья, едва-едва не перевер-

нувшись вмѣстѣ съ арбами, мы выѣхали на настоящую дорогу. Около города Кара-юлгунъ (черный тамарискъ) мы переѣхали по деревянному мосту черезъ Кашгаръ-дарью. Городъ Яй-булакъ (лѣтній источникъ) получилъ свое названіе отъ того, что рѣка здѣсь выходитъ лѣтомъ изъ своихъ ровныхъ, низкихъ береговъ и заливаеъ ихъ на далекое пространство. И теперь, на равнинѣ виднѣлись густо обросшія камышомъ замерзшія болота.

Въ теплое время года большая проѣзжая дорога и дѣлаеъ значительный крюкъ, во избѣжаніе затопленныхъ мѣстъ. Около пяти часовъ пополудни мы доѣхали до мѣста, гдѣ дорога пересѣкалась такимъ замерзшимъ разливомъ рѣки. Лошади бѣжали во всю прыть, выѣхали на ледъ, и онъ затрепалъ и подломился подъ нашей арбой, а сама послѣдняя завязла по ступицы. Выпрягли лошадей изъ другой арбы, припрягли ихъ сзади арбы и послѣ долгихъ усилій удалось таки вытащить ее на сушу.

Попробовали затѣмъ перебраться по льду въ другомъ мѣстѣ, и моя арба переѣхала благополучно, но другая врѣзалась въ ледъ однимъ колесомъ. Пришлось вытаскивать изъ нея весь багажъ и переносить его на рукахъ на другой берегъ. Погода была холодная, непріятная, и Исламъ-бай развелъ для меня на другомъ берегу большой костеръ, у котораго я и грѣлся, пока остальные возились еще съ часъ съ арбою. Въ два часа утра мы добрались до мѣстечка Урдаклика, гдѣ и остановились.

21 февраля. Сейчасъ за станціей начинается рѣденкій тополевыи лѣсокъ, который дальше понемногу становился чаще. Дорога мѣстами глубоко врѣзалась въ лѣсъ, мѣстами вьется между низкими конусовидными холмами, поросшими тамарискомъ и другими кустарниками. Дунганъ-мазаръ (могила дунганъ) — лянгаръ т. е. постоянный дворъ, съ дворомъ, окруженнымъ навѣсомъ изъ вѣтвей кустарниковъ. Самая могила отмѣчена „тугомъ“, увѣшаннымъ тряпьемъ. Мѣсто нашего дневного привала, Кара-курчинъ, находилось уже въ значительномъ разстояніи отъ рѣки.

22 февраля. Весь день ѣхали лѣсомъ, слывающимъ за убѣжище тигровъ, волковъ, лисицъ, оленей, антилопъ и зайцевъ. Рабатъ Тшурга находится приблизительно въ 7 километрахъ отъ Кашгаръ-дарьи.

Станціонные дворы съ кучами топлива и сѣна, сараями и арбами часто бывають очень живописны. Рогатый скотъ, овцы, кошки, собаки и куры очень оживляютъ ихъ; яйца, молоко и хлѣбъ можно достать вездѣ. На этомъ трактѣ преобладають караваны ословъ, перевозящихъ между Кашгаромъ и Акъ-су хлопокъ, чай, ковры, кожи и пр. Разстояніе между этими двумя городами достигаетъ почти 550 верстъ, раздѣленныхъ на 18 „эргенговъ“—станцій или дневныхъ перегоновъ. Караванъ или арба не можетъ за день сдѣлать больше одного эргенга. Китайская почта, если везетъ важныя депеши, проѣзжаетъ, однако, весь этотъ путь въ $3\frac{1}{2}$ дня.

На каждой станціи есть китаецъ смотритель, завѣдующій почтой, и три магометанина курьера; одинъ изъ нихъ обыкновенно исполняетъ обязанности слуги при смотрителѣ, а два другихъ несутъ почтовую службу. Почтовая сумка доставляется только до ближайшей станціи, откуда ее тотчасъ-же отправляютъ съ новымъ курьеромъ до слѣдующей и т. д. На каждой станціи держатъ болѣе 10 лошадей, и вообще почта отличается быстротой и аккуратностью.

Почтовое сообщеніе между Кашгаромъ и Акъ-су, а также между этимъ послѣднимъ, Карашаромъ и Урумчи, Хами, Сачжоу и Лянь-чжоу-фу, однако, потеряло свое значеніе съ проведеніемъ китайскимъ правительствомъ, по требованію Англии, телеграфной линіи. И странно видѣть вытянутые правильной линіей телеграфные столбы въ этой азиатской глуши. Когда китайцы проводили линію, ихъ сопровождали цѣлые обозы; сарты снабжали работающихъ и продовольствіемъ и орудіями.

23 февраля. Лѣсъ прерывается на значительномъ разстояніи отъ Мараль-баши, и дорога портится, а ландшафтъ оголяется и теряетъ всякую живописность. Еще разъ переѣхавъ сухое теперь русло Кашгаръ-дарьи по узкому деревянному мосту, мы миновали китайскую крѣпость Мараль-баши, обнесенную зубчатою стѣною изъ обожженнаго кирпича, съ башенками по угламъ; гарнизонъ крѣпости состоитъ, говорятъ, изъ 300 чел. Главная базарная улица идетъ съ запада на востокъ, очень длинна, пряма и грязна. По обѣ стороны ея тянутся китайскія и сартскія лавки и ворота караванъ-сараявъ. Мы нашли пристанище себѣ и своимъ мѣшкамъ въ какой-то жалкой лачугѣ.

24 февраля. Въ Маралъ-баши вмѣстѣ съ окрестными кышлаками насчитывается до тысячи дворовъ. Мѣсто это называется иначе Долонъ, и на южныхъ трактахъ, напр. въ Яркендѣ, это названіе въ общемъ употребленіи. Обозначаетъ оно: „дикій лѣсной трактъ“ т. е. область, лишенная городовъ, и примѣняется, слѣдовательно, въ отличіе отъ Кашгара и Акъ-су. Жители гордятся тѣмъ, что они „долоны“*), но, по языку, обычаямъ и религіи это тѣ же восточные туркестанцы, хотя типомъ отъ послѣднихъ и отличаются, обнаруживая свое чисто уйгурское происхожденіе.

Я прогулялся по этому ничтожному городку, который, подобно Файзабаду, имѣетъ двое маленькихъ воротъ, тоже находящихся на обоихъ концахъ базара; одни ворота называются Кашгаръ-дервазе, другія Акъ-су-дервазе. Обѣ главныя мечети имѣютъ простые глиняные фасады и деревянные галереи, обращенныя во дворъ; называются мечети одна Долонъ, другая Музафиръ. Долонъ расположена вблизи воротъ Акъ-су-дервазе, за которыми находится кладбище (габристанъ). Тутъ-же оказалась и Кашгаръ-дарья; воды въ ней было очень мало, и та почти стоячая. Изъ нея выведено нѣсколько арыковъ, приводящихъ въ движеніе мельницы.

Мы посѣтили одну изъ нихъ. Это былъ по просту соломенный навѣсъ на столбахъ. Въ одномъ углу его мололось зерно, между горизонтальными жерновами, привезенными изъ Кашгара и стоимыми 100 тенегъ (1 теньга = 20 эре = 10 к.); теперь молили маисъ (конакъ) и пшеницу (богдай). Мельникъ получаетъ за помоль $\frac{1}{16}$ смолотой муки, а смолоть можетъ отъ 32 до 40 чэрекъ въ день.

Въ другомъ углу обдирали рисъ (шалы — сырой рисъ съ шелухой; гручъ — очищенный, бѣлый рисъ безъ мякины). Водяное колесо на горизонтальной оси приводитъ въ движеніе деревянные молотки, ударяющіе въ косо поставленные жолоба, куда кладется рисъ; непрерывнымъ постукиваніемъ молотками рисъ и очищается отъ шелухи. Просѣявъ рисъ, его опять кладутъ въ жолоба и такъ до трехъ разъ, пока вся мякина не будетъ выброшена. Мельникъ за обдирку получаетъ одну десятую очищеннаго риса и можетъ заработать до 15 чэрекъ въ

*) У Пржевальскаго „дуланы“.

Прим. перев.

день. Чэрекъ рису стоилъ въ Мараль-баши четыре тенги, такъ что мельникъ зарабатываетъ 6 тенегъ. Въ этой мѣстности воздѣлываютъ много рису, маису и пшеницы.

Утромъ насъ посѣтилъ китайскій чиновникъ и четыре бека, привѣтствовавшіе меня отъ имени амбаня. Беки были очень учтивы, разговорчивы и нашли мой планъ пересѣчь пустыню Такла-маканъ выполнимымъ. Они рассказали, что нѣкогда въ пустынѣ между Яркендъ-дарьей и Хотанъ-дарьей былъ большой городъ Такла-маканъ, но уже давно засыпанъ песками. Теперь всю пустыню называютъ его именемъ, сокращенно-же иногда по просту Таканъ.

Кромѣ того они сообщили, что въ пустынѣ по слухамъ „не чисто“, и что тамъ есть башни, стѣны и дома, въ которыхъ навалены слитки золота и серебра. Но кто отправится туда съ караваномъ и навьючить верблюдовъ золотомъ, никогда не выберется изъ пустыни, — духи пустыни не выпустятъ. Только побросавъ все золото, можно еще спастись. Беки полагали, что, запасись водой и слѣдуя, сколько можно, вдоль Мазаръ-тага, удастся пересѣчь пустыню; но лошади скоро околѣютъ.

25 февраля. Изъ Мараль-баши я сдѣлалъ экскурсію на лежащій въ днѣ пути къ востоку отдѣльный кряжъ Мазаръ-тагъ. Сопровождали меня только возница мой, Исламъ-бай и Джолдашъ, и легко нагруженная арба быстро мчала насъ по дорогѣ. Часа черезъ два, сквозь густой, пыльный туманъ стала мелькать темная масса съ зазубреннымъ гребнемъ. Мы свернули съ большой дороги, ведущей въ Акъ-су, направо по степи, покрытой рѣдкими кочками, а затѣмъ дорога пошла между двумя отрогами кряжа, изъ которыхъ правый — дикій, сильно разрушенный вывѣтриваньемъ и размывомъ кряжъ, изъ свѣтлозеленыхъ кристаллическихъ сланцевъ, гораздо массивнѣй лѣваго. У подошвъ отроговъ видна кое какая растительность, и тамъ и сямъ разбросаны маленькіе кышлаки.

Неподалеку отъ сѣверо-восточнаго подножія кряжа находится Улугъ-мазаръ (большая могила), окруженный сѣрой стѣной изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича. Сначала попадаешь на большой четырехугольный дворъ; посреди растетъ кустъ, а вокругъ него рядъ воткнутыхъ въ землю шестовъ. Какъ послѣдніе, такъ и кустъ, увѣшаны маленькими флагами

— красными, голубыми, бѣлыми съ красными каемками, вырѣзанными зубцами и фестонами и проч.

Черезъ ворота входилъ въ „ханка“ или „домъ молитвы“ усталый полоникомъ. Въ глубинѣ его деревянная перегородка, и за нею самая могила — обыкновенный могильный камень посреди четырехугольнаго темнаго помѣщенія, украшеннаго тугами, флагами, рогами оленей и дикихъ барановъ. Самое зданіе, увѣнчанное куполомъ, возведено изъ обожженнаго кирпича; каждую пятницу его посѣщаютъ благочестивые пилигриммы. На наружномъ дворѣ находится ашпазъ-хана или кухня, гдѣ пилигриммы трапезуютъ.

Мы нашли пріютъ въ одномъ гостепрѣимномъ домѣ въ кышлакѣ Мазаръ-алды (передъ святой могилой), гдѣ насъ посѣтили мѣстные жители, отъ которыхъ мы получили много важныхъ свѣдѣній. Они сообщили, что Яркендъ-дарья дѣлится здѣсь на два рукава и что по близости есть три большихъ богатыхъ рыбой озера, которыя сильно разливаются во время половодья.

Особенно заинтересовало насъ сообщеніе, что отъ Мазаръ-тага идетъ отрогъ на юго-востокъ черезъ песчаную пустыню къ самой Хотанъ-дарьѣ.

Положиться на это сообщеніе, однако, было трудно, такъ какъ ни одинъ изъ рассказчиковъ самъ не видалъ, какъ далеко заходитъ отрогъ въ пустыню. Одни изъ нихъ называли пустыню Деккенъ-декка, такъ какъ по преданію тамъ погребены подъ пескомъ „тысяча и одинъ“ городъ; золота и серебра тамъ множество. Пробраться по пустынѣ можно на верблюдахъ; воду, можетъ быть, удастся найти въ ложбинахъ и впадинахъ.

26 февраля. Надо было составить себѣ понятіе объ этомъ кряжѣ, и мы отправились въ своей арбѣ съ проводникомъ вдоль восточнаго его подножія. На лѣво у насъ было болото, по берегу котораго шли безплодные, песчанья дюны. Черезъ три часа мы добрались до Кудай-дарьи (Лебединая рѣка) сѣвернаго рукава Яркендъ-дарьи, шириной около 110 метр. Хрупкій ледъ могъ сдержать пѣшехода, но ломался подъ арбой. Во льду обмерзла лодка; долоны пользуются ею, когда вода бываетъ высока. Во время лѣтняго половодья оба рукава несутъ огромное количество воды, сливаются, образуя родъ

озера, и затопляютъ большіе участки лѣсовъ, расположенныхъ по правому берегу Яркендъ-дарьи.

На правомъ берегу Кудай-дарьи находилось нѣсколько лачужекъ. Въ началѣ апрѣля нѣкоторые долоны приходятъ сюда со своими стадами и проводятъ здѣсь половину года въ хижинахъ изъ камыша, построенныхъ на мѣстахъ, не подвергающихся затопленію. Эти лѣтніе поселки называются у нихъ яйлаками. Такимъ образомъ это полукочевой народъ.

Дальше проѣхать съ арбой было невозможно, и я продолжалъ путь на лошади съ однимъ спутникомъ. Мы перебрались черезъ Мазаръ-тагъ по довольно затруднительному для проѣзда перевалу, а затѣмъ обогнули кряжъ вдоль западнаго его подножія; тутъ находится озеро Шоръ-куль, т. е. „Соленое“; вода въ немъ, однако, совершенно прѣсная; озеро изобилуетъ тростникомъ и гусями. Самый кряжъ сложенъ здѣсь изъ грубозернистой эруптивной породы, а подошва его окаймлена большими отторженцами самыхъ причудливыхъ формъ.

Шоръ-куль — типичная лагуна — находится на лѣвомъ берегу Яркендъ-дарьи. Дно рѣчного ложа постепенно подымается вслѣдствіе наноса ила и пр. матеріала, уровень воды повышается и, при всякой прибыли воды, ближайшіе береговые участки затопляются. Вернулись мы назадъ черезъ Улугъ-мазаръ. Мазаръ-тагъ сложенъ вообще изъ кристаллическихъ сланцевъ, порфира и сіэни-подобной горной породы. Возвышается онъ на площади между сливающимися здѣсь Кашгаръ-дарьей и Яркендъ-дарьей и видомъ напоминаетъ развалины мазара.

27 февраля. Направляясь къ NNO, мы вернулись на ведущую въ Акъ-су большую дорогу около Чаръ-бага (четыре сада). Дорога опять пересѣкала Кашгаръ-дарью, развѣтвляющуюся здѣсь на нѣсколько рукавовъ, черезъ которые были перекинуты деревянные мостики. Изъ пыльной мглы, застилавшей видъ, скоро проглянулъ на лѣво небольшой отдѣльный кряжъ Оку-мазаръ-тагъ. На одной изъ его вершинъ возвышается мазаръ Хазретъ-Али. Утромъ было вѣтряно, а къ полудню восточный вѣтеръ разыгрался еще больше; все заволокло непроницаемыми клубами пыли, поднимаемой и вѣтромъ и нашими арбами и лошадьми. Изрѣдка мелькали въ этой пыльной мглѣ деревья, кусты дома или мѣстечки. Всѣ

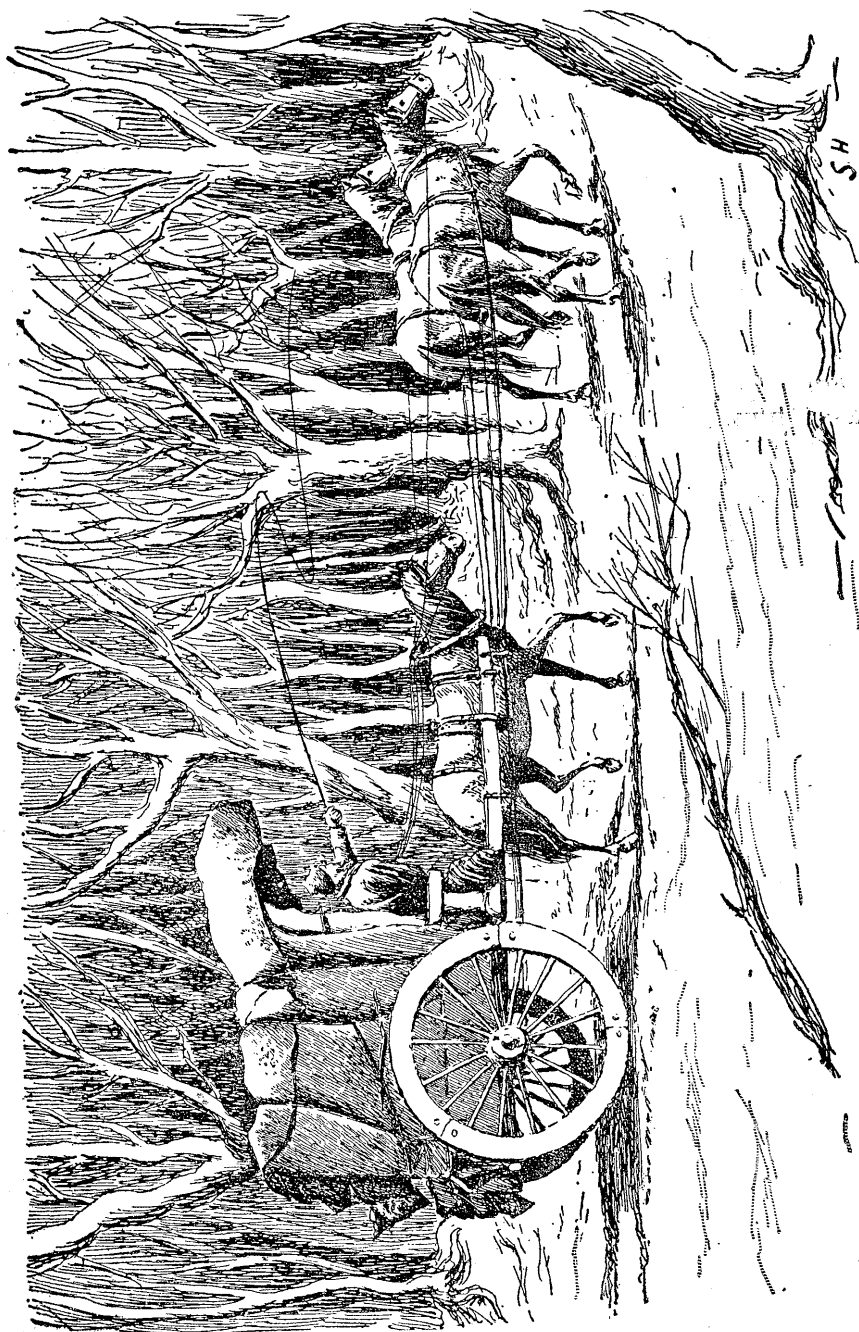
предметы виднѣлись словно сквозь мутную воду. Въ такую погоду въ дорогу, какъ видно, пускались немногіе.

Направо выступилъ кряжъ Тумшукъ (коса) съ четырьмя скалистыми отрогами, обращенными на сѣверъ. Здѣсь много развалинъ домовъ и стѣнъ, расположенныхъ амфитеатромъ; онѣ лѣпились по уступамъ, не превышавшимъ, однако, высоту 20—25 м., словно ласточкины гнѣзда. Ясно можно было различить, что постройки эти принадлежали къ двумъ различнымъ періодамъ. Старѣйшія постройки были возведены изъ обожженнаго краснаго кирпича, а позднѣйшія изъ высушенной на солнцѣ глины. Въ равнинѣ внизу также много различныхъ развалинъ. Это остатки древняго города; на горѣ же, вѣроятно, была воздвигнута для защиты его цитадель. Мѣстность эта теперь бесплодна и необитаема; причиной, должно быть, измѣненіе теченія Кашгаръ-дарьи.

28 февраля. Въ часъ ѣзды къ сѣверо-западу отъ станціи Тумшукъ также находятся развалины, извѣстныя подъ названіемъ Эски-шаръ (старый городъ); мы посѣтили и ихъ. Лучшее всего сохранилось какое-то четырехугольное зданіе; каждая изъ его стѣнъ, обращенныхъ одна къ сѣверу, другая къ югу, третья къ востоку и четвертая къ западу, имѣла въ ширину 10 метр.; въ стѣнѣ, обращенной на югъ, были ворота. Материаломъ для этой постройки, должно быть, мечети, послужилъ обожженный твердый кирпичъ. Внутренніе углы были украшены лѣпными орнаментами, а ворота орнаментами, высѣченными на кирпичѣ и бывшими, вѣроятно, въ былое время покрытыми эмалью.

Отъ небольшого кряжа по близости идутъ два параллельныхъ отрога на сѣверо-востокъ. Здѣсь мы также нашли развалины кирпичныхъ стѣнъ. Стиль этихъ магометанскихъ построекъ обличаетъ, что давность ихъ не превышаетъ 1150 г.

Буря продолжалась весь день. Около полудня солнце померкло, точно передъ грозой; песокъ и пыль подымались столбомъ и неслись по дорогѣ. Мы поэтому поторопились повернуть назадъ въ Чаръ-багъ. Пренепріятное было возвращеніе: съ каждымъ вдыханьемъ въ ротъ набивалось удушливой пыли; временами даже лошадей впереди арбы не было видно; мы были буквально облѣплены пылью, когда вернулись къ себѣ.

Одна изъ монхъ арбъ въ Кашгаръ-дарьинскихъ лѣсахъ.
(Съ рисунка ангора).

1 марта. Буря улеглась, и мы въ прекрасную погоду
вернулись въ Маралъ-баши, гдѣ ожидала меня радость —
Свень Гединъ.

корреспонденція съ родины. Моимъ почтовымъ курьеромъ былъ Магометъ Якубъ, старый сартъ изъ Оша; я видѣлъ его на Мургабѣ и взялъ пока къ себѣ на службу.

Одинъ 80-тилѣтній старикъ, услыхавъ, что мы собираемся отправиться въ пустыню Такла-маканъ, явился ко мнѣ сообщить, что знавалъ въ молодости одного человѣка, который дорогой изъ Хотана въ Акъ-су сбился съ пути, углубился въ пустыню и набрелъ на древній городъ; въ развалинахъ домовъ онъ нашелъ безчисленное множество китайскихъ башмаковъ, но какъ только дотрогивался до нихъ, они рассыпались прахомъ.

Другой путникъ отправился изъ Аксакъ-марала въ пустыню и тоже набрелъ на развалины города, гдѣ и нашелъ много слитковъ серебра. Онъ набилъ ими карманы и мѣшокъ, но, когда хотѣлъ направиться въ обратный путь, откуда ни возмись, выскочила цѣлая стая дикихъ кошекъ и такъ перепугала его, что онъ побросалъ все и убѣжалъ. Когда страхъ его прошелъ, онъ хотѣлъ опять попытать счастья, но уже не могъ найти того мѣста: песокъ снова поглотилъ таинственный городъ. Мулла изъ Хотана оказался счастливецъ. Онъ запутался въ долгахъ и отправился въ пустыню искать смерти. Въмѣсто того онъ нашелъ тамъ золото и серебро и сталъ богатымъ человѣкомъ. Безчисленное множество людей отправлялись съ тою-же цѣлью въ пустыню и больше не возвращались. Старецъ увѣрялъ, что прежде нужно отогнать злыхъ духовъ и тогда только искать скрытыхъ сокровищъ, теперь-же злые духи околдовываютъ несчастныхъ смѣльчаковъ: голова у нихъ начинаетъ кружиться, и они, сами того не зная, бродятъ все вокругъ одного мѣста, по своимъ слѣдамъ. Такъ они ходятъ, ходятъ, пока не выбьются изъ силъ и не умрутъ отъ жажды.

По окраинамъ пустыни шляется много разнаго безпутнаго люда въ надеждѣ рано или поздно добраться до скрытыхъ сокровищъ. Всѣ эти искатели золота очень подозрительный народъ, котораго надо остерегаться. Обыкновенно это лѣнтяи, надѣющіеся сразу поймать счастье за крылья, а пока промышляющіе воровствомъ и грабежомъ и являющіеся настоящимъ бичомъ мирныхъ окрестныхъ жителей.

Но откуда же берутся такія легенды? Чѣмъ объяснить эти согласныя указанія на погребенные въ пустынѣ города и на

большой древній городъ Такла-маканъ? Случай-ли создалъ эти сказанія, переходящія изъ устъ въ уста по всей области отъ Хотана — черезъ Яркендъ и Мараль-баши — до Акъ-су? Безъ всякихъ-ли основаній всѣ называютъ древній городъ этотъ однимъ и тѣмъ-же именемъ? Что побуждаетъ туземцевъ съ такими подробностями описывать видѣнные ими развалины домовъ, увѣрять, что прежде въ глубинѣ пустыни были большіе лѣса, гдѣ водились мускусныя кабарги и другія животныя? Одно желаніе заинтриговать чужестранцевъ?

Не думаю, чтобы всѣ рассказы были игрой случая; они должны имѣть основаніе и источникъ. За ними, гдѣ-то далеко, навѣрно, скрыта истина, служащая имъ основаніемъ, и нельзя пренебрегать ими.

Я заслушивался этихъ легендарныхъ рассказовъ, какъ ребенокъ; они придавали все большую и большую заманчивость опасному путешествію, на которое я рѣшился. Они гипнотизировали меня, я сталъ глухъ и слѣпъ ко всѣмъ опасностямъ, я былъ околдованъ духами пустыни! Даже песчаные вихри, бравшіе начало въ глубинѣ пустыни, казались мнѣ величественными, очаровательными.

Тамъ, на горизонтѣ, рисовались красивыя, мягкія формы песчаныхъ грядъ; я не уставалъ любоваться ими; за ними покоилась мертвенно-тихая невѣдомая, волшебная страна, о существованіи которой ничего не могли сказать самые древніе источники, и я хотѣлъ быть первымъ, вступившимъ въ нее.

2 марта, уладивъ всѣ дѣла, я покинулъ Мараль-баши и направился на юго-западъ въ селеніе Хамалъ (вѣтеръ), расположенный на лѣвомъ берегу Яркендъ-дарьи. Дорога шла по слегка пересѣченной мѣстности, покрытой травой, кочками и рѣдкимъ кустарникомъ. Въ Хамалѣ живутъ 30 семей, которыя воздѣлываютъ пшеницу и маисъ; орошаются поля арыками. Во время лѣтняго половодья вода затопляетъ большіе участки на берегахъ. Весенняя прибыль воды, вызываемая таяніемъ зимняго льда на рѣкѣ, также способствуетъ значительному переполненію русла, въ чемъ мы могли убѣждаться ежедневно.

3 марта. Наши скрипучіе экипажи уносили насъ все дальше и дальше вдоль лѣваго берега Яркендъ-дарьи, между чащами кустарниковъ и тростника, по тополевымъ рошицамъ,

по песку и болотамъ, ледъ на которыхъ готовился разойтись. Въ чащахъ водятся дикіе кабаны, производящіе большія опустошенія на окрестныхъ поляхъ. Чтобы защищать жатву отъ погравъ, туземцы строятъ около полей караульные шалашики, въ которыхъ и поселяются, когда подходитъ время жатвы.

Маралъ-башинскій амбанъ заранѣе распорядился, чтобы онъ-баша (десятники) разныхъ мѣстечекъ и городовъ встрѣчали меня на всемъ пути подобающимъ образомъ. Такъ и было. Всюду, гдѣ мы останавливались, намъ отводили помѣщеніе и снабжали всѣмъ необходимымъ.

Въ Аксакъ-маралѣ (хромой олень) 30 домовъ, обитаемыхъ по большей части долонами; они держатъ рогатый скотъ и овецъ, воздѣлываютъ пшеницу и маисъ. Зимы здѣсь холодныя, но снѣгу выпадаетъ немного; весною дуютъ сильныя вѣтры, дожди выпадаютъ вообще въ небольшомъ количествѣ и какъ разъ осенью въ пору жатвы, такъ что часто вредятъ послѣдней.

Ночью, когда въ воздухѣ тихо и холодно, атмосфера становится чище. Такъ было и сегодня. Небо было пепельно-сѣрое; вечеромъ, однако, проглянулъ мѣсяць; дальше-же, на горизонтѣ все казалось подернутымъ дымкой. Утромъ чистое голубое небо тоже виднѣлось лишь прямо надъ головой, а дальше переходило въ сѣрое.

4 марта. Путь шелъ по обширному болоту, по которому китайскія власти лѣтъ семь тому назадъ велѣли проложить дорогу. Матеріаломъ для гати послужили сваи, брусья, прутья и земля. Словно узкая лента вьется дорога по болоту. Мѣстами гать прерывается, и дорога идетъ по деревяннымъ мостамъ, перекинутымъ черезъ протоки, поддерживающіе сообщеніе водой. Иногда, въ іюнѣ, въ іюлѣ и въ августѣ дорогу всетаки заливаютъ, и тогда ѣдутъ черезъ Кашгаръ. Болото является, въ сущности, мелкою лагуною, и никто не запомнитъ даже, когда оно образовалось. Называется оно Чирайлыкъ-тограктасы-куль (красивое озеро съ тополями).

Слѣдующая станція Ала-айгыръ (пѣгая кобыла) — кышлакъ, обитаемый 25 семьями долоновъ. Тотъ-же климатъ, тѣ же условія жизни, что и въ предыдущихъ поселкахъ; и

здѣсь весною дуетъ сильный вѣтеръ съ востока. Вообще трактъ между Мараль-баши и Яркендомъ очень оживленъ; здѣсь ходятъ китайская почта, караваны ословъ, скрипятъ арбы; верблюдовъ же здѣсь рѣдко увидишь.

Ала-айгыръ расположенъ въ километрѣ разстоянія отъ Яркендъ-дарьи; во время лѣтняго половодья вода, однако, подходитъ къ самому кышлаку. Два года тому назадъ береговая линія рѣки и зимою шла подъ самымъ городомъ; съ тѣхъ поръ рѣка обнаружила уклоненіе къ востоку.

5 марта. Сегодня ѣхали 10 часовъ по крайне неудобной дорогѣ, мѣстами залитой водой; колеса арбъ глубоко вязли въ песокъ и илѣ. Миновали три селенія, а въ четвертомъ, Майнетѣ, остановились въ необычайно опрятномъ лянгарѣ (постоялый дворъ). На стѣнѣ было вывѣшено крупныхъ размѣровъ объявленіе на китайскомъ и тюркскомъ языкахъ слѣдующаго содержанія: „Я (императоръ) слышалъ, что нѣкоторые беки обложили народъ непомѣрными налогами, захватили въ свои руки рыбную ловлю, и желаю, чтобы на такія превышенія власти жаловались ближайшему дао-таю. Если-же послѣдній не внемлетъ жалобамъ, пусть народъ обратится прямо ко мнѣ. Куангъ-Тси.“

Бѣдный императоръ! Онъ никогда не слышалъ о кышлакѣ Майнетѣ, и мало ему нужды до рыбной ловли въ Яркендъ-дарьѣ.

Въ Майнетѣ 15 домовъ. Поясъ лѣсной растительности, имѣющій здѣсь въ ширину всего нѣсколько километровъ, переходитъ затѣмъ въ пустыню. Волковъ здѣсь много, и они очень вредятъ стадамъ. Тигры въ этой области, напротивъ, повывелись вотъ уже много лѣтъ; только около Ала-айгыра держался одинъ два года тому назадъ.

6 марта. Сначала мы ѣхали нѣсколько километровъ по довольно большому тополевому лѣсу, затѣмъ выѣхали прямо на рѣку, текущую здѣсь двумя большими и нѣсколькими маленькими рукавами. Она была покрыта рыхлымъ льдомъ; только около береговъ виднѣлась открытая вода.

Лайлыкъ (грязное, глинистое мѣстечко) — цѣль сегодняшняго дня — послѣднее селеніе на этомъ трактѣ, подчиненное власти Мараль-башинскаго амбана, и граничить на югѣ съ Яркендской областью. Здѣсь проживаютъ 15 долонскихъ семей. Въ рѣкѣ водится рыба; максимумъ глубины рѣки въ

половодье превышаетъ, говорятъ, человѣческій ростъ въ 4 раза. Скорость теченія также въ эту пору велика, однако „не догонитъ коннаго“. Конному нужно всего 4 дня, чтобы добраться отсюда до Мараль-баши, а теченію цѣлыхъ 10.

7 марта. Лайлыкъ сталъ съ нѣкотораго времени нашею главною квартирою, такъ какъ намъ предстояло сдѣлать разныя приготовленія къ предстоявшему путешествію по пустынѣ. Главною нашею заботою было обезпечить себѣ верблюдовъ. Кашгарскіе купцы надули насъ, увѣряя, что въ Мараль-баши легче всего найти хорошихъ верблюдовъ, — мы во всемъ городѣ едва-ли видѣли одного верблюда. Оставалось попытаться добыть верблюдовъ въ Кашгарѣ, что я и поручилъ Магометъ-Якубу, котораго все равно надо было послать въ Кашгаръ отвезти мои письма и привезти оттуда корреспонденцію на мое имя. Въ Яркендѣ верблюдъ средняго достоинства стоилъ обѣ эту пору 500 тенегъ, а въ Кашгарѣ 400. Якубъ повезъ письма консулу и аксакалу консульства съ просьбой помочь въ закупкѣ нужныхъ мнѣ верблюдовъ. Черезъ 10 дней Якубъ долженъ былъ вернуться обратно въ Лайлыкъ съ 8 верблюдами и 2 людьми.

Наши возницы съ арбами были отпущены, получивъ за провозъ 200 тенегъ. Они собирались въ Яркендъ, искать заработковъ, и хотѣли по пути нагрузить въ послѣднемъ лѣсномъ участкѣ свои арбы топливомъ. Въ Яркендѣ вязанка топлива, которая составляетъ обычный вьюкъ осла, стоитъ 3 теньги, а въ арбу входитъ 10 такихъ вязанокъ, такъ что каждый возница рассчитывалъ заработать по 60 тенегъ.

Исламъ-баю я поручилъ съѣздить въ Яркендъ закупить разныхъ нужныхъ предметовъ: желѣзныхъ резервуаровъ для воды, хлѣба, рису, веревокъ, разныхъ инструментовъ, какъ напримѣръ кирокъ, топоровъ, затѣмъ кунжутнаго масла, и кунжутныхъ отжимокъ. Масло это идетъ на кормъ верблюдамъ въ пустынѣ. Если давать верблуду въ день по $\frac{1}{2}$ литра масла, онъ мѣсяць можетъ обходиться безъ другой пищи. Но еще лучше, разумѣется, если по пути найдется подножный кормъ, на которомъ животныя могли-бы немного подкрѣпиться. Кромѣ того, именно въ мартѣ и въ апрѣлѣ верблюды неохотно идутъ безъ воды долѣе трехъ дней; зимою-же, да по ровной мѣстности, идутъ и шесть и семь дней, если нужно.

Свиту мою, такимъ образомъ, словно вѣтромъ развѣяло; остался одинъ миссіонеръ Іоганнъ.

8 марта я отправился лѣскомъ къ рѣкѣ, чтобы произвести кое-какія наблюденія. Тутъ устроена переправа на паромѣ; отталкиваясь шестами, переправляются на другой берегъ въ 70 секундъ. Подымаетъ паромъ 7 лошадей, 60 ословъ и 20 человѣкъ.

Берега не похожи одинъ на другой. Лѣвый отлогій, ровный, голый, изобилуетъ песчаными отмелями; правый крутой, размытый теченіемъ, богатъ лѣсной растительностью; корни тополей и тамариска высовываются изъ тонкаго аллювіальнаго матеріала. Рѣка сильно размываетъ и напираетъ на правый берегъ. Водная масса, впрочемъ, дѣлаетъ безпрестанно изгибы и повороты, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильнѣе размытъ лѣвый берегъ, но въ общемъ все-же меньше праваго.

Поясъ лѣсной растительности на правомъ берегу приподнятъ надъ водой на 1.84 м. и все-таки вода затопляетъ его въ июлѣ. Ширина рѣки доходитъ до 61.4 м., максимальная глубина до 1.9 м., скорость теченія до 80.6 сантим. въ сек., а притокъ воды равняется 86.6 куб. метр. въ сек., что является крайне незначительнымъ количествомъ въ сравненіи съ той массой воды, которая несется въ Лобъ-норъ лѣтомъ. Температура равнялась 8.3°; льду не было видно, и вода была прозрачна всего до глубины 5 сант.

XX.

Паломничество.

9 марта. Желая съ пользой употребить время, пока мои люди были въ отсутствіи, я рѣшилъ предпринять съ опытнымъ проводникомъ экскурсію на мазаръ Урданъ-Падишахъ, находящійся въ песчаной пустынѣ въ двухъ дняхъ пути на западъ отъ Лайлыка.

Въ 8 ч. мы сѣли на лошадей и рысью пустились на WNW, сначала по лѣсу, который мало по малу рѣдѣлъ и смѣнился кустарникомъ, затѣмъ по степи, которая въ свою очередь пе-

решла въ песчаную пустыню. Песокъ здѣсь, однако, еще не глубокъ, барханы незначительной высоты; крутые склоны ихъ обращены на западъ, что указываетъ на господство здѣсь въ это время года восточныхъ вѣтровъ.

Было очень интересно проѣхать по тракту, на который еще не ступала нога европейца. Оставивъ большое селеніе Моголь (монголь) вправо, мы сдѣлали привалъ въ Таримъ; мѣстный бекъ предоставилъ въ наше распоряженіе свое жилище. Мѣста намъ, впрочемъ, не много было надо, такъ какъ мы взяли съ собою въ путь лишь самое необходимое да пару лошадей. Селенія Таримъ и Моголь имѣютъ каждое по 200 дворовъ; управляются бекомъ и 8 онъ-баши; кромѣ того въ одномъ изъ нихъ проживаетъ китайскій сборщикъ податей. „Таримъ“ означаетъ „пашня“, т. е. воздѣланное мѣсто, и жители говорятъ, что въ былыя времена мѣстность эта дѣйствительно славилась богатыми жатвами и обильнымъ орошеніемъ. Сюда со всѣхъ сторонъ стекались люди для закупки зерна. Измѣненіе этихъ условій, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ измѣненіемъ теченія рѣки. Нынѣ мѣстность орошается большимъ арыкомъ „Ханъ-арыкъ“, который, словно артерія, несетъ живительную влагу изъ рѣки Гезъ и, оросивъ селенія Тазгунъ и Ханъ-арыкъ, простираетъ концы своихъ отпрысковъ сюда.

Притокъ воды, однако, недостаточенъ, неравнобренъ и непостояненъ, что часто и вызываетъ недородъ. Китайскія власти строго соблюдаютъ правила относительно пользованія Ханъ-арыкомъ, и каждому селенію предоставляется отводить изъ него воду лишь во время извѣстнаго срока. Таримъ уже пользовался своимъ правомъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ; черезъ 12 дней воду должны были запрудить, и жителямъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ предстояло обходиться водою изъ колодезевъ. Въ концѣ-же лѣта имъ опять на 34 дня предоставлялось получить свою долю живительной влаги.

10 марта въ 8 часовъ утра мы покинули Таримъ и направились дальше къ западу, по степи, пустырямъ или болотамъ. Я открылъ здѣсь четыре большихъ высохшихъ русла въ 80—100 метр. ширины каждое; направленіе ихъ было NNO. Это могли быть только прежнія русла Яркендъ-дарьи.

Бай-ханъ-куль (озеро богатаго хана) мелководно, содер-

житъ соленую воду и имѣеть топкіе, поросшіе камышемъ берега; мы то и дѣло увязали здѣсь съ лошадьми. Сюда достигаеть вода изъ арыковъ Янги-гиссара. Зимую озеро, покрытое льдомъ, имѣеть наибольшіе размѣры, тогда какъ лѣтомъ почти пересыхаеть.

На трактѣ Кызыль-джи мы переѣхали по мосту еще черезъ одинъ рукавъ Янги-гиссарскихъ арыковъ. По близости находится могила святого, называемая Кызыль-джи-ханымъ. Названіе это возбуждаеть интересъ, такъ какъ встрѣчается у Эдризи*. Около того мѣста, гдѣ собственно начинается песчаная пустыня, и барханы имѣють уже около 8 метр. высоты, находится незначительное селеніе Лянгаръ. Здѣсь проживаеть во время большихъ годовыхъ праздниковъ дервишъ, который беретъ подъ свой присмотръ лошадей пилигримовъ. Кромѣ того онъ продаеть путникамъ маисъ и доставляеть топливо на могилу Урдана.

Отсюда барханы идутъ уже непрерывными грядами, вытянутыми въ направленіи SSW — NNO. Намъ надо было на SSW, поэтому мы часто пользовались промежутками между ними, гдѣ была обнажена твердая глинистая почва.

Въ часѣ пути отъ мазара мы обогнали партію въ 45 пилигримовъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, шедшихъ изъ Лянгара на поклоненіе святынѣ. Пятнадцать мужчинъ несли „туги“ — длинные шести съ разноцвѣтными и бѣлыми лоскутьями въ видѣ знаменъ. Во главѣ ѣхалъ музыкантъ, игравшій на флейтѣ, а по сторонамъ его шли два барабанщика, изо всѣхъ силъ колотившіе по своимъ инструментамъ. Время отъ времени, всѣ пилигримы разомъ восклицали во все горло: „Алла!“ Дойдя затѣмъ до мѣста, они съ тѣми-же дикими возгласами: „Алла!“ поклонились шейху, а несшіе „туги“ столпились около самаго мазара и стали исполнять религіозный танецъ. Въ сумерки мы добрались до „ханка“ (домъ молитвы). Тутъ же находилось селеніе, обитаемое 25 семействами, большинство изъ которыхъ, однако, проживаеть здѣсь лишь временно; только четыре семьи живутъ здѣсь круглый годъ для присмотра за могилой. Главный шейхъ, въ вѣдѣніи котораго находится также могила Хазретъ Бегамъ, былъ въ настоящее время

*) Арабскій географъ XII вѣка.

Прим. перев.

въ Янги-гиссарѣ. Такъ какъ онъ долженъ постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, то въ каждомъ пунктѣ и имѣетъ по женѣ.

Одинъ изъ постоянныхъ здѣшнихъ жителей говорилъ мнѣ, что за зиму на могилѣ перебиваетъ 10,000 — 12,000 пилигримовъ, лѣтомъ-же только тысячъ 5, что объясняется лѣтними жарами и недостаткомъ воды. Пилигримы, пришедшіе съ нами изъ Лянгара, принесли пару мѣшковъ маиса, который и былъ высыпанъ въ большой котелъ, находящійся въ особомъ помѣщеніи при молельнѣ. Маисъ пошелъ затѣмъ на обѣдъ сторожамъ и пилигримамъ, но самый актъ этого жертвоприношенія долженъ былъ обезпечить пилигримамъ урожайный годъ.

Въ селеніи 8 домовъ, расположенныхъ двумя рядами; между ними пролегаетъ по направленію съ востока на западъ улица. Къ сѣверу выглядываютъ еще нѣсколько домовъ изъ бархановъ, которые угрожаютъ и самому селенію.

Мнѣ отвели необычайно уютную комнатку въ верхнемъ этажѣ страннопріимнаго дома. Въ комнатѣ было окно съ деревянной рѣшеткой, изъ котораго открывался видъ на югъ, на песчаное море. Всю ночь на улицѣ шла невѣроятная суетня и шумъ. Пилигримы расхаживали въ торжественной процессіи взадъ и впередъ, играли на флейтахъ, распѣвали, били въ барабаны и размахивали руками. Шумъ, впрочемъ, мало покоилъ меня. Я спалъ хорошо и только утромъ меня разбудилъ бѣшеный песчаный вихрь, влетѣвшій ко мнѣ сквозь рѣшетку окна и закрутившійся по комнатѣ.

11 марта посвящено было ближайшему ознакомленію съ этимъ оригинальнымъ пунктомъ паломничества, который былъ посѣщенъ лишь однажды майоромъ Белью (въ апрѣлѣ, 1874 г.). Онъ прибылъ сюда съ запада, я съ востока, и такимъ образомъ наши изслѣдованія взаимно дополняютъ одно другое.

Кромѣ главнаго шейха постоянный персоналъ священнаго мѣста составляютъ имамъ, мутеваллій и двадцать супи, или слугъ. Содержатся они исключительно на счетъ пилигримовъ. Послѣдніе жертвуютъ по мѣрѣ силъ и средствъ: лошадей, овецъ, коровъ, куръ, яйца, хлѣбъ, плоды, халаты и другія полезныя вещи. Всѣ пожертвованія, исключая живот-

ныхъ, кладутся въ самый большой жертвенный котель, называемый Алтынъ-дашъ, или „Золотой камень“.

Всѣхъ-же жертвенныхъ котловъ 5; они вмазаны въ глиняный шестокъ въ „Казанъ-хана“ или „Котельномъ домѣ“. Алтынъ-дашъ изъ бронзы и имѣетъ полметра въ діаметрѣ. Говорятъ, что онъ сохраняется со временъ самого Урдана-Падишаха. Затѣмъ идетъ красивый мѣдный котель, 1 метра въ діаметрѣ, пожертвованный на могилу Якубъ-бекомъ, который самъ являлся сюда на поклоненіе три раза. Остальные котлы поменьше и разной величины.

При значительномъ стеченіи пилигримовъ „ашъ“ или „палау“ (рисовая каша) варится заразъ для всѣхъ въ самомъ большомъ изъ котловъ. При меньшемъ стеченіи народу, кушанье варится въ котлахъ поменьше, глядя по числу ртовъ. Котельный домъ выстроенъ два года тому назадъ; старый-же наполовину засыпанъ пескомъ надвинувшагося бархана, серповидный рогъ котораго находится всего въ 4 метрахъ отъ новаго дома и грозитъ и ему. Вѣтры, обусловливающіе направление бархановъ, дуютъ съ сѣверо-запада.

На навѣтренной сторонѣ ближайшаго бархана, изъ песку выглядываетъ до половины могильный холмъ съ тугами. Говорятъ, что холмъ этотъ существуетъ 710 лѣтъ и скрываетъ прахъ шаха Якубъ-шейха. Судя по тому направленію, по которому движутся барханы, могила скоро должна выступить изъ подъ нихъ совсѣмъ. Барханы имѣютъ въ ширину самое большее 120 метр., а въ высоту 5 м., и такимъ образомъ превышаютъ кровли всѣхъ домовъ въ мѣстечкѣ. Промежутокъ между подвѣтренной стороной этого бархана и юговосточнымъ сосѣдомъ равняется 155 метр. Промежутокъ этотъ представляетъ полосу глины, свободной отъ песку; на ней и возведенъ небольшой поселокъ. Въ сильную бурю песокъ переносится надъ нимъ съ одной гряды бархановъ на другую. Ханка или домъ молитвы заключаетъ залъ для молитвы съ обращенной на востокъ галлереей о шестнадцати колоннахъ. Около сѣверной окраины селенія бьетъ прѣсный ключъ Джевадъ-ханымъ, образующій довольно чистый водоемъ, обнесенный деревянною загородкой. Разъ въ годъ водоемъ очищается отъ песку. Ключъ бьетъ слабой струею, и при большомъ стеченіи народа въ праздники воды не хватаетъ; приходится прибѣгать къ находяще-

муся въ десяти минутахъ ходьбы дальше солоноватому источнику Чешме (персидское слово, обозначающее источникъ).

Въ двадцати минутахъ дальше на сѣверо-западъ возвышается самый мазаръ, высокое, оригинальное сооруженіе. Это въ сущности частоколъ изъ нѣсколькихъ тысячъ „туговъ“ съ флагами, имѣющій форму Эйфелевой башни и стремящійся къ небу. Видно его издалека, такъ какъ онъ стоитъ на гребнѣ песчанаго холма, въ 12 метр. высоты. Холмъ этотъ попытались закрѣпить, натывавъ въ песокъ вокругъ мазара вязанокъ камыша; попытка эта удалась лишь до нѣкоторой степени, такъ какъ та часть холма, на которой находится мазаръ, образуетъ на сѣверо-западѣ, т. е. съ навѣтренной стороны, выступъ, которому, теперь угрожаетъ ближайшій сосѣдній барханъ.

Песчаный вихрь все продолжался, и тысячи флаговъ на „тугахъ“ развѣвались и хлопали такъ, что трескъ стоялъ. Туги приносятся сюда пилигримами, и частоколъ все растетъ, да растетъ. Чтобы его не повывергало вѣтромъ, онъ закрѣпленъ поперечными перекладинами. Частоколъ изъ тугъ поменьше образуетъ вокругъ могилы наружную четырехугольную ограду, высотой въ 30 метровъ.

Имамъ сообщилъ, что Урданъ-Падишахъ, настоящее имя котораго султанъ Али-Арсланъ-ханъ, воевалъ 800 лѣтъ тому назадъ съ народомъ Тогда-рапидъ-Нокта-рапидъ, желая обратить его въ исламъ. Въ самый разгаръ битвы „кара-буранъ“ или черный песчаный ураганъ похоронилъ его и все его войско. Въ исторіи восточно-туркестанскихъ сказочныхъ героевъ Урданъ и донынѣ играетъ большую роль.

Вечеромъ мы отправились черезъ селенія Достъ-булакъ (источникъ друга), Хорасанъ и Псәнъ прямо на сѣверъ въ Ачикъ (горькій). Тамошній юзъ-баши принялъ насъ очень ласково и сообщилъ мнѣ много свѣдѣній относительно климата и дорогъ.

12 марта. До Тарима оставалось ѣхать 8 часовъ. Мы сѣли на коней рано утромъ и двинулись, несмотря на сильный сѣверо-западный вѣтеръ. Мѣстность между этими двумя селеніями носитъ степной характеръ. Тамъ и сямъ попадаются густыя заросли тамариска, репейника и травяныя кочки; послѣднія, высохнувъ вырываются часто вѣтромъ, скатываются имъ въ шары, и въ такомъ видѣ носятся по землѣ.

Верхній, почвенный слой представляет тонкій сухой подвижный матеріалъ; вѣтеръ подымаетъ его и гонитъ, какъ дымъ. Часто приходилось также ѣхать по топи, образованной застоявшимися арычными водами, а иногда и дѣлать объѣзды, чтобы не завязнуть въ болотѣ. Нѣсколько разъ сбивались съ пути, но опять выбирались на дорогу, благодаря указаніямъ пастуховъ, пасшихъ овецъ и козъ.

Солнце такъ и не показывалось; небо было желто-огненного цвѣта, переходившаго мѣстами въ пепельный. Миновавъ поселокъ Кѣттекликъ (мертвый лѣсъ), мы, наконецъ, достигли Тарима; какъ мы, такъ и лошади наши, были совершенно сѣры отъ насѣвшей на насъ пыли.

13 марта. Бура все продолжается, но вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, перешелъ сначала въ сѣверный, потомъ въ сѣверо-восточный. Это былъ, слѣдовательно, трехдневный, такъ называемый сарыкъ-буранъ (желтый вихрь), заволакивающій небо желтой мглой.

Изъ Тарима мы направились къ юго-востоку въ селеніе Терекъ-лянгаръ (тополевыи заѣзжіи дворъ) на Яркендъ-дарьѣ. Пришлось ѣхать рысью девять часовъ по „ала-куму“, т. е. по мѣстности, гдѣ степные участки перемежаются песчаными. Неподалеку отъ рѣки, мы переѣхали по мосту черезъ большой Ханды-арыкъ, выведенный изъ Яркендъ-дарьи въ одномъ дневномъ переходѣ отсюда и снабжающій водой много селеній. Девять лѣтъ назадъ онъ былъ исправленъ по приказанію китайскихъ властей; говорятъ, надъ нимъ работало одиннадцать тысячъ человѣкъ.

Сооруженіе этого гигантскаго канала, вѣроятно, было значительно облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ проложенъ по одному изъ прежнихъ руселъ Яркендъ-дарьи. Между арыкомъ и рѣкой ясно видно нѣсколько старыхъ береговыхъ линій, и здѣшніе жители увѣряли меня, что рѣка прежде текла подлѣ самого города, находящагося теперь въ разстояніи трехъ километровъ отъ нея. Они, впрочемъ, очень довольны такимъ капризомъ рѣки, такъ какъ могутъ расширить свои поля за счетъ аллювіальныхъ рѣчныхъ наносовъ.

14 марта песчаный буранъ стихъ немного, такъ какъ вѣтеръ перешелъ въ восточный. Я часто замѣчалъ, что бураны начинаются съ запада, затѣмъ завертываютъ чрезъ сѣ-

веръ къ востоку. Мы повернули на сѣверо-востокъ, къ Лайлыку и долго ѣхали вдоль рѣки по самому берегу, который мѣстами сильно размытъ, возвышается отвѣсной стѣной, имѣющей высоту до 4 метр. и обнаруживающей горизонтальные слои тонкаго желтаго матеріала — пыли, песку и аллювія, закрѣпленные безчисленными корнями растений, свѣшивающихся иногда въ самую воду.

Первая половина пути лежала черезъ цѣлый рядъ селеній. Затѣмъ, мѣстность приняла пустынный характеръ, сохранившійся до самаго лѣса около Лайлыка, куда мы прибыли тотчасъ послѣ полудня и нашли все въ наилучшемъ порядкѣ подѣ присмотромъ Юганна.

Дервишъ изъ Восточнаго Туркестана.
(Съ рисунка автора).

15 марта. Настало время долгаго испытывающаго терпѣніе ожиданія. День проходилъ за днемъ, а о верблюдахъ не было ни слуха, ни духа. Я могъ-бы совершенно обойти эти 25 дней молчаніемъ, но нахожу въ своемъ дневникѣ нѣсколько записей, не лишенныхъ интереса.

Пользуясь временемъ, мы собирали всевозможныя свѣдѣнія о пустынѣ, находящейся на востокѣ.

И вотъ, однажды, намъ рассказали о двухъ жителяхъ селенія Янтакъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ отправились по правому берегу рѣки прямо на востокъ, захвативъ съ собою продовольствія на 12 дней. На третій день они пришли къ очень глубокому, каменистому рѣчному ложу, черезъ которое былъ перекинутъ полуразрушившійся деревянный мостъ. Переходъ по мосту былъ невозможенъ, и они сперва порѣшили идти вверхъ по руслу, но, не найдя въ этомъ направленіи воды, повернули и пошли внизъ по руслу; по пути они

видѣли много залежей нефрита и черезъ семь дней тяжелаго пути добрались до края Мазаръ-тага, гдѣ росъ камышь и можно было дорыться до грунтовой воды.

Въ легендахъ живетъ еще одинъ таинственный городъ Шаръ - и - катакъ, или по просту Ктакъ, также волнующій фантазію мѣстныхъ жителей. Мѣстоположеніе его указывается различно. Въ Лайлыкѣ утверждали, что онъ лежитъ въ разстояніи 5 потаевъ (потаи — собственно путевые знаки, отстоящіе другъ отъ друга приблизительно на 4 версты) на западъ отъ селенія, и что одинъ человекъ много лѣтъ тому назадъ видѣлъ тамъ его развалины; съ тѣхъ-же поръ, сколько его ни искали, все тщетно. По рассказамъ лайлыкскихъ жителей только одинъ Аллахъ можетъ указать путь къ этому городу; иначе его не найти и во вѣки вѣковъ.

Затѣмъ, мнѣ сообщили, что какъ разъ на этихъ дняхъ намѣревалась выступить изъ Яркенда въ пустыню партія изъ 12 человекъ на поиски золота. Для такихъ экскурсій вообще выбираютъ весеннее время, полагая, что весенніе песчаные вихри обнажаютъ золото. Мѣсяць тому назадъ, отправился туда еще одинъ человекъ, но до сихъ поръ не вернулся. Въ Яркендѣ рассказываютъ, что путники время отъ времени слышатъ въ пустынѣ голоса, зовущіе ихъ по имени, но стоитъ пойти на такой голосъ, чтобы заблудиться и погибнуть отъ жажды.

Интересно сравнить эти рассказы съ тѣмъ, что говоритъ о великой пустынѣ Лобъ венеціанецъ Марко Поло. „Объ этой пустынѣ рассказываютъ диковинныя вещи, напр., что, если кому изъ путниковъ случится ночью отстать или заснуть и т. п., то, догоняя затѣмъ товарищей, онъ слышитъ голоса духовъ, разговаривающихъ голосами его товарищей. Иногда духи называютъ его по имени, и путникъ, сбитый ими съ толку, часто совсѣмъ теряетъ слѣды товарищей. Такимъ образомъ погибаютъ многіе“.

Вернулся изъ Яркенда Исламъ-бай и привезъ четыре челека (железные водохранилища), шесть бурдюковъ, масла и кунжутныхъ отжимокъ для верблюдовъ, керосина, хлѣба, талкана (поджаренная мука), гомана (макаронны), меда, мѣшковъ, лопатъ, кирокъ, кнутовъ, уздечекъ, посуду — все въ надлежащемъ количествѣ.

18 марта. Я имѣлъ за это время достаточно случаевъ убѣдиться въ зависимости инсоляціи отъ большей или меньшей насыщенности атмосферы пылью. Такъ, когда воздухъ былъ почти чистъ, инсоляція доходила до 46° , а послѣ сильнаго песчанаго бурана понизилась до 20.6° (16 марта), затѣмъ воздухъ мало-по-малу снова прочистился, и 17 марта инсоляція дошла уже до 27.6° , а на слѣдующій день до 36.6° .

Въ то же время минимальный термометръ понижается за ночь послѣ прекращенія бурана и проясненія атмосферы. До бурана минимальный термометръ показывалъ напр. -6° , послѣдній день бурана обнаружилъ повышеніе -0.4° , а по прекращеніи упалъ опять до -2° , а затѣмъ до -3.5° . Иными словами, лучеиспусканіе увеличивается по мѣрѣ того, какъ пыль осѣдаетъ на землю или уносится вѣтромъ. Точно такъ же температура воздуха въ полдень въ тѣни обнаруживаетъ повышеніе, соотвѣтственно проясненію атмосферы. Такъ 16, 17 и 18 марта она съ 5.4° поднялась до 7.4° и до 11° . Атмосферная пыль оказываетъ, слѣдовательно, значительное вліяніе на показаніе метеорологическихъ приборовъ.

19 марта мы собрались въ большое селеніе Меркетъ на правомъ берегу Яркендъ-дарьи, откуда предполагали выступить съ караваномъ въ пустыню. Утромъ и явилась цѣлая толпа жителей Меркета, чтобы проводить насъ въ свое селеніе. Самъ бекъ Магометъ-Ніазъ явился съ дарами — курицей, яйцами и дастарханомъ. Это былъ высокій человѣкъ, съ жиденькой бѣлой бородой и строгимъ энергичнымъ взглядомъ. Для перевозки нашего багажа были взяты вьючные лошади, и, щедро расплатившись и деньгами и подарками съ Лайлыкскимъ онъ-баши и его славной женой, которые оба оказывали мнѣ всякое вниманіе во время моего пребыванія въ ихъ гостепріимномъ домѣ, мы направились къ парому, который и перевезъ насъ съ нашей многочисленной свитой и багажомъ въ четыре приѣма.

На югѣ таяніе льда явно прекратилось, такъ какъ уровень воды въ рѣкѣ понизился съ 8 марта на 28 сант. и продолжалъ понижаться.

Черезъ четверть часа ѣзды въ юговосточномъ направле-

ни, мы миновали селеніе Ангытлыкъ, орошаемое восточнымъ рукавомъ Яркендъ-дарьи. Черезъ часъ мы были въ селеніи Чамгырлыкъ, а еще черезъ три четверти часа прибыли въ Меркетъ. Мѣстный бекъ предоставилъ въ наше распоряженіе свой домъ, и мы расположились по домашнему въ большомъ, удобномъ, усманномъ коврами покоѣ съ нишами въ стѣнахъ.

Меркетъ вмѣстѣ съ окрестными кышлаками насчитываетъ тысячу дворовъ; 260 изъ нихъ расположены вблизи базара. Въ селеніи Янтакъ, лежащемъ неподалеку, 300 дворовъ. Вмѣстѣ съ Ангытлыкомъ и Чамгырлыкомъ Янтакъ составляетъ бекство, тогда какъ Меркетъ имѣетъ своего отдѣльнаго бека.

Въ Меркетѣ живутъ два сборщика податей, десять китайскихъ купцовъ и четыре индусскихъ ростовщика изъ Шикарпура. Область эта плодородна; здѣсь хорошо родятся пшеница, маисъ, овесъ, бобы, рѣпа, огурцы, дыни, свекла, виноградъ, абрикосы, персики, туговья ягоды, яблоки, груши и хлопокъ. Въ урожайные годы большое количество зерна всякаго рода вывозится въ Кашгаръ и Яркендъ, зато въ неурожайный приходится привозить хлѣбъ изъ Яркенда.

Меркетъ, хотя и лежитъ такъ близко отъ Яркендъ-дарьи, не пользуется для орошенія своихъ полей и каплей воды изъ нея, получая всю нужную влагу изъ рѣки Тызнапа, текущей параллельно Яркендъ-дарьѣ. Когда притокъ воды незначителенъ, рѣка эта доходитъ только до Янтака, въ другое-же время она течетъ далеко на сѣверъ и образуетъ два небольшихъ озера, которыя лишь въ половодье наполняются водой. По правому берегу тянется полоса лѣса шириною самое большее въ 20 килом.

Зимы здѣсь холодныя и малоснѣжныя; снѣгъ быстро таетъ; лѣто бываетъ очень жаркое. Дожди выпадаютъ равномерно въ теплое время года и иногда размываютъ плоскія крыши домовъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ обычное явленіе. Бури длятся отъ двухъ до четырехъ дней и всегда сопровождаются пыльными туманами и осадками, которые покрываютъ растительность словно сѣро-желтымъ пухомъ.

Замѣчательно, что Меркета до сихъ поръ никогда не сѣщалъ ни одинъ европеецъ. Самое названіе его впервые

встрѣчается въ описаніи путешествія генерала Пѣвцова*) (онъ пишетъ „Мекетъ“), который, однако, не могъ пробраться туда по случаю высокой воды. Китайцамъ-же это мѣсто давно извѣстно; оно упоминается въ изданномъ въ 1823 г. трудѣ „Сиюй-шуй-дао-цзи, подъ именемъ Май-ге-те. По китайской транскрипціи Янтакъ (или Янтаклькъ) становится Янъ-ва-ли-ке, а Тызнапъ — Тинъ-ца-бу. Авторъ китайскаго труда сообщаетъ, что рѣка эта (Тызнапъ) соединяется съ Яркендъ-дарьей. Такъ оно и должно было-бы быть, если-бы воды ея не отводились арыками и не терялись въ маленькихъ озерахъ. 80 же лѣтъ тому назадъ описаніе китайцевъ и могло соотвѣтство-вать истинѣ.

И тутъ есть золотоискатели. Одинъ человѣкъ разсказывалъ, что онъ вмѣстѣ съ другими цѣлыхъ 20 дней бродилъ пескамъ. Они взяли съ собой провизіи и воды на ослахъ. Послѣ по семи дней пути на ОНО по мощнымъ дюнамъ, они достигли обширнаго края. Кое-гдѣ они видѣли кусты тамариска и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могли докопаться до воды. Человѣкъ этотъ, какъ и многіе другіе, каждый годъ отправлялся въ пустыню попытать счастья, но пока еще не находилъ ничего. Тутъ называли пустыню „Такла-маканъ“ и полагали, что съ хорошими, сильными верблюдами мы навѣрно пройдемъ ее поперекъ до Хотанъ-дарьи.

Вечеромъ у насъ былъ общій пріемъ. Бекъ Ніазъ и онъ-баши изъ Ангытлыка, Тогда-ходжа, подарили намъ по барану, а индусы щедро снабдили насъ картофелемъ и масломъ, особенно желанными для насъ продуктами. Кромѣ того насъ угостили музыкой, меланхолическими звуками цитры и „калына“ (родъ гусель).

20 марта. Тогда-ходжа, славный почтенный человѣкъ, навѣщалъ меня очень часто и засиживался въ бесѣдѣ со мной цѣлыми часами. Когда я, все не слыша ничего о верблюдахъ, начиналъ терпѣніе, онъ успокаивалъ меня, повторяя самымъ спокойнымъ и убѣжденнымъ тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій: „келхеды, келхеды“ (придутъ, придутъ). Но они все не приходили, а дорогое время уходило. Я съ горечью предчувствовалъ, что мы такимъ образомъ сами накликаемъ бѣду на свои головы, такъ какъ весна все болѣе

*) „Труды Тибетской Экспедиціи“, изд. Русскаго Географическаго Общества, т. I, стр. 77.

и болѣе вступала въ свои права, а въ жаркое время пустыня становится раскаленной печью.

Тогда-ходжа снабжалъ меня тѣмъ временемъ цѣнными свѣдѣніями. Такъ однажды онъ сообщилъ мнѣ, что жители Меркета долоны и, какъ по языку, такъ и по типу, тѣ-же кашгарцы; лишь нѣкоторыя слова у нихъ различны. Но зато Тогда-ходжа находилъ, что жители Меркета очень непохожи на своихъ сосѣдей нравомъ. Они жестоки, холодны и такъ злопамятны, что какая нибудь пустячная ссора вырастаетъ съ годами въ настоящую вражду.

Религіозныя постановленія ислама соблюдаются строго. Такъ одинъ человѣкъ въ послѣдній базарный день, пришедшійся въ серединѣ поста, поѣлъ до захода солнца. Его тотчасъ же арестовали, наказали палками и, затѣмъ, со связанными руками, на веревкѣ провели по всему базару, чтобы всѣ могли смѣяться и глумиться надъ нимъ вдоволь. На каждомъ углу базара ему предлагали вопросы: Ты ѣлъ? — Да! — А ты будешь еще такъ дѣлать? — Никогда! — Иногда такому грѣшнику еще вымазываютъ сажей все лицо, прежде чѣмъ вести его по улицамъ.

21 марта я посѣтилъ базаръ. Онъ очень обширенъ, каждому товару отведено свое мѣсто. Разъ въ недѣлю, въ базарный день, прилавки и лотки съ товарами выносятъ изъ домовъ и разставляютъ на площадяхъ передъ ними. На площадкахъ сидятъ также массы женщинъ и шьютъ. Женщины ходятъ здѣсь безъ покрывалъ, обыкновенно съ непокрытыми головами, и носятъ свои длинные густые черные волосы заплетенными въ двѣ косы; иногда надѣваютъ также маленькія круглыя шапочки. Особенно любимое занятіе ихъ — искать другъ у друга въ головѣ, и часто видишь, какъ то одна, то другая уткнется головой въ колѣни товарки.

Около самого города тянется съ SSW на NNO барханъ, высотой отъ 8 до 10 метр., такой правильной формы, точно искусственная насыпь. Съ вершины его, гдѣ возвышается мазаръ Чимъ-дере, открывается великолѣпный видъ на весь городъ, на его покрытые плоскими кровлями дома, обнесенные небольшими четырехугольными дворами.

22 марта, наконецъ, вернулся изъ Кашгара Магометъ-Якубъ съ объемистой почтой, но безъ верблюдовъ. Итакъ,

мы не подвинулись ни на шагъ съ начала мѣсяца. Тутъ ужъ вступился въ дѣло мой славный Исламъ-бай. На слѣдующій-же день онъ отправился въ Яркендъ, рѣшивъ, что не вернется безъ верблюдовъ. Счастье еще, что метеорологическія и астрономическія наблюденія, привезенная почта и старый Тогдаходжа помогали мнѣ коротать время.

Миссіонеръ Иоганнъ, напротивъ, доставлялъ мнѣ мало радости. Онъ принадлежалъ къ числу современныхъ болѣзненно религіозныхъ людей, которые не допускаютъ, чтобы истинное христіанство могло уживаться съ жизнерадостностью и хорошимъ настроеніемъ духа. Вѣроятно, причиной такихъ взглядовъ являлось отчасти то обстоятельство, что онъ былъ обращенный въ христіанство магометанинъ; такіе прозелиты часто становятся куда нетерпимѣе своихъ учителей. Вообще-же онъ былъ малый услужливый, но, повидимому, очень скучалъ.

Нѣсколько дней спустя, у меня сдѣлалась мучительная опухоль въ горлѣ — „горкакъ“, обычная здѣсь болѣзнь. Полосканье, по совѣту бека, теплымъ молокомъ не помогало, и бекъ предложилъ мнѣ прибѣгнуть къ содѣйствию заклинателей — „пери-бакши“. Я сказалъ, что не вѣрю въ такіе фокусы-покусы, но что во всякомъ случаѣ готовъ принять „пери-бакши“.

Въ сумеркахъ, когда комната моя освѣщалась только свѣтомъ углей на шесткѣ, ко мнѣ вошли трое высокихъ бородастыхъ мужчинъ въ длинныхъ бѣлыхъ покрывалахъ. У каждого было по барабану („дуффъ“), обтянутому крѣпкой телячьей кожей. Они выбивали на барабанахъ дробь пальцами, ударяли по нимъ ладонью плашмя и колотили кулаками, производя въ общемъ такой шумъ, что, я думаю, за версту было слышно.

Они обрабатывали свои барабаны съ необычайной быстротой, притомъ удивительно дружно. Такъ, послѣ нѣкотораго перебирания пальцами, они все разомъ хлопали ладонью, а затѣмъ нѣсколько разъ равномерно ударяли кулаками, опять перебирали пальцами и т. д. безъ малѣйшаго перерыва, не сбиваясь съ лада. При этомъ они то сидѣли, то вдругъ, воодушевленная своей своеобразной музыкой, вскакивали и пускались въ плясъ, то подбрасывали барабаны кверху и съ трескомъ ловили ихъ. Каждый такой пріемъ продолжался пять минутъ, и слѣдовали они въ извѣстномъ порядкѣ, что и обусловливало стройность исполненія. Для того-же, чтобы обратить въ бѣг-

ство злого духа, надо проиграть весь мотивъ девять разъ, и, разъ заклинаніе началось, невозможно остановить заклинатель-лей прежде, чѣмъ они доведутъ его до конца.

Услугами заклинателей пользуются, главнымъ образомъ, больныя женщины и родильницы, такъ какъ женщины куда суевѣрнѣе мужчинъ. Заклинатель, входя въ помѣщеніе, гдѣ находится больная, внимательно вглядывается въ пламя свѣ-тильника, по которому, какъ онъ говоритъ, онъ узнаетъ, одер-жима-ли женщина злымъ духомъ. Затѣмъ онъ начинаетъ об-рабатывать свой барабанъ въ присутствіи родныхъ и друзей больной, толпящихся въ помѣщеніи и за дверями.

Церемонія этимъ не кончается. Послѣ того, какъ отбить послѣдній тактъ, заклинатель остается наединѣ съ больной и накрѣпко вгоняетъ въ земляной полъ палку, верхушка ко-торой обмотана привязанной къ потолку крѣпкой веревкой. Больная изо всѣхъ силъ тянетъ за веревку, а заклинатель продолжаетъ барабанить. Наконецъ, ей удается оборвать ве-ревку, и, значитъ, злой духъ выгнанъ.

Такую-же силу приписываютъ соколамъ, почему и назы-ваютъ ихъ „кушъ-бакши“ (соколъ-заклинатель). „Пери“, или злые духи, боятся его. Рассказываютъ, что женщина во время родовъ видитъ, какъ вокругъ нея вьются злые духи, причина-ющіе ей мученія; другой-же никто не можетъ видѣть ихъ кромѣ сокола; его поэтому впускаютъ въ комнату, и онъ сразу изгоняетъ ихъ. Дѣло, вѣроятно, по-просту въ томъ, что какъ соколъ, такъ и барабаны и веревка съ палкой, отвле-каютъ вниманіе больной отъ ея страданій, и она до нѣкоторой степени забываетъ о нихъ.

26 марта. Бекъ Ніазъ держитъ на дворѣ судъ и рас-праву, и иногда довольно громко. Самъ онъ сидитъ около столба, подпирающаго крышу галлерей, и ведетъ допросъ съ ужасно строгимъ видомъ. Рядомъ, на площадкѣ, сидитъ его „мирза“ и записываетъ показанія, вокругъ стоятъ слуги и исполнители правосудія съ длинными прутьями, а передъ бекомъ сами преступники.

Сегодня разбиралось нѣсколько своеобразныхъ дѣлъ. У одного человѣка было пять женъ. Самая младшая, молодая, красивая, крѣпко сложенная женщина взяла, да бѣжала отъ мужа въ Кашгаръ съ другимъ. Бекъ увѣдомилъ кашгарскія

власти, женщину задержали и отправили обратно въ Меркетъ. Послѣ того, какъ женщина призналась въ нарушеніи супружеской вѣрности, бекъ далъ ей двѣ пощечины, и женщина принялась вопить. Въ оправданіе свое она могла сказать одно, что ей не въ мочь было уживаться съ четырьмя другими женами. У нея былъ при себѣ ножъ, и бекъ спросилъ для чего она его носитъ; на это женщина отвѣтила, что рѣшила умертвить себя, если ее принудятъ вернуться къ мужу. Въ наказаніе ее отправили на нѣкоторое время къ муллѣ для исправленія, а потомъ пусть съ миромъ вернется домой.

Затѣмъ, была приведена молодая женщина съ окровавленнымъ, исцарапаннымъ лицомъ; ее сопровождалъ мужъ. И эта бѣжала отъ мужа, но онъ самъ поймалъ ее и жестоко расправился съ нею. Многіе свидѣтели утверждали, что у него при этомъ была въ рукахъ бритва, но онъ отрицалъ это. Чтобы заставить его признаться, бекъ приказалъ связать ему руки за спиною и подвѣсить за руки къ вѣткѣ дерева. Виновиный не замедлилъ сознаться. Тогда его сняли и угостили 40 ударами по мягкимъ частямъ. Но такъ какъ онъ утверждалъ, что и жена била его по спинѣ, то его раздѣли и, не найдя знаковъ, прибавили еще порцію.

Вообще правосудіе въ этомъ глухомъ углу вещь очень растяжимая. Если обвиняемый можетъ хорошо заплатить, то онъ избѣгаетъ наказанія, а бекъ во всякомъ случаѣ получаетъ нѣсколько денегъ за труды. Если жалобщикъ не доволенъ судомъ, онъ можетъ прибѣгнуть къ высшей инстанціи — ближайшему китайскому мандарину, которому бекъ и долженъ дать отчетъ. Китайцы вообще поступаютъ умно, предоставляя туземцамъ самоуправленіе по мѣстнымъ законамъ и обычаямъ, установившимся еще въ правленіе Якубъ-бека.

Нарушенія супружеской вѣрности, однако, не рѣдки, и не особенно строго наказываются. Обыкновенно женщинѣ вымазываютъ сажей все лицо, сажаютъ на ослицу, лицомъ къ хвосту, связываютъ ей на спинѣ руки и провозятъ по всѣмъ улицамъ и базарамъ. Одноженство вообще правило; многоженство — рѣдкое исключеніе. Женщина, вступившая въ бракъ съ китайцемъ или европейцемъ, считается оскверненной, и по смерти ее не хоронятъ на общемъ кладбищѣ: трупъ жившей съ тѣмъ, кто „ѣлъ свинину“, можетъ осквернить другія могилы.

„Калымъ“ здѣсь такъ-же узаконенъ обычаемъ, какъ и у киргизовъ. Размѣры его зависятъ отъ средствъ и положенія жениха; уплачиваютъ его родителямъ невѣсты. Богатый женихъ платитъ 2 ямбы (около 180 рублей). Бѣдный женихъ отдѣлывается угощеніемъ и платьями невѣстѣ. Размѣръ калыма опредѣляютъ родители невѣсты по своему усмотрѣнію; красота и другія физическія достоинства невѣсты играютъ меньшую роль, нежели у киргизовъ. Если молодые люди полюбили другъ друга и хотятъ жениться, а родители не даютъ согласія, то парочка часто перебирается въ другое селеніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они, однако, въ большинствѣ случаевъ возвращаются къ родителямъ и приглашаютъ ихъ къ себѣ въ гости, послѣ чего все улаживается къ общему удовольствію.

Въ другой разъ беку пришлось судить двухъ людей, игравшихъ на деньги. У одного изъ нихъ была глубокая рана около уха, и лицо все въ крови. Оказалось, что онъ проигралъ другому семь тенегъ и обѣщалъ добыть деньги на базарѣ, но выигравшій требовалъ ихъ немедленно. Тогда проигравшій выхватилъ ножъ и ударилъ себя въ ухо, крича: „Вотъ тебѣ вмѣсто денегъ!“ Бекъ присудилъ выигравшаго къ хорошей публичной поркѣ; другого-же порка ожидала послѣ того, какъ заживетъ рана. Выигрышь, разумѣется, пошелъ въ пользу бека.

XXI.

Въ пустыню.

8 апрѣля, наконецъ, вернулись Исламъ и Якубъ. Большихъ хлопотъ и торговъ стоило имъ купить въ Каргалыкѣ восемь отличныхъ, тщательно выбранныхъ верблюдовъ по 120 кронъ (около 60 рублей) за голову. Мѣстные жители узнали о томъ, что верблюды намъ необходимы, и подняли цѣны вдвое, втрое, что очень и затруднило покупку.

Кромѣ того требовались именно верблюды, привычные ходить по пустынѣ, по песку, по жарѣ, безъ воды и корма.

Поэтому люди мои не столько обращали вниманіе на наружный видъ и общія достоинства верблюдовъ, сколько именно на указанные спеціальныя качества. Утромъ я далъ верблюдамъ имена и измѣрилъ ихъ, опоясавъ туловище между горбами, чтобы знать потомъ, какъ отзовется на нихъ странствованіе по пустынѣ. Вотъ перечень ихъ:

	Возрастъ.	Объемъ туловища.
Акъ-тюя (бѣлый верблюдъ)	8 лѣтъ	2.37
Богра (верблюдъ двугорбый)	4 „	2.35
Нэръ (самецъ)	2 „	2.25
Баба (старикъ)	15 „	2.28
Чонъ-кара (большой черный)	3 „	2.23
Кичикъ-кара (маленькій черный)	2 „	2.22
Чонъ-сарыкъ (большой желтый)	2 „	2.30
Кичикъ-сарыкъ (маленькій желтый)	1½ „	2.14

Мало подозрѣвали мы тогда, что лишь одинъ верблюдъ Чонъ-кара переживетъ это путешествіе. Правда, и Акъ-тюя прошелъ черезъ пустыню, но околѣлъ отъ изнуренія. Это былъ славный бѣлый верблюдъ, выступавшій во главѣ каравана, по-званивая колокольчикомъ, съ большимъ тяжелымъ желѣзнымъ языкомъ. Богра, мой верховой верблюдъ, былъ удивительно статенъ, выносливъ и кротокъ. Нэръ былъ забіяка, порывавшійся укусить или лягнуть каждаго, кто подходилъ къ нему. Баба, самый старыи изъ верблюдовъ, сѣрой масти, палъ первымъ. Остальные три верблюда были молодыя рѣзвыя животныя, которыя долго отдыхали и теперь, видимо, охотно пользовались случаемъ поразмяться.

Всѣ верблюды находились какъ разъ въ періодѣ линія; густая теплая шуба сваливалась съ нихъ большими клоками, что очень безобразило ихъ. Всѣ были осѣдланы большими, мягкими вьючными сѣдлами, набитыми сѣномъ и соломой. Исламъ-бай купилъ также цѣлую связку аркановъ (веревки изъ верблюжьей шерсти) для перевязыванья вьюковъ и три большихъ караванныхъ колокольчика.

Верблюды стояли на привязи во дворѣ бека и отѣдались — въ послѣдній разъ въ жизни — сочнымъ сѣномъ. Пріятно было смотрѣть на своихъ собственныхъ чудесныхъ верблюдовъ, жевавшихъ душистое сѣно, и видѣть въ ихъ большихъ

черныхъ глазахъ выраженіе полнѣйшаго благополучія. Собаки наши, Джолдашъ и Хамра, были, однако, другого мнѣнія. Онѣ, въ особенности Джолдашъ, терпѣть не могли верблюдовъ. Послѣдній лаялъ на нихъ до хрипоты, кидался на нихъ и былъ, повидимому, очень доволенъ самимъ собой, если ему удавалось выхватить у нихъ клочъ шерсти.

Въ Яркендѣ Исламъ-бай нанялъ двухъ надежныхъ людей. Одинъ былъ Магометъ-шахъ, 55 лѣтній старикъ, съ сѣдой бородой, опытный вожакъ верблюдовъ; его одного только неукротимый Нэръ и подпускалъ къ себѣ, не кусая. У него были въ Яркендѣ жена и дѣти; пустыни онъ не боялся ничуть, и вообще былъ отличный, надежный человѣкъ. Я, какъ сейчасъ, вижу его передъ собою. Чисто философское спокойствіе не оставляло его никогда; онъ продолжалъ сохранять свое хорошее расположеніе духа и какую-то добродушную усмѣшку вокругъ рта и тогда, когда надъ нашимъ умирающимъ караваномъ спустились грозовыя тучи несчастья. Даже, когда онъ лежалъ въ предсмертномъ бреду, глаза его свѣтились тѣмъ-же неземнымъ спокойствіемъ, а отъ высохшаго коричневаго лица вѣяло миромъ.

Другой — Касимъ-ахунъ, 48 лѣтъ, неженатый, уроженецъ Акъ-су, проживавшій въ Яркендѣ, караванъ-баши по ремеслу. На немъ лежала обязанность помогать въ уходѣ за верблюдами. Роста онъ былъ средняго, крѣпкаго сложенія, съ черной бородой, серьезный, никогда не смѣялся, въ обращеніи былъ ласковъ и задушевенъ, но нерѣдко нуждался въ напоминаніи о своихъ обязанностяхъ.

Намъ, однако, нуженъ былъ еще одинъ человѣкъ, и бекъ Ніазъ нашелъ намъ Касима-ахуна изъ Янги-гиссара. Онъ былъ однихъ лѣтъ съ Магометъ-шахомъ и шесть лѣтъ подъ рядъ хаживалъ весною дней на 10 — 14 въ пустыню искать золота. Всякій разъ онъ бралъ съ собою хлѣба на вьючномъ ослѣ и не заходилъ въ пустыню дальше такихъ мѣстъ, гдѣ еще можно было дорыться до грунтовой воды. Звали мы его то Джолчи, то Кумчи (пустынножитель) въ отличіе отъ другого Касима. Въ Меркетѣ, куда онъ переселился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у него были жена и взрослые дѣти.

Ему отчасти были мы обязаны тѣмъ, что съ нами случилось. Онъ былъ грубъ, горячъ, и остальные товарищи, кото-

рыми онъ пытался командовать, скоро не взлюбили его. Въ силу своего знанія пустыни онъ принялъ властный тонъ и особенно не жаловалъ Исламъ-бая за то, что тотъ считался „караванъ баши“, или предводителемъ каравана, а другіе должны были подчиняться ему. Многіе изъ жителей Меркета предостерегали насъ насчетъ этого человѣка, говоря, что онъ нѣсколько разъ былъ наказанъ за воровство. Но было уже поздно; мы кромѣ того, нуждались въ немъ, такъ какъ онъ одинъ во всемъ селеніи зналъ пустыню по опыту.

Кромѣ верблюдовъ и собакъ, мы брали съ собой трехъ

Верблюды въ зимней шубѣ и съ вьючнымъ сѣдломъ.

(Съ рисунка автора).

овецъ, десять куръ и пѣтуха, который будилъ насъ по утрамъ. Въ первые дни мы всегда находили по одному, по два яйца въ куриной клѣткѣ, возвышавшейся на одномъ изъ вьючныхъ верблюдовъ, но когда у насъ оказался недостатокъ въ водѣ, куры перестали нестись. Пѣтухъ былъ большой живчикъ и весельчакъ; ему не нравилась ѣзда на верблюдѣ, и онъ во время пути всегда ухитрялся высвободиться изъ клѣтки. Постоявъ съ минуту, раскачиваясь на верхушкѣ, онъ съ громкимъ крикомъ слеталъ на землю. На бивуакахъ куръ всегда выпускали погулять, и онѣ очень оживляли нашъ лагерь въ пустынѣ,

разыскивая въ песокъ брошенные имъ зерна.

9 апрѣля были сдѣланы послѣднія приготовленія. Пара мѣшковъ съ заказаннымъ заранѣе хлѣбомъ были увязаны, четыре желѣзныхъ резервуара наполнены свѣжей, рѣчной водой. Въ нихъ входило: 80, 86, 87 и 122 литра, да въ бурдюки 80 литровъ, итого 455 литровъ, которыхъ должно было хватить на 25 дней пути. Эти продолговатые четырехугольные резервуары, употребляющіеся для перевозки меда изъ Индіи въ Яркендъ, помѣщаются въ крѣпкихъ деревянныхъ рѣшетчатыхъ ящикахъ, чтобы предохранить тонкое

листовое желѣзо отъ пробоинъ. Въ ящики люди насовали травы и тростника, чтобы вода не такъ скоро согрѣвалась на солнцѣ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о самомъ планѣ путешествія. Пржевальскій, Кэри и Дальглейшъ были первыми европейцами, видѣвшими (1885 г.) кражъ Мазаръ-тагъ на лѣвомъ берегу Хотанъ-дарьи. Первый пишетъ объ этомъ такъ: „Черезъ три небольшихъ перехода (отъ Тавекъ-кэля) внизъ по Хотанъ-дарьѣ мы достигли того мѣста, гдѣ въ восточный берегъ описываемой рѣки упирается обрывистымъ мысомъ невысокій хребетъ, или правильнѣе, горная гряда, извѣстная туземцамъ подъ именемъ Мазаръ-тага. Эта гряда, въ восточной части имѣетъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ —2 верстъ въ ширину, при высотѣ около 500 фут. надъ окрестностями, и состоитъ изъ двухъ параллельныхъ рѣзко по цвѣту между собою различающихся слоевъ: южный—красная глина съ частыми прослойками гипса, сѣверный — бѣлый алебастръ. Въ тѣхъ-

Голова верблюда-самца.
(Съ рисунка автора).

же горахъ, верстахъ въ 25 отъ Хотанъ-дарьи добываютъ, какъ намъ говорили, кремнь, который и вывозится на продажу въ Хотанъ. Описываемая двухцвѣтная гряда уходитъ изъ глазъ въ песчаную пустыню, заворачивая притомъ къ сѣверо-западу и повышаясь немного къ срединѣ, и тянется, по словамъ туземцевъ, до укрѣпленія Маралъ-баши, на рѣкѣ Кашгарской. Растительности въ Мазаръ-тагѣ нѣтъ вовсе; притомъ горы эти снизу засыпаны до половины пескомъ; обнаженная-же ихъ часть, въ особенности красная глина, сильно разрушается“

Сообщенія туземцевъ дали Пржевальскому поводъ на-

нести на свою карту хребетъ горъ, тянущихся наискось поперекъ пустыни. Ошибка эта вполне естественна, такъ какъ Пржевальскій слышалъ, что около Мараль-баши тоже находится кряжъ Мазаръ-тагъ, вслѣдствіе чего и могъ предположить, что этотъ кряжъ является продолженіемъ Хотанъ-дарьинскаго Мазаръ тага. Кэри осторожнѣе; онъ нанесъ на свою карту Мазаръ-тагъ лишь на такомъ протяженіи, на какомъ его видно съ рѣки.

Я и полагалъ, что если мы изъ Меркета направимся къ востоку или къ ОНО, то рано или поздно наткнемся на Мазаръ-тагъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я раздѣлялъ мнѣніе туземцевъ, что мы найдемъ у подошвы кряжа подвѣтренную сторону, гдѣ песокъ не накапливается и гдѣ намъ удастся дѣлать ежедневно большіе концы по твердому и голому грунту, найдемъ источники и растительность, а также, быть можетъ, слѣды древней цивилизаціи.

Путь по прямой линіи черезъ пустыню занимаетъ, согласно имѣющимся картамъ, протяженіе въ 287 килом. или около 290 в. и, если-бы мы могли проходить хотя-бы по 20 верстѣ въ день, на всю экспедицію пошло-бы не болѣе 15 дней. Такимъ образомъ мы брали съ собой воды болѣе, чѣмъ достаточно.

Такіе расчѣты очень подбодряли насъ, и мы смотрѣли на всю экспедицію, какъ на пустячное дѣло. Въ дѣйствительности путешествіе заняло 26 дней; путь оказался вдвое длиннѣе.

10 апрѣля. Еще задолго до восхода солнца на дворѣ начались суетня и движеніе. Люди повытащили весь нашъ багажъ и ящики съ продовольствіемъ, чтобы приготовить равные по вѣсу парные вьюки для верблюдовъ и перевязать веревками. Затѣмъ вьюки были разставлены попарно въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы между ними прошелъ верблюдъ. Послѣднихъ заставляли ложиться между двумя вьюками, и вьюки крѣпко привязывались съ обѣихъ сторонъ къ вьючному сѣдлу. Послѣ того, какъ верблюдъ вставалъ, вьюки, ради осторожности, перехватывали еще веревкой, обвивавшей накрестъ туловище животнаго, и закручивали узелъ, вставляя въ него палку.

Снаряженіе наше было очень сложное; продовольствія

мы брали на нѣсколько мѣсяцевъ, особенно риса и хлѣба, консервовъ, сахару, чаю, зелени, муки и проч. Затѣмъ взяты были зимнія одежды, тулупы, войлока, такъ какъ у меня было намѣреніе отъ Хотанъ-дарьи направиться въ Тибетъ. Кромѣ того я бралъ съ собою все свои приборы, два фотографическихъ аппарата, около тысячи пластинокъ, нѣсколько книгъ, номера шведской газеты за цѣлый годъ, — я каждый вечеръ намѣревался прочитывать по одному номеру — походную кухню, посуду, и металлическую и глиняную, три ружья, шесть револьверовъ, боевые припасы въ двухъ ящикахъ, и много разныхъ мелочей. Такъ какъ мы взяли еще запасъ воды на 25 дней, то верблюды наши были навьючены довольно тяжело.

Во время вьюченья я опредѣлилъ первый базисъ для измѣренія разстоянія: 400 метровъ мой Богра проходилъ въ 5½ минутъ. Опредѣлять базисъ приходилось ежедневно снова, такъ какъ грунтъ то и дѣло мѣнялся, а одинъ и тотъ-же конецъ по болѣе или менѣе глубокому песку бралъ различное время.

10 апрѣля явилось знаменательнымъ днемъ въ лѣтописяхъ Меркета. Весь нашъ дворъ, сосѣднія улицы и заборъ, были усеяны народомъ, желавшимъ присутствовать при нашемъ выступленіи въ путь. „Не вернуться имъ больше!“ „Верблюды слишкомъ тяжело навьючены, имъ не пробраться по глубокому песку!“ — раздавались голоса.

Такія зловѣщія предсказанія, однако, ничуть не пугали меня. Я сгоралъ желаніемъ поскорѣе выступить, и впечатлѣніе отъ дурныхъ пророчествъ изгладилось совершенно, когда индусы въ самую минуту выступленія бросили мнѣ черезъ голову нѣсколько горстей „да-цянъ“ (китайская бронзовая монета), крича: „Счастливыи путь!“.

Верблюды были связаны по четыре вмѣстѣ веревкой, которая была привязана однимъ концомъ къ палочкѣ, продѣтой сквозь носовой хрящъ одного верблюда, а затѣмъ завязана узломъ на хвостѣ шедшаго впереди верблюда такъ, что если животное падало, узелъ развязывался самъ собой. На другомъ концѣ палочки, продѣтой въ носовой хрящъ животного, находится шарикъ, чтобы она не выскочила.

Четыре молодыхъ верблюда открывали шествіе, затѣмъ

ѣхалъ я на Богрѣ, за нами шли Баба, Акъ-тюя и Нэръ. Богру все время велъ Магометъ-шахъ, такъ что мнѣ нечего было заботиться о томъ, какъ идетъ животное, и я могъ сосредоточить все свое вниманіе на компасѣ, часахъ и на наблюденіяхъ за измѣненіями грунта и рельефа.

Исламъ-бай отлично приладилъ вьюкъ на моемъ верховомъ верблюдѣ. Богра несъ оба ящика съ наиболѣе хрупкими приборами и вещами, которыя мнѣ надо было имѣть подъ рукой на каждомъ бивуакѣ. Между горбами и поверхъ обоихъ ящиковъ были настланы кошмы, ковры и подушки, и я сидѣлъ точно въ креслѣ, спустивъ ноги по обѣ стороны передняго горба.

Когда все было готово, я простился съ бекомъ Ніазомъ, щедро вознаградивъ его за гостепріимство, съ миссіонеромъ Іоганномъ и Халпимомъ. Миссіонеръ еще въ Лайлыкѣ поговаривалъ, что боится слѣдовать за мной въ пустыню; тутъ-же, въ виду послѣднихъ приготовленій, мужество окончательно покинуло его, и онъ во второй разъ оставилъ меня, въ самую серьезную минуту. Со всей своей показной благочестивостью, онъ очевидно страдалъ недостаткомъ истинной вѣры, безъ колебаній поручающей себя Богу. Какая разница въ сравненіи съ Исламъ-баемъ, идеаломъ самоотверженія и преданности! Этотъ за все время ни разу не поколебался послѣдовать за мной куда-бы-то ни было, даже, когда я кидался въ опасности, которыхъ благоразуміе совѣтовало-бы избѣгать.

Признаки вступающей въ свои права весны давали себя знать за послѣдніе дни все больше и больше. Температура медленно, но правильно подымалась съ каждымъ днемъ, и минимальная температура держалась куда выше нуля. Днемъ солнце припекало сильно, весенніе вѣтры такъ и шумѣли, поля были засѣяны и затоплены, мухи и другія насѣкомыя жужжали въ воздухѣ. И вотъ, въ это роскошное въ Азіи время года, время надеждъ, мы выступили въ походъ въ область, гдѣ жизнь окована тысячелѣтнимъ сномъ, гдѣ каждый барханъ является могильнымъ курганомъ; въ сравненіи съ царящею тамъ жарою, самая жестокая зима могла-бы казаться намъ улыбающеюся весной.

Спокойно, величественно, съ высокоподнятыми головами выступали наши верблюды длинной вереницей по узкимъ

улицамъ селенія, между густыми толпами народа. Торжественное настроеніе охватило всѣхъ, и толпа молчала, словно на похоронахъ. Вспоминая теперь наше выступленіе, я и не могу сравнить его ни съ чѣмъ инымъ, какъ именно съ погребальнымъ шествіемъ. Я, какъ сейчасъ, слышу мѣрный, глухой, зловѣщій звонъ караванныхъ колокольцевъ — настоящій похоронный звонъ. И въ самомъ дѣлѣ смерть ожидала большинство участниковъ нашего похода, смерть въ далекой пустынѣ, тихая безмолвная могила въ вѣчныхъ пескахъ!

Мѣстность была ровная. Дома селенія разбѣжались между многочисленными тополями, хлѣбными полями, рощами, садами и арыками. Шли мы спокойно съ полчаса, какъ вдругъ случилось происшествіе. Два самыхъ молодыхъ верблюда точно взбѣсались, разорвали веревки, сбросили съ себя вьюки и бѣшено понеслись по полю, подымая пыль столбомъ. На одномъ изъ верблюдовъ были навьючены два резервуара съ водой, и одинъ далъ течь, но у самой крышки, такъ что бѣду легко было поправить. Бѣглецовъ скоро изловили и навьючили снова. Ихъ повели затѣмъ отдѣльно, — въ услужливыхъ рукахъ недостатка не было, такъ какъ до окраины селенія насъ сопровождало до сотни всадниковъ.

Немного погодя, вырвалось два другихъ верблюда; часть вещей разсыпалась, ящикъ съ порохомъ съѣхалъ на бокъ. Магометъ-шахъ сказалъ мнѣ, что верблюды послѣ долгаго отдыха всегда немного бѣсятся, а послѣ нѣсколькихъ дней форсированнаго марша опять присмирѣютъ, какъ ягнята. Ради осторожности мы и рѣшили, что пока каждаго верблюда поведетъ одинъ изъ людей.

Какъ и всегда, въ первый день пути случилось немало разныхъ непредвидѣнныхъ задержекъ. То оказывалось, что лѣвая половина вьюка перевѣшиваетъ правую, и приходилось ее облегчить, то замѣчали, что какой нибудь мѣшокъ съ рисомъ грозитъ выскользнуть изъ-подъ веревки, и надо было перевязать вьюкъ, и т. д. Но на другой день, когда, пользуясь опытомъ предыдущаго дня, уравнили всѣ вьюки, навьючили наиболѣе дорогіе предметы и, главное, резервуары съ водой на самыхъ смирныхъ изъ верблюдовъ, все пошло, какъ по маслу.

Мнѣ, возсѣдавшему на значительной высотѣ надъ уров-

немъ почвы, открывался чудесный видъ во всѣ стороны. Сначала отъ ѣзды на верблюдѣ кружится голова, но затѣмъ скоро свыкаешься съ этимъ равномернымъ покачиваньемъ и колыханьемъ. На меня они не дѣйствовали, но человѣку, подверженному морской болѣзни, они, навѣрное, показались-бы очень неприятными.

Оставивъ за собою послѣдніе дома и поля, мы вступили въ ровную степь (дэштъ), покрытую густымъ косматымъ кустарникомъ, и кое-гдѣ тополевыми зарослями. Вѣтеръ дулъ порывами съ WNW и гналъ на востокъ высокіе, косые сѣрожелтые смерчи. Почва состояла сначала изъ тонкой, подвижной пыли, частью съ отложеніями соли, затѣмъ пошелъ одинъ песокъ, образовывавшій маленькіе низкіе барханы. Это была, какъ оказалось, лишь полоса песку, такъ какъ дальше опять пошла растительность — камышъ и тополя. Тутъ мы и сдѣлали привалъ на краю оврага.

Въ полчаса верблюды были развьючены и связаны въ кругъ, чтобы не дать имъ лечь, — иначе они становятся тяжелыми на подъемъ. Часа черезъ два ихъ пустили бродить на свободѣ въ густой заросли камыша. Бивуакъ нашъ вообще вышелъ очень живописнымъ.

Я обновилъ свою палатку, разбитую подъ тополемъ; это была красивая индійская офицерская палатка, которую подарилъ мнѣ мистеръ Мэкэртней. Въ этой палаткѣ умеръ молодой лейтенантъ Дэвисонъ на пути съ Памира въ Кашгаръ. Съ тѣхъ поръ она успѣла провѣтриться, да къ тому-же я не суевѣренъ. Земляной полъ въ палаткѣ былъ устланъ перстрымъ ковромъ. По стѣнамъ были разставлены мои сундуки, ящики съ приборами, фотографическіе аппараты и моя постель. Остальной багажъ, мѣшки и резервуары съ водой были размѣщены на волѣ.

Люди развели огонь, вокругъ котораго и успѣлись варить обѣдъ: рисовый пуддингъ и яйца; рису и яицъ было у насъ запасено вдоволь. Овецъ пустили пастись, а куры чувствовали себя, повидимому, совсѣмъ какъ дома, роясь въ отбросахъ у костра. Собаки получили по куску мяса и принялись гоняться другъ за другомъ. Словомъ, картина была самая оживленная.

Сейчасъ, по прибытіи было приступлено къ изслѣдова-

нію оврага, тянувшагося съ сѣвера на югъ и образованнаго, вѣроятно, какимъ нибудь рукавомъ Тызнапа въ половодье. Ширина оврага равнялась 6 м., а глубина $1\frac{1}{2}$ м. Дно его было сухо; но когда стали рыть колодезь, земля скоро сдѣлась влажной, и на глубинѣ 108 сантим. уже показалась вода, имѣвшая температуру 9.9° (температура воздуха въ это время, т. е. въ 2 ч. пополудни, равнялась 24.8°). На вкусъ вода была солоновато-горькая, но собаки и овцы пили ее съ жадностью. Верблюдамъ-же дали напиться только на слѣдующее утро, незадолго до выступленія. Этой-же водой воспользовались для варки яицъ, для стирки и мытья посуды; запасъ прѣсной воды съ самаго начала приходилось беречь, да беречь. Магометъ Якубъ, провожавшій насъ до этого перваго лагеря, сдѣлалъ намъ сюрпризъ — преподнесъ пару мѣдныхъ кувшиновъ съ рѣчной водой, такъ что всѣ люди могли напиться до сыта, не дотрагиваясь до нашего запаса.

День былъ теплый, но тотчасъ по заходѣ солнца стало свѣжо, и пришлось накинуть верхнюю одежду. Вечеръ былъ до того тихъ, что пламя свѣчи, несмотря на откинутую полу палатки, не шевелилось. Искатель золота громко и странно повѣствовалъ о своихъ походахъ. Онъ совѣтовалъ намъ сначала держаться вблизи Яркендъ-дарьи; тогда мы придемъ къ горѣ Чакмакъ и большому озеру, соединяющемуся съ текущею къ сѣверу рѣкою. До этой рѣки идти 18 дней, а тамъ ужъ останется всего день пути до Мазаръ-тага, высочайшей горы въ области. Оттуда-же на востокъ было недалеко и до Хотанъ-дарьи.

Къ сѣверу отъ горы Чакмакъ есть тропинка, по которой всегда ходятъ золотоискатели; ведетъ она къ „агачъ-нишану“ (путевой знакъ); дальше пустыня называется Кыркъ-кышлакъ (сорокъ селеній), и тамъ много развалинъ древнихъ селеній.

11 апрѣля. Подкрѣпившись продолжительнымъ, спокойнымъ сномъ, я проснулся на разсвѣтѣ. Погода оказалась неблагопріятной. Нордъ-остъ такъ и вылъ, воздухъ былъ насыщенъ пылью; изъ пыльнаго тумана выступали только ближайшіе предметы; остальное все тонуло въ сѣрой мглѣ.

Развьючиванье верблюдовъ и разбивка лагеря шли быстро, зато сборы въ походъ, включая и приготовленіе зав-

трака, требовали добрыхъ два часа времени. Верблюды артачились во время выюченія, но потомъ шли все время хорошо. Растительность снова исчезла, и мы запутались въ лабиринтъ бархановъ, высотой въ 5—6 м., неправильной формы; главное направленіе ихъ, однако, было NS.

Мы пытались по возможности обходить ихъ, но пришлось и перебираться черезъ нѣкоторыя вершины; взбираясь на одинъ изъ гребней, оба верблюда, несшіе резервуары съ водой, упали, но, къ счастью, удачно, на колѣни переднихъ ногъ. Пришлось всетаки развьючить ихъ и потомъ навьючить снова. Спускаются же они съ такихъ гребней, скользя и тормозя задними ногами.

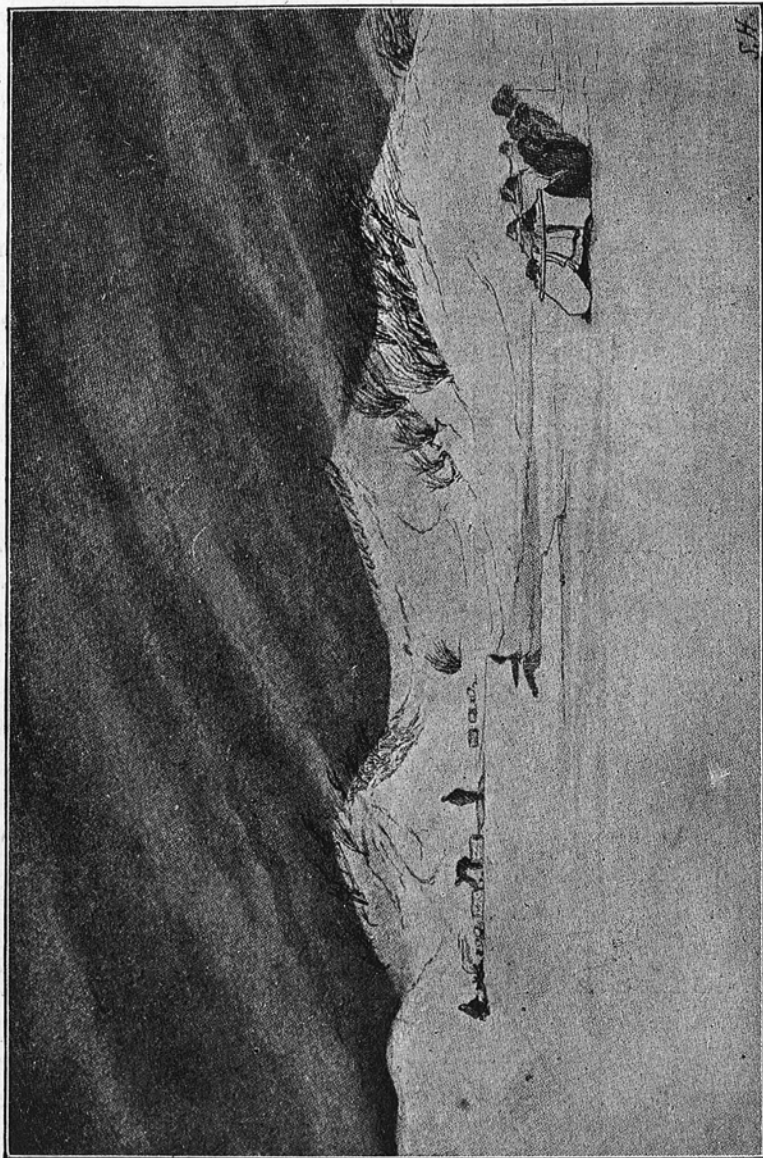
Около полудня мы заблудились между такими высокими барханами, что пришлось сдѣлать большой крюкъ къ сѣверу, чтобы изъ нихъ выбраться. Джолчи объяснилъ, что если-бы мы, пошли къ востоку, мы все равно принуждены были-бы вернуться назадъ, такъ какъ въ ту сторону тянется нескончаемый „чонъ-кумъ“ (большой, глубокой песокъ). Дневной переходъ и образовалъ извилистую дугообразную линію вдоль края „чонъ-кума“. Барханы опять понизились до 3 метр. высоты, и временами мы шли по довольно ровному, мягкому, пыльному грунту. Нерѣдко намъ встрѣчались на пути барханы, имѣвшіе форму полумѣсяца, и намъ приходилось обходить ихъ. Кое-гдѣ попадались одинокіе тополя и чахлый камышъ, который верблюды пощипывали на ходу.

Сѣверо-восточный вѣтеръ продолжался весь день, небо хмурилось, и въ воздухѣ чувствовалась сырость. Въ сумерки мы сдѣлали привалъ, пройдя за день 21.3 килом. Лагерь разбили на этотъ разъ на ровномъ, твердомъ барханѣ, на сухомъ чистомъ грунтѣ. По близости нашлись нѣсколько засохшихъ тополей, которые пошли на топливо, и чахлый камышъ, пригодившійся для верблюдовъ. Они вспотѣли отъ продолжительной ходьбы, и ихъ съ часъ водили взадъ и впередъ, чтобы они остыли понемногу и не простудились.

Колодезь вырыли на ровной площадкѣ, между барханами, гдѣ поверхность почвы была слегка влажная. Вода оказалась на глубинѣ 62 сантим.; температура ея равнялась $+9.5^{\circ}$; на вкусъ она была солоновата, какъ и вчерашняя.

12 апрѣля мы сдѣлали 23.7 килом. вдоль края „боль-

шого песка“, отпрыски котораго направлялись къ сѣверу. Временами песокъ перемежался узкими степными участками съ рѣдко разбросанными твердыми, какъ стекло, высохшими

Изъ-за бархановъ подымается песчаный буранъ.
(Съ рисунка автора).

травяными кочками, которыя съ какимъ-то звономъ разлетались въ дребезги, когда до нихъ дотрагивались.

Твердый, ровный, песчаный грунтъ удобнѣе всего для

ходьбы; но иногда такой грунтъ покрытъ слоемъ пыли, въ которой рѣзко отпечатываются слѣды верблюдовъ. Слой этотъ мягокъ, какъ хлопокъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ глубокъ, что верблюды тонуть въ немъ по колѣни. Случалось также, что ровный песчаный грунтъ былъ покрытъ тонкой коркой соли, хрустѣвшей подъ ногами.

Медленно, важно, шествовали верблюды, вытягивая свои длинныя шеи, чтобы достать на ходу травяныя кочки; они точно предчувствовали, что имъ предстоитъ постъ. Когда былъ разбитъ третій по счету лагерь, двое изъ людей, по обыкновенію, немедленно принялись рыть колодезь. Вырыта была яма, глубиною въ 178 сантим., а воды все еще не было, и больше рыть они не могли. Часа черезъ два вода, однако, показалась сама собою, и на днѣ ямы образовалась небольшая лужица. Собаки и куры слѣдили за рытьемъ колодца съ особеннымъ вниманіемъ; имъ всегда очень хотѣлось пить, и они знали, въ чемъ тутъ дѣло.

Пока, слѣдовательно, все шло хорошо, и мы могли бечью своей запасъ воды. Запасъ корму для верблюдовъ тоже оставался нетронутымъ; верблюды обходились камышомъ и солоноватой водой изъ колодцевъ. Собакъ кормили хлѣбомъ, куръ зерномъ и яичной скорлупой. Въ первый день снесли яйца три курицы, во второй двѣ, въ третій одна. Потомъ яйца стали появляться все рѣже и рѣже, но у насъ былъ взятъ съ собою большой запасъ яицъ въ плетушкѣ съ рубленой соломой.

Во время дневного перехода мы пересѣкли тропу, проложенную оленями и антилопами по направленію SO. Джолчи сообщилъ, что въ томъ направленіи лежитъ большое озеро Япиль-куль (зеленое озеро), котораго, однако, ни онъ самъ, ни товарищи его не видали, зная о немъ лишь по рассказамъ; поэтому къ самому указанію слѣдовало относиться съ осторожностью. Говорили, что озеро образовалось изъ ключей, такъ какъ въ него не впадаетъ никакого притока. Замѣчательно, что на старинныхъ картахъ дѣйствительно было показано озеро этого названія, но мѣстоположеніе его помѣчено не вѣрно. Озеро, должно было, по рассказамъ, приходиться къ SSW отъ нашего лагеря № 3.

13 апрѣля. Къ утру воды въ колодцѣ собралось столько,

что глубина ея равнялась 18 сант. Прошли сегодня 20.6 килом. Шли большею частью по непрерывнымъ барханамъ, имѣвшимъ форму полумѣсяцевъ и обращеннымъ выпуклостью къ востоку, а рогами и крутымъ склономъ къ западу или юго-западу, что указывало на преобладаніе здѣсь въ это время года восточныхъ и сѣверовосточныхъ вѣтровъ.

Тополей сегодня попадалось много. На нѣкоторыхъ начинали развертываться молодые почки, и свѣжая зелень такъ и дразнила нашихъ верблюдовъ. Въ большинствѣ случаевъ тополя, какъ-бы преграждали дорогу барханамъ, которые и обходили ихъ, окружая ихъ валомъ, словно кольцомъ. Деревья такимъ образомъ оказывались въ котловинкѣ, гдѣ и скоплялись, въ защитѣ отъ вѣтра, сухія вѣтви и пожелтѣвшая, опадающая листва.

День былъ теплый. Собаки тщетно искали воды, суясь носомъ въ каждую ямку или ложбинку, похожія на тѣ, въ которыхъ люди обыкновенно рыли колодцы. За неимѣніемъ лучшей защиты отъ солнечныхъ лучей, онѣ искали тѣни подъ каждымъ тополемъ, мимо котораго мы проходили, сгребали лапами верхній слой горячаго песку и растягивались на нижнемъ, еще сохранявшемъ прохладу съ ночи.

Исламъ-бай ѳхаль на первомъ верблюдѣ, котораго велъ Джолчи, нашъ лощманъ въ этомъ песчаномъ морѣ. Но такъ какъ Исламу-баю съ верблюда было виднѣе, то онъ часто и подавалъ первому совѣты и предлагалъ другое направленіе. Это сердило необузданнаго „сына пустыни“, и онъ нѣсколько разъ въ гнѣвѣ швырялъ поводъ, бросался ничкомъ на песокъ и говорилъ, что пусть въ такомъ случаѣ Исламъ и ведетъ караванъ.

На ночевкѣ между ними разыгралась серьезная ссора. Джолчи пришелъ ко мнѣ въ палатку и сказалъ, что хочетъ вернуться, такъ какъ Исламъ все „учить“ его, и кромѣ того скупится на хлѣбъ и на воду. Онъ, однако, опѣшилъ, когда я спокойно выразилъ свое согласіе, поставивъ лишь одно условіе — возвращеніе мѣсячнаго жалованья въ 100 тенегъ, полученнаго имъ впередъ. Золотоискатель принялся смиренно просить прощенія, и оно было ему дано на условіи во всемъ слушаться Ислама.

Я боялся, что такія ссоры чѣмъ дальше, тѣмъ будутъ

чаще, такъ какъ однообразіе и уединеніе портятъ настроеніе. Но все съ тѣхъ поръ обходилось мирно. Джолчи молчалъ, затаивъ злобу на Ислама, и злоба эта все росла втихомолку. Онъ шелъ всегда отдѣльно, не разговаривалъ съ другими людьми и даже спалъ одинъ въ отдаленіи отъ нихъ. Къ bivачному костру онъ подкрадывался тогда лишь, когда другіе ложились отдыхать. Остальные люди подозрѣвали его въ томъ, что онъ нарочно велъ насъ по ложному пути. Въ такомъ случаѣ онъ и самъ попалъ въ яму, которую рылъ другимъ, такъ какъ и онъ погибъ отъ жажды въ пустынѣ.

Вода показалась на глубинѣ 1.15 м.; температура ея равнялась $+10.4^{\circ}$. Собакамъ такъ страшно хотѣлось пить, что онѣ пытались было спуститься въ самый колодезь, и пришлось ихъ привязать.

Въ первый день Пасхи 14 апрѣля мы прошли только 18.5 кил. Въ одномъ мѣстѣ подвѣтренная сторона бархановъ была сѣро-стального цвѣта; оказалось, что песокъ здѣсь былъ покрытъ тонкимъ налетомъ слюды. Кромѣ того, мы убѣдились, что тополя могутъ расти только въ защитѣ бархановъ. Гдѣ исчезали эти послѣдніе, пропадали и тополя.

Затѣмъ мы достигли настоящей безплодной пустыни, съ плоскимъ, твердымъ, бурымъ грунтомъ и низкими барханами, торчащими, какъ чурбаны. Они казались желтыми на буромъ фонѣ грунта, часто усѣяннаго гальками.

Во время пути мы въ первый разъ наткнулись на слѣды дикаго верблюда. По крайней мѣрѣ, такъ утверждалъ Джолчи, но я не вполне былъ увѣренъ въ этомъ. Дальше такіе слѣды попадались часто. Впрочемъ, мало вѣроятія было, чтобы заблудились въ пустынѣ домашнія животныя. Видѣли мы также лошадиные слѣды и пометъ, и Джолчи увѣрялъ, что въ этой части пустыни водятся дикія лошади. Мы остановились на вершинѣ одного бархана, чтобы разсмотрѣть въ бинокль стадо, пасшееся въ камышевой заросли къ сѣверу, но какъ только мы остановились, стадо скрылось по направленію къ сѣверу, не давъ намъ времени опредѣлить — лошади это или антилопы.

Небольшія терассы и увалы изъ сухой сѣрой глины иногда до того похожи на стѣны глиняныхъ сакль въ селе-

ніяхъ, что надо было подойти къ нимъ вплотную, чтобы убѣдиться въ ошибкѣ.

Сегодня собаки были очень безпокойны и бѣжали далеко впереди каравана. Разъ онѣ совсѣмъ пропали на четверть часа и вернулись мокрыми по брюхо, — видно нашли воду. Пройдя $18\frac{1}{2}$ килом., и мы наткнулись на лужу. Я попросилъ Касима попробовать, какова вода на вкусъ. „Сладкая, какъ медъ“, — отвѣтилъ онъ, хлебнувъ здоровый глотокъ. Мы и расположились тутъ бивуакомъ. Люди, собаки, овцы и куры — всѣ спѣшили утолить жажду, донимавшую всѣхъ въ такую жару.

Вода была ключевая, прозрачная, совершенно прѣсная, скоплавшаяся въ небольшой впадинѣ, 80 метр. въ длину и 4 м. въ ширину; глубина-же воды равнялась только 1 дециметру, а температура (въ 5 ч. пополудни при температурѣ воздуха 25.5°) 21.9° . Здѣсь водилось множество водяныхъ пауковъ и жуковъ. Послѣдніе кружились въ воздухѣ надъ водой, и куры устроили настоящую охоту за ними.

Сегодня зарѣзали съ обычными церемоніями первую овцу, и собаки поживились внутренностями и кровью. Вообще лагерь вышелъ прямо идиллическимъ уголкомъ въ этой пустынѣ. Солнце скрылось въ пыльной мглѣ задолго до заката, и жаръ началъ сразу спадать. Въ 9 ч. вечера температура ключевой воды понизилась уже до 15.2° , показывая тѣмъ свою зависимость отъ температуры воздуха.

Пріятное мѣстоположеніе лагеря манило отдохнуть здѣсь денекъ, въ чемъ нуждались и люди и животныя. Всѣ спали долго, а затѣмъ день прошелъ въ разныхъ дѣлахъ. Резервуары долили ключевой водой, бѣлье выстирали, сѣдла и упряжь привели въ порядокъ. День былъ теплый, песокъ нагрѣлся до 44.6° , но порывы вѣтра съ NNO пріятно прохладжали, а воды мы могли пить, сколько душѣ хотѣлось, не чувствуя при этомъ никакихъ угрызений совѣсти. Верблюды и собаки такъ усердствовали, что видно было, какъ бока у нихъ раздувались отъ воды. Куры снесли въ этотъ день отдыха четыре яйца.

Собаки лаяли всю ночь и кидались по тому направленію, откуда мы пришли и гдѣ видѣли слѣды дикихъ верблюдовъ. Вѣроятно, обитатели пустыни подходили ночью напиться, но

останавливались въ подобающемъ разстояніи, видя, что мѣсто занято.

16 апрѣля прошли 24.7 килом. Песчаные холмы въ 5 м. высоты часто смѣнялись высохшими степными участками, поросшими камышомъ. Тростникъ хрустѣлъ и распылялся подъ ногами верблюдовъ. Попадались и одиноко растущіе кусты тамариска и тополя. Миновали два водоема, похожіе на первый. Всѣ три лежали на прямой линіи къ ОНО и, должно быть, являлись остатками разливающагося въ половодье рукава Яркендъ-дарьи.

Мы все больше и больше углублялись въ невѣдомое песчаное море. Ни слѣда жизни, ни звука, кромѣ монотоннаго звона караванныхъ колокольчиковъ. Иногда, приостанавливались ненадолго, чтобы обдумать направленіе; люди пользовались остановками для завтрака, состоявшаго изъ нѣсколькихъ горстей „талкана“ (поджареной муки), разболтанныхъ въ водѣ. Люди хлебали эту болтушку изъ деревянныхъ чашекъ. Я же всегда пропускалъ завтракъ, довольствуясь двумя трапезами въ день.

17 апрѣля. Сегодня дулъ свѣжій западный вѣтеръ, но небо оставалось совершенно чистымъ. Мы уже не разъ замѣчали, что только восточный и сѣверо-восточный вѣтеръ подымалъ пыльный туманъ, а при западномъ, какъ-бы онъ ни былъ силенъ, атмосфера оставалась чистой и прозрачной.

Пройдя небольшой конецъ, мы завидѣли на сѣверномъ горизонтѣ очертанія довольно высокой горы, рисовавшейся вдали тѣнью, похожей на облако. Часъ за часомъ ѣхали мы въ этомъ направленіи, а гора все какъ будто оставалась въ томъ-же разстояніи.

Барханы достигали 5 м. высоты и часто очень затрудняли движеніе; но между ними стали попадаться степные участки, поросшіе сочнымъ зеленымъ камышомъ, изъ чащи котораго выскакивали иногда зайцы, испуганные приближеніемъ каравана.

И сегодня миновали нѣсколько небольшихъ лужъ, но съ солоноватой водой и окруженныхъ бѣлымъ кольцомъ отложеній соли. По направленію ОНО извивалось старое рѣчное русло, 40 метр. ширины и 2 м. глубины; дно было занесено

пескомъ, но мѣстами виднѣлись лужицы воды. Другое русло 20 м. ширины было, напротивъ, совершенно сухо.

На сѣверѣ виднѣлись небольшія темныя облачка, похожія на поднимающійся дымъ.

Джолчи объяснилъ это явленіе такъ. Виднѣвшаяся вдали гора была юговосточнымъ продолженіемъ сѣвернаго отрога Мазаръ-тага и находилась на правомъ, т. е. южномъ берегу Яркендъ-дарьи. Оба русла-же были высохшими руслами рукавовъ Яркендъ-дарьи, несшихъ изъ нея воду въ лѣтнее половодье. Облака на сѣверѣ были водяные пары, подымавшіеся надъ Яркендъ-дарьей и ясно рисовавшіеся на чистомъ голубомъ небѣ. Джолчи, безъ сомнѣнія, былъ правъ; мы сами имѣли въ послѣдствіи случай убѣдиться въ справедливости нѣкоторыхъ изъ его истолкованій.

Цѣлый часъ шли мы между двумя параллельными грядами бархановъ, вытянутыхъ по направленію N 15° O. Правая гряда имѣла 9.5 м. высоты; обѣ представляли округленныя формы. Между ними шла ровная, степная полоса, гдѣ росли тополя и репейникъ.

Затѣмъ, мы перевалили черезъ правую гряду и очутились въ новой, параллельной первой долинѣ между грядами бархановъ. Пройдя въ общемъ 28.4 килом., мы разбили лагерь № 7 въ тѣни двухъ густолиственныхъ тополей. Мы основательно разсудили, что рыть здѣсь колодца нѣтъ надобности, такъ какъ неподалеку должна была быть вода.

Къ сѣверу шелъ довольно густой тополевыи лѣсокъ. Мошки, мухи и ночныя бабочки такъ и рѣяли въ воздухѣ. Бабочки вечеромъ сотнями вились около моей свѣчки.

XXIII.

Райскій уголокъ.

18 апрѣля. День начался свѣжимъ сѣверовосточнымъ вѣтромъ; палатку снесло-бы, еслибъ ее еще ночью не укрѣпили веревками и кольями. Небо заволокло на цѣлый день, и мы избавились отъ полуденной жары. Мы рѣшили идти наприя-

микъ къ горѣ, полагая достигнуть ея къ вечеру, но углубились въ лѣсъ, и гора исчезла въ пыльной мглѣ.

Этотъ частый лѣсъ выросъ между неправильно расположенными барханами; на землѣ лежали кучи сухой листвы и хвороста; характерные признаки пустыни исчезли совершенно. Караванъ шелъ извилинами, пробираясь между деревьями; то и дѣло приходилось уклоняться отъ вѣтвей.

Затѣмъ мы наткнулись на большое болото, поросшее частымъ камышомъ. По берегамъ его тополя были свѣжѣе и густолиственнѣе. Къ нашему удивленію, здѣсь оказались слѣды людей и лошадей, и остатки костра. Ясно было, что мы достигли тѣхъ мѣстъ, гдѣ долоны весною пасутъ свои стада, а жители Мараль-баши берутъ топливо.

Скоро путь намъ преградилъ узкій длинный протокъ, вытекающій изъ болота, черезъ который намъ и надо было перебраться. Одинъ изъ людей разулся и пошелъ вбродъ, указывая дорогу. Дно было изъ твердой глины, сдерживавшей верблюдовъ. Дальше болото перешло въ длинное озеро, тянувшееся къ сѣверу. Мы пошли по берегу его. Довольно высокіе барханы круто спускались въ чистую голубую воду неглубокаго озера, изобиловаващаго гусями.

Лѣсъ былъ по прежнему частъ, и намъ иногда приходилось давать крюку, чтобы не завязнуть въ чащѣ и выбраться на болѣе просторное мѣсто. Большею частью мы, однако, придерживались берега, гдѣ открывались намъ между деревьями чудеснѣйшія панорамы. Свѣжая весенняя зелень рѣзко выдѣлялась на фонѣ голубого озера. Вдали ландшафтъ окутывался дымкой тумана.

Ширина озера, казалось, не превосходила нѣсколькихъ километровъ; къ сѣверу и къ югу оно еще суживалось, происхожденіемъ же, вѣроятно, было обязано какому нибудь рукаву Яркендъ-дарьи. Во время лѣтняго половодья оно, должно быть, переполняется водой. Зимой въ немъ также сохраняется порядочное количество воды, которая замерзаетъ. Весною ледъ таетъ, а лѣтомъ озеро получаетъ большой притокъ воды изъ рѣки. По прибрежнымъ барханамъ видно было, что прошлою весною уровень воды въ озерѣ былъ на цѣлый метръ выше, нежели теперь.

Оставивъ озеро по лѣвую руку, мы заѣхали въ чашу

камыша, въ человѣческій ростъ вышиной. Верблюды пролагали себѣ путь съ трескомъ и хрустомъ; только съ высоты верблюда и можно было видѣть кругомъ.

Потомъ опять попали въ лѣсъ, да такой частый, что меня нѣсколько разъ чуть не сбросило съ сѣдла вѣтвями тополей; пришлось слѣзть и идти пѣшкомъ. Въ засохшемъ молодомъ лѣсочкѣ мы и совсѣмъ завязли. Люди должны были прорубить просѣку топорами. Съ большимъ трудомъ и потерей времени удалось намъ, наконецъ, выбратъся на ровное открытое мѣсто, гдѣ мы и разбили лагерь на одинокомъ барханѣ, рога котораго указывали на югъ и на юго-западъ.

Чтобы узнать, нѣтъ-ли тутъ гдѣ неподалеку людей, отъ которыхъ можно было-бы получить свѣдѣнія, мы разложили у подошвы бархана большой костеръ изъ сухихъ тополевыхъ вѣтвей. Пламя бросало отсвѣтъ далеко вокругъ, но людей не приманило. Утомленные дневнымъ переходомъ (25.5 килом.) мы рано улеглись на покой. Верблюдамъ жилось пока, какъ нельзя лучше; ни одного дня не пришлось пробыть безъ свѣжаго корма и воды.

19 апрѣля. Снимаясь съ лагерьа и разобравъ палатку, мы нашли подъ ковромъ скорпіона, четырехъ сант. въ длину, который отчаянно завивалъ хвостомъ, когда его потревожили. Люди были такъ изнурены трудными переходами послѣднихъ дней, что сборы шли очень медленно, и мы выступили въ путь позже 9 час. утра.

Теперь мы направили путь къ небольшому кряжу, ясно выступавшему на востокъ; онъ все понижался по направленію къ юго-востоку и, наконецъ, исчезалъ въ туманѣ. На сѣверѣ тоже виднѣлась гора. Согласно моему маршруту, это былъ кряжъ около Мазара-алды. Между этими двумя кряжами вьется Яркендъ-дарья, но ея мы не видѣли отсюда.

Сегодня сдѣлали лишь 12.4 килом.; дорога шла по степной мѣстности, изобиловавшей оврагами и болотами. Кряжъ вырисовывался все яснѣе и оказался сильно разрушеннымъ вывѣтриваньемъ; на сѣверныхъ склонахъ возвышались песчаные барханы, довольно значительной высоты. У сѣверной подошвы лежало нѣсколько маленькихъ озеръ съ прѣсной водой, отдѣленныхъ другъ отъ друга длинными перешейками. Протокъ, впадавшій въ самое большое изъ нихъ, свидѣтельство-

валъ, что они питаются водой изъ рѣки, и лѣтомъ, по всей вѣроятности, сливаются въ одно большое озеро.

Сначала мы направились между озерами и кряжемъ къ востоку, потомъ къ сѣверо-востоку, обогнули отрогъ кряжа и разбили лагерь на берегу озера, подъ тѣнью густолиственныхъ тополей. Отрогъ этотъ лежалъ совершенно изолированно.

Закололи вторую овцу, и собаки, давно постившіяся на одномъ хлѣбѣ, опять полакомились кровью и внутренностями. Какой-то соколъ очень заинтересовался курами, но его спугнули неудачнымъ выстрѣломъ.

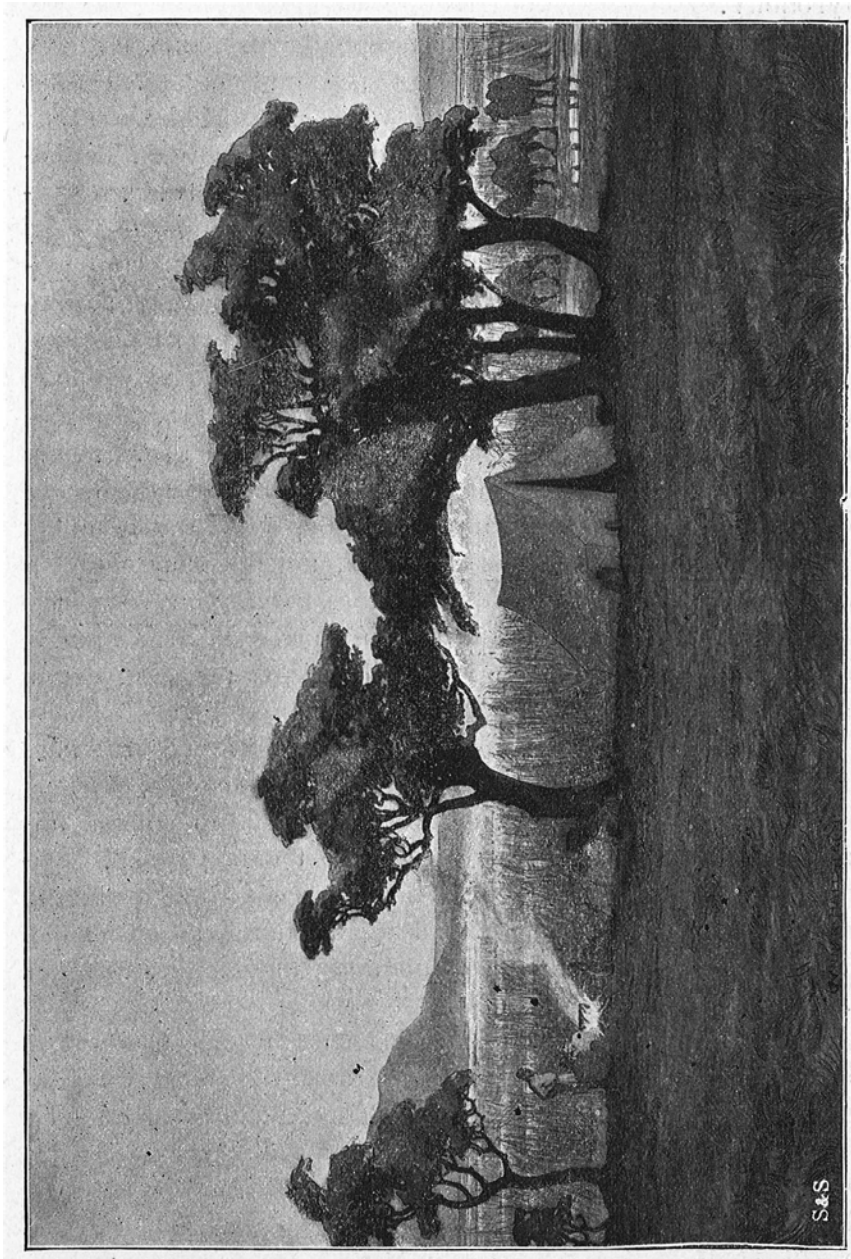
20 апрѣля. Мѣсто стоянки слишкомъ располагало къ отдыху, чтобы мы не разрѣшили себѣ пробить здѣсь еще денекъ. Жара стояла ужасная, хотя всю ночь и все утро дулъ свѣжій вѣтеръ съ NO. Инсоляція доходила до 63.5° , и песокъ въ два часа пополудни нагрѣлся до температуры 52.7° . Жажда въ такую жару прямо непреодолима и гьешь черезъ каждые полчаса. Чтобы нѣсколько охладить воду въ желѣзныхъ кувшинахъ, ихъ обвертываютъ мокрой парусиной и вѣшаютъ на дерево противъ вѣтра.

Исламъ-бай пошелъ на охоту и убилъ на озерѣ пару гусей, но не могъ достать ихъ. Остальные люди спали. Я прогулялся на вершину ближайшаго холма, гдѣ жилы порфира прорѣзываютъ ту-же горную породу, что и въ массивѣ около Мазаралды. Видъ открывался великолѣпный. На WSW виднѣлись два озера, мимо которыхъ мы проходили вчера; въ ихъ спокойномъ лонѣ ясно отражались окружающія ихъ горы со склонами, одѣтыми пескомъ. На W 32° N рисовался кряжъ Мазаръ-алды, а между нимъ и нашимъ лагеремъ и дальше по направленію NO разстилалась сочная, сырая, болотистая равнина.

На востокѣ также виднѣлся кряжъ, а на югѣ цѣлый хаосъ небольшихъ вывѣтрѣлыхъ вершинъ кряжа, находившагося возлѣ нашего лагеря. Дальше къ сѣверу равнина отливала то желтымъ, то зеленымъ цвѣтомъ отъ тополей и камыша, самый холмъ — лиловымъ, а поверхность воды голубымъ.

Пока я сидѣлъ на вершинѣ холма, наслаждаясь вечернею прохладой и чудеснымъ видомъ, вѣтеръ понемногу улегся, солнце сѣло, и окрестность заволоклась дымкой тумана. Стояла полная тишина; слышалось только жужжаніе мошекъ и кома-

ровъ; изрѣдка квакали лягушки, да издали доносился крикъ гусей и позваниванье верблюжьихъ колокольчиковъ въ чащѣ

Нашъ бивуакъ около озера Мазаръ-тага.
(Съ рисунка Г. Гальстрёма).

камыша. Вообще, это былъ чудесный уголокъ, и я въ полномъ смыслѣ слова упивался жизнью. Какая разница въ сравненіи

съ тѣмъ, что ожидало насъ вскорѣ! Въ теченіе двухъ слѣдующихъ недѣль это мѣстечко стояло въ моей памяти, какъ райскій уголокъ.

Но сумерки въ этихъ мѣстахъ непродолжительны, и время было вернуться въ лагерь. Люди все еще спали. Одинъ Исламъ-бай былъ на ногахъ, занятый приготовленіемъ обѣда для меня: супа изъ баранины, жареной картошки и чая. Термометръ показывалъ 20°, но за ночь понизился до 10.4°, и чувствовалась изрядная свѣжесть.

И около этихъ озеръ мы видѣли слѣды людей. По берегамъ были разбросаны покинутые шалаши изъ камыша, а, продолжая на слѣдующій день, 21 апрѣля, путь дальше къ востоку, между озерами и горнымъ кряжемъ, мы нашли по ту сторону бархановъ дорогу съ ясными слѣдами колесъ арбъ, которые вели черезъ рѣденькій тополевыи лѣсокъ. Открытіе это удивило всѣхъ. Люди думали, что это просто на просто та самая дорога, которая, по рассказамъ, шла по лѣвому берегу Хотанъ-дарьи, но я полагалъ, что это какая-то новая, неизвѣстная еще дорога, ведущая вдоль хребта Мазаръ-тагъ къ упомянутой рѣкѣ. Чтобы удостовѣриться, мы рѣшили отправиться по этой дорогѣ, куда-бы она ни вела. Скоро, однако, слѣды исчезли, самая дорога также, и лѣсъ пресѣкъся.

Мы продолжали путь на юго-востокъ между отдѣльно лежащимъ отрогомъ и кряжемъ, около котораго былъ вчера разбитъ нашъ лагерь. Идти по этой удивительно ровной поверхности съ твердымъ грунтомъ было очень удобно. Верблюды двигались мѣрно, въ тактъ позванивая колокольчиками. Около восточной подошвы кряжа лежало длинное, узкое озеро, на берегу котораго, къ нашему полному изумленію, паслись три лошади.

Надо было розыскать ихъ владѣльца, и двое изъ моихъ людей пошли по свѣжимъ слѣдамъ, которые вели между барханами къ западной подошвѣ горы. Скоро люди вернулись съ однимъ изъ жителей Мараль-баши. Онъ рассказалъ намъ, что время отъ времени пріѣзжаетъ сюда добывать горную соль, которою изобилуетъ кряжъ. Соль эта отличнаго качества, и онъ продаетъ ее на базарѣ въ Мараль-баши; такой промыселъ давалъ ему, повидимому, хорошіе барыши.

Мѣстоположеніе Мараль-баши онъ указалъ на сѣверо-

западѣ, и сказалъ, что до него всего два неполныхъ дня пути. Гора, которую мы видѣли въ томъ направленіи, и оказалась, какъ мы предполагали, массивомъ Мазарь-алды. О дорогѣ на SO и разстояніи до Хотань-дарьи онъ ничего не зналъ навѣрное, но слыжалъ, что къ югу идетъ сплошной песокъ, воды нѣтъ ни капли, и что пустыню эту называютъ Такла-маканъ.

Мы простились съ одинокимъ путникомъ и продолжали путь къ SSO по твердой безплодной, бездорожной равнинѣ. Кряжъ, бывшій у насъ по правую руку, понемногу все понижался къ югу и перешелъ въ гряду бархановъ, которые уходили въ пустыню. Такимъ образомъ оставалось только надѣяться, что восточный кряжъ протянется до Хотань-дарьинскаго Мазарь-тага, какъ это полагалъ и изобразилъ на картѣ Пржевальскій.

Грунтъ былъ теперь глинистый, твердый и сухой, изрѣзанный безчисленными трещинами; лѣтомъ, какъ видно, его заливало. Мы все держались береговой линіи озера. Къ югу оно суживалось, затѣмъ образовывало значительное расширение—болото, которое и заставило насъ сдѣлать большой обходъ. Длинные узкіе заливы, словно пальцы, указывали на югъ, гдѣ небольшое поднятіе мѣстности ставило предѣлъ дальнѣйшему разлитію воды. Замѣчательно, что всѣ эти небольшія озера мы находили какъ разъ у подошвы кряжа. Остановились мы на восточномъ берегу озера.

Предвидя, что это будетъ послѣдняя наша стоянка со свѣжею прѣсной водой, мы рѣшили посвятить весь день 22 апрѣля отдыху. Верблюды и послѣдняя наша овца еще разъ полакомились камышомъ на берегу. Я прошелся на вершину холма, у подошвы которой лежало озеро, и оттуда мнѣ открылся видъ на всю окрестность.

Кряжъ простирался въ юго-восточномъ направленіи, врѣзываясь въ песчаное море пустыни длинной косою. Послѣднимъ же его отпрыскомъ вдали являлся совсѣмъ ничтожный скалистый холмъ, выглядывавшій изъ песку. Болѣе не было видно никакихъ возвышенностей. Мы находились, слѣдовательно, у самой юговосточной точки Мараль-бапинскаго Мазарь-тага, и этотъ маленькій кряжъ не сливался съ Хотань-дарьинскимъ Мазарь-тагомъ.

На SO, S и W разстилалась, насколько хваталъ взоръ, безбрежная, бесплодная пустыня, и горизонтъ въ этихъ направленихъ обрисовывался ровною линіею. Подвигаясь въ теченіе слѣдующихъ дней на OSO и на O и не находя никакихъ горъ, мы могли, конечно, предполагать, что продолженіе Мазаръ-тага снова вынырнетъ дальше въ глубинѣ пустыни, или что мы оставили его вправо, но это было мало вѣроятно.

Въ теченіе этого дня отдыха мы и держали между собою совѣтъ. Джолчи увѣрялъ, что отсюда до Хотанъ-дарьи 4 дня пути на востокъ. По лучшимъ русскимъ картамъ, которыя у меня имѣлись, разстояніе это равнялось 120 верстамъ; дѣлая по 20 килом. въ день мы, слѣдовательно, могли пройти этотъ путь въ 6 дней, но уже въ разстояніи двухъ дней пути необходимо было-бы вырыть колодезь, какъ мы это дѣлали въ области Яркендъ-дарьи. Я и приказалъ людямъ запасться водой на 10 дней, т. е. наполнить наши резервуары только на половину, чтобы облегчить верблюдамъ путь по глубокому песку.

Съ такимъ запасомъ мы считали себя вполне обезпеченными; его должно было хватить, чтобы напоить верблюдовъ два раза въ эти шесть дней. Всѣ расчеты казались такими простыми, ясными. Налить въ резервуары воды поручено было Джолчи и Касиму. Они занялись этимъ подъ вечеръ, и я слышалъ, какъ драгоценная влага, булькая, лилась въ водохранилища. Вечеромъ-же привели въ порядокъ всѣ вьюки, чтобы утромъ можно было выступить пораньше.

23 апрѣля день выдался жаркій, но верблюды успѣли отдохнуть наканунѣ, и мы сдѣлали 27.5 килом. Сначала мы шли по равнинѣ, покрытой рѣдкой растительностью и простиравшейся на юго-востокъ отъ озера. Много попадалось глиняныхъ конусовъ и террасъ, похожихъ на развалины сакль. Часа черезъ полтора характеръ мѣстности измѣнился. Начали попадаться маленькіе барханы, а еще минутъ черезъ 10 они потянулись непрерывными неправильными грядами; главное направленіе ихъ было NO—SW, а крутыми склонами они были обращены къ S, SW и W.

Высота ихъ равнялась 6—7 метрамъ, и переходъ черезъ нихъ часто былъ крайне затруднителенъ. Люди мои давали этой области названіе „яманъ-кумъ“ (дурной песокъ), „чонъ-

кумъ“ (большой песокъ), или игизъ-кумъ (высокій песокъ), а гребни бархановъ назывались у нихъ „бель“ (перевалъ).

Стали также попадаться оригинальныя песчанья образованія. Подобно тому, какъ волны, при встрѣчѣ двухъ теченій, громоздятся другъ на друга, и достигаютъ двойной высоты, такъ и встрѣчные барханы, образованные различными вѣтрами, скрещиваясь, громоздились въ пирамидальныя массы, превышавшія по высотѣ остальную часть бархановъ.

По направленію съ NNO къ SSW тянулся передъ нами уваль изъ гигантскихъ бархановъ, нагроможденіе бархановъ, образовавшееся, можетъ быть, на болѣе высокихъ точкахъ первоначальной поверхности. Трудно было перевалить черезъ этотъ уваль. Верблюды, однако, карабкались удивительно увѣренной, твердой поступью по крутымъ склонамъ, тогда какъ люди безпрестанно скатывались внизъ.

Хотя это нагроможденіе имѣло лишь незначительную относительную высоту, видъ съ вершины открывался широкій. И, если я не поблѣднѣлъ отъ страха, когда мой взоръ потонулъ въ этомъ безбрежномъ морѣ съ гигантскими волнами желтаго песку, то, пожалуй, потому лишь, что я слишкомъ вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, до сихъ поръ всегда ярко сіявшую надъ моею головой. Это песчаное море даже казалось мнѣ безконечно прекраснымъ; тишина и миръ, царствовавшія здѣсь, возвышали душу. Это было дивное величественное зрѣлище.

„Жажда неизвѣданнаго, неизвѣстнаго“ — вотъ имя той волшебной силы, которая непреодолимо влекла меня въ замокъ царя пустыни, гдѣ ждали меня великія открытія, легендарныя сокровища. „Qui ne risque, ne gagne“ — было всегда моимъ лозунгомъ. Впередъ, безъ страха и сомнѣнія! — шепталъ вѣтеръ пустыни; впередъ! — пѣли караванныя колокольчики. Тысячи тысячъ медленныхъ шаговъ впередъ, къ цѣли, но не одинаго назадъ!

Но скоро барханы стали еще выше, достигая 18—20 метр. надъ уровнемъ поверхности. Пробираться по нимъ становилось очень трудно. Верблюды спускались со скатовъ очень осторожно; разъ только упалъ одинъ изъ несшихъ резервуары съ водой; пришлось его развьючить. Иногда намъ преграждалъ дорогу черезчуръ крутой склонъ; приходилось

останавливаться, брать въ руки заступы и прокладывать дорожку со ступеньками для животныхъ.

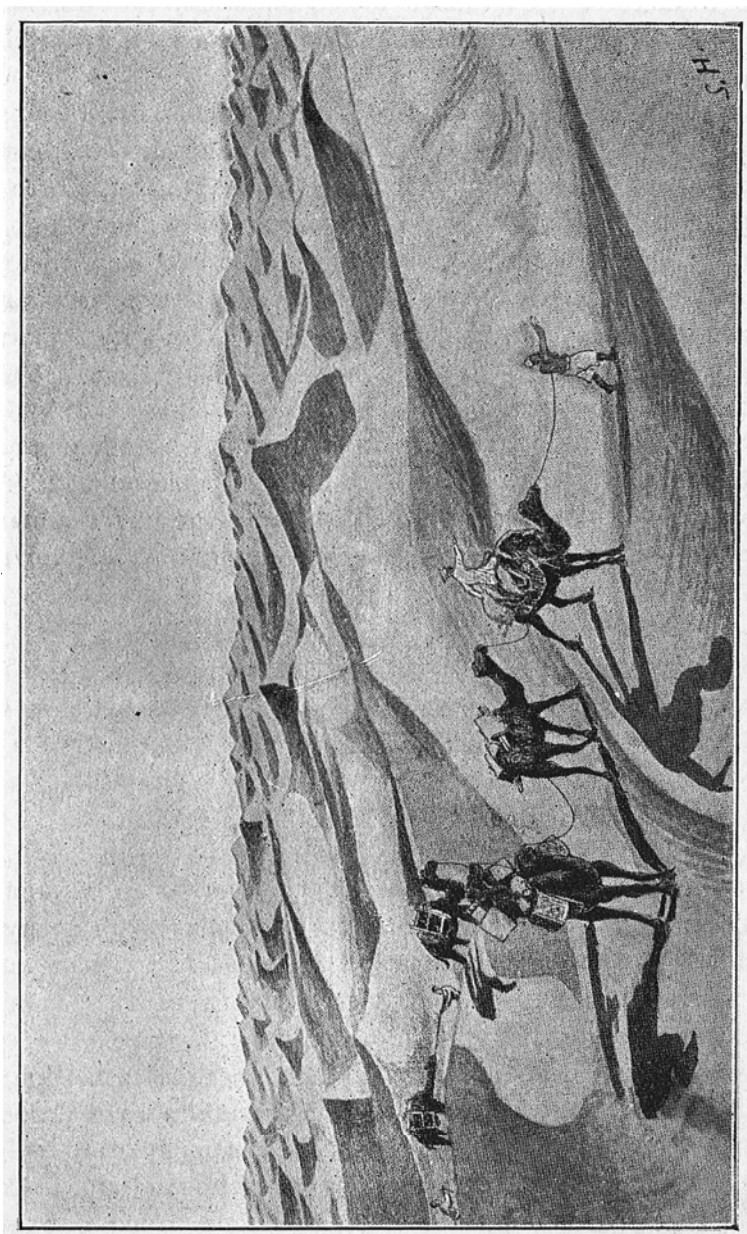
Высота бархановъ дошла, наконецъ, до 25—30 метр. Караванъ, проходившій по краю вершины такого бархана, казался, если глядѣть на него отъ подошвы, совсѣмъ крохотнымъ. Мы, по возможности, держались одной изогипсы, чтобы не спускаться въ котловины между барханами, почему, разумѣется, и шли зигзагами. Для переваловъ мы выбирали болѣе округленныя съ отлогими склонами вершины, но часто приходилось спускаться и съ крутого склона, котораго нельзя было обойти. Всѣ, не отрывая глазъ, слѣдили тогда за движеніями верблюдовъ, которые послѣ минутнаго колебанія начинали спускаться по глубокому рыхлому песку, такъ и осыпавшемуся вслѣдъ за ними, засыпая имъ ноги по колѣна.

Здѣсь уже не было тѣхъ площадокъ съ твердымъ глинистымъ грунтомъ, какія попадались намъ въ первые дни пути; кругомъ былъ одинъ песокъ. Скоро мы оставили за собою и послѣдніе кустики тамариска, еще противостоявшіе жаркому дыханію пустыни. Нигдѣ не видѣлось ни былинки, ни листика,—одинъ песокъ, желтый, мелкій песокъ. Цѣлыя горы песку тянулись непрерывными грядами насколько хваталъ глазъ, вооруженный полевымъ биноклемъ. Птицы не оживляли болѣе воздушнаго пространства, слѣды газелей и антилопъ тоже исчезли. Временами крайній выступъ косы Мазаръ-тага исчезалъ въ насыщенномъ пылью воздухѣ.

Бѣдныя собаки больше всѣхъ страдали отъ жары въ своихъ теплыхъ шубахъ. Особенно выла, пищала и отставала Хамра. Мы уже съ часъ тщетно искали въ сумеркахъ удобнаго мѣста для привала, когда, наконецъ, увидали небольшую площадку съ твердымъ глинистымъ грунтомъ, на которой росли два послѣднихъ кустика тамариска. Верблюды живо общипали ихъ. Съ этихъ-же поръ животнымъ предстояло довольствоваться кунжутными масломъ и отжимками. Люди начали было рыть колодезь; вырыли яму, глубиною въ 70 сант., но земля все оставалась сухой, и рытье бросили.

Хватились Хамры; ея не было; стали звать, свистать, собака такъ и не явилась. Магометъ-шахъ сказалъ, что видѣлъ еще на полпути, какъ она вырыла себѣ ямку въ пескѣ, въ тѣни кусковъ тамариска, и улеглась тамъ. Люди и полагали, что

собака издохла отъ солнечнаго удара. А, можетъ быть, умное животное, соскучась бѣгать по песку, догадалось, что и впереди

Среди песчаннаго моря.
(Съ рисунка автора).

хорошаго ждать нечего, и разсудило за лучшее повернуть на-
задъ къ послѣднему озеру, чтобы напиться и выкупаться тамъ,